

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ
ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

На правах рукописи

ГЛУБОКАЯ ОЛЬГА АНАТОЛЬЕВНА

**ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ИТАЛЬЯНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ**

Специальность 5.5.4 – Международные отношения, глобальные
и региональные исследования

Диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
кандидат политических наук,
ТИМАКОВА Ольга Александровна

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИТАЛИИ	25
1.1. ЗНАЧЕНИЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕРЕНИЯХ.....	25
1.2. СПЕЦИФИКА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ИТАЛИИ.....	43
1.3. ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИТАЛИИ	59
ГЛАВА 2: СТРАТЕГИИ И ФОРМАТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИТАЛИИ В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ.....	74
2.1. ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ ИТАЛИИ В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ.....	74
2.2. ПОДХОД ИТАЛИИ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ	101
2.3. НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ИТАЛИИ В РЕГИОНЕ	120
ГЛАВА 3: ВЛИЯНИЕ ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ИТАЛИИ В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ.....	144
3.1. ФАКТОР РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ ВЕКТОРЕ ИТАЛИИ	144
3.2. ВОЗДЕЙСТВИЕ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ НА СРЕДИЗЕМНОМОРСКУЮ ПОЛИТИКУ ИТАЛИИ	162
3.3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КИТАЯ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ КАК ВЫЗОВ ИНТЕРЕСАМ ИТАЛИИ	184
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	206
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	213
ПРИЛОЖЕНИЕ А.....	249

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Средиземноморский регион, сохраняя свою непреходящую геостратегическую значимость, остается ключевым элементом во внешнеполитических приоритетах Италии и Европейского союза. Его роль определяется уникальным положением на стыке трёх континентов, что создает важный узел глобальных экономических связей, а полицентричная конфигурация формирует пространство интенсивного межкультурного диалога, где переплетаются политические модели, хозяйственные уклады и культурно-конфессиональные традиции.

В последние десятилетия этот диалог приобрел выраженное политическое измерение, сделав регион ареной конкуренции множества центров силы, включая США, Китай и Россию. Конкуренция, в свою очередь, формирует сложную динамику межгосударственных отношений. В этой связи вариативность моделей развития и инструментов влияния, представленных в Средиземноморье, ставит перед внешнеполитическими акторами задачу адаптации к новой, более сложной расстановки сил.

Особую остроту эта проблематика приобрела на фоне фундаментальной трансформации архитектуры международных отношений, вызванной санкционной конфронтацией и изменением баланса сил после 2022 г.

Средиземноморье для Италии — это зона первостепенных национальных интересов, где вызовы и возможности сосуществуют. После «арабской весны» это проявилось в трёх основных сферах: обеспечение энергобезопасности, контроль миграционных потоков и развитие торгово-экономических связей.

Однако реализация внешнеполитической стратегии Италии, которая традиционно балансирует между атлантической солидарностью, европейской интеграцией и средиземноморской ориентацией, сталкивается с комплексными внутренними ограничениями. Длительная внутрисполитическая нестабильность, большой госдолг и неэффективность координации внешнеполитического курса

формируют парадокс «ограниченной суверенности». Как следствие, это препятствует утверждению статуса Италии как региональной державы даже в приоритетном для нее пространстве. Стратегическая фрагментация, вызванная частой сменой правительств, снижает синергию между инструментами безопасности, дипломатией и экономическими инициативами.

Поскольку в условиях текущей геополитической нестабильности Средиземноморье сохраняет значимость и для национальных интересов России, анализ внешнеполитического курса Итальянской Республики представляется особенно ценным. Он позволяет конкретизировать роль региональных держав в формирующемся полицентричном мире, что представляет существенный научный и практический интерес для российских европейцев.

В свете вышеизложенного, диссертационное исследование, посвященное комплексному анализу внешней политики Италии в Средиземноморском регионе, представляется особенно актуальным.

Основными источниками исследования являются официальные документы. Документы Российской Федерации – Концепция внешней политики¹, Стратегия национальной безопасности², Морская доктрина³, а также стратегические ориентиры в энергетической безопасности и военно-морской деятельности.⁴

Официальная позиция Итальянской Республики отражена: в документах МИД «Стратегия Италии в Средиземноморье»⁵ и последующих директивных

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации».

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400.

³ Указ Президента Российской Федерации от 31.07.2022 «Об утверждении Морской доктрины Российской Федерации».

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 20.07.2017 № 327 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года». Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2019 № 216 «Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации». Распоряжение Правительства Российской Федерации от 09.06.2020 № 1523-р «Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года».

⁵ La Strategia Italiana nel Mediterraneo: Stabilizzare le Crisi e Costruire un' Agenda Positiva per la Regione / Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. Farnesina, 2017. – 52 с. – URL: <https://www.esteri.it/mae/resource/doc/2017/12/med-maeci-ita.pdf> (accessed: 15.10.2023).

актах: «Партнёрство с Африкой»⁶, Директива по национальной военной политике⁷ и «Стратегия безопасности и обороны для Средиземноморья»⁸. Текущую политику характеризуют Документы по обороне⁹ и безопасности¹⁰, законодательное оформление «Плана Маттеи»¹¹ и отчёты о его реализации¹², а также Национальный план восстановления и устойчивости.¹³

Документы ЕС – Барселонская декларация¹⁴, коммюнике о Союзе для Средиземноморья¹⁵ и «Стратегический компас» ЕС¹⁶. Документы НАТО, в том числе официальные заявления.¹⁷ Рассматриваются двусторонние отношения через Совместное заявление лидеров США и Италии¹⁸ и Меморандум о взаимопонимании между Италией и Китаем по инициативе «Пояс и путь»¹⁹.

⁶ Partenariato con l'Africa. MAECI. 2020. URL: https://www.esteri.it/mae/resource/doc/2020/12/2020_12_10_partenariato_con_lafrica_-_versione_italiana.pdf (accessed: 30.03.2023).

⁷ Ministero della Difesa. Direttiva per la Politica Militare Nazionale : 2022. URL: https://www.difesa.it/Il_Ministro/Documents/Direttiva%20PMN%202022.pdf (accessed: 17.02.2023).

⁸ Ministero della Difesa. Strategia di sicurezza e difesa per il Mediterraneo. 2022. URL: <https://ciram.unimc.it/it/focus/diritto-geopolitica-mare/italia-sicurezza-spazi-marittimi/litalia-e-la-sicurezza-degli-spazi-marittimi/StrategiaMediterraneo2022.pdf> (accessed: 29.03.2023).

⁹ Ministero della Difesa della Repubblica Italiana. Documento Programmatico Pluriennale Della Difesa Per Il Triennio 2024-2026. — URL: https://www.difesa.it/assets/allegati/30714/dpp_2024-2026_final_firmato.pdf (accessed: 10.07.2024).

¹⁰ Libro Bianco. Per la sicurezza internazionale e la difesa // Ministero della Difesa. Roma, 2015 // <https://www.iai.it/sites/default/files/iai1509.pdf>. (accessed: 10.07.2024).

¹¹ Decreto-legge 15 novembre 2023, n. 161. Disposizioni urgenti per il «Piano Mattei» per lo sviluppo in Stati del Continente africano : [decreto-legge] // Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. – 2023. – № 267.

¹² Relazione sullo stato di attuazione del Piano Mattei - aggiornata al 10 ottobre 2024 - Doc. CCXXXIII, n. 1 // Camera dei Deputati, Senato della Repubblica. - 2024. - URL: <https://documenti.camera.it/Leg19/Dossier/Pdf/ES0242.Pdf> (accessed: 23.09.2025). - 7 p.; Relazione sullo stato di attuazione del Piano Mattei - aggiornata al 30 giugno 2025 - Doc. CCXXXIII, n. 2 [Electronic resource] : submitted by the Government to the Chambers on July 9, 2025. – Electron. data. – [B. m.], 2025. – 11 p. – Available at: <https://temi.camera.it/leg19/dossier/OCD18-20828/relazione-sullo-stato-attuazione-del-piano-mattei-aggiornata-al-10-ottobre-2024-doc-ccxxxiii-n-1.html> (accessed: 23.09.2025).

¹³ Piano Nazionale di ripresa e resilienza. Governo Italiano, 2021. URL: <https://www.governo.it/sites/governo.it/files/PNRR.pdf> (accessed: 11.02.2024).

¹⁴ European Council. Barcelona Declaration adopted at the Euro-Mediterranean Conference (27–28 November 1995) [Electronic resource] // European External Action Service (EEAS). — 2005. — URL: <https://ufmsecretariat.org/wp-content/uploads/2015/10/Declaracion-de-Barcelona-1995.pdf> (accessed: 17.06.2022).

¹⁵ Barcelona Process: Union for the Mediterranean // Communication from the European Commission to the European Parliament and the Council // Brussels, 20/05/08. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=legissum:rx0001> (accessed: 29.04.2022).

¹⁶ A Strategic Compass for Security and Defence // European External Actions Service // URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/strategic-compass-security-and-defence-0_en (accessed: 29.04.2022).

¹⁷ North Atlantic Treaty Organization (NATO). Statement by NATO Foreign Ministers. Issued at the Meeting of the North Atlantic Council at the level of Foreign Ministers held in Brussels, 27-28 November 2024. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227678.htm (accessed: 06.05.2022). North Atlantic Treaty Organization (NATO). NATO Partnerships. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_52927.htm (accessed: 06.05.2022).

¹⁸ The White House. United States – Italy Joint Leaders' Statement. 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/2025/04/united-states-italy-joint-leaders-statement/> (accessed: 19.04.2025).

¹⁹ Memorandum d'intesa tra il Governo della Repubblica Italiana e il governo della Repubblica Popolare Cinese sulla collaborazione nell'ambito della «Via della seta economica» e dell'«iniziativa per una via della seta marittima del 21 secolo». Governo Italiano. 2019. URL: https://www.governo.it/sites/governo.it/files/Memorandum_Italia-Cina_IT.pdf (accessed: 09.10.2021).

Завершает базу источников блок международных документов: Декларация ОБСЕ о сотрудничестве в Средиземноморье²⁰, Палермская конвенция ООН²¹, аналитические доклады международных организаций (ЮНКТАД, МВФ, МОТ, IRENA)²² и др.

Степень научной разработанности проблемы.

Прежде всего, диссертант имел возможность опереться на общетеоретические и практические работы по международным отношениям и мировой политике. Среди них коллективные труды учёных Дипломатической академии МИД России²³, а также исследования О.Г. Карповича²⁴, С.С. Жильцова²⁵, М.А. Неймарка²⁶, В.И. Винокурова²⁷, О.П. Иванова²⁸,

²⁰ Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE), Declaration on Security and Co-operation in the Mediterranean, adopted by the Ministerial Council at the Twenty-Fifth Meeting (Second day), Milan, 7 December 2018, MC(25) Journal No. 2, Agenda item 7. – URL: <https://www.osce.org/files/mcdoc0004%20decl%20mediterranean%20dimension%20en.pdf> (accessed: 29.04.2022).

²¹ Конвенция Организации Объединённых Наций против транснациональной организованной преступности: (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН). – URL: <https://www.unodc.org/documents/treaties/UNTOC/Publications/TOC%20Convention/TOCbook-r.pdf> (дата обращения: 20.10.2023).

²² Review of Maritime Transport 2023. UNCTAD. Geneva, 2023. URL: <https://unctad.org/publication/review-maritime-transport-2023> (accessed: 20.06.2024); International Monetary Fund (IMF). Gulf Cooperation Council: Economic Prospects and Policy Challenges for the GCC Countries. Country Report No. 2023/413. Washington, D.C., 2023. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2023/12/14/Gulf-Cooperation-Council-Economic-Prospects-and-Policy-Challenges-for-the-GCC-Countries-542513> (accessed: 03.05.2024); International Labour Organization (ILO). World Employment and Social Outlook: Trends 2023. Geneva, 2023. URL: <https://www.ilo.org/publications/world-employment-and-social-outlook-trends-2023> (accessed: 20.05.2024); International Renewable Energy Agency (IRENA). Renewable Energy Statistics 2022. Abu Dhabi, 2022. URL: <https://www.irena.org/publications/2022/Jul/Renewable-Energy-Statistics-2022> (accessed: 19.05.2023).

²³ Африка и контуры формирующегося мира: монография / Карпович О.Г., Сидорова Г.М., Шангараев Р.Н., Шахалова А.А. – Дипломатическая академия МИД России. Москва: Изд.: ООО «Сам полиграфист», 2024. 252 с.;

²⁴ Карпович, О. Г. Новая геометрия полицентричного мира : сборник статей / О. Г. Карпович. – Москва : Дипломатическая академия МИД России, 2025. – 600 с. – ISBN 978-5-605-26652-5. – EDN FJCWIA.

²⁵ Жильцов, С. С. Арктический вектор политики ЕС / С. С. Жильцов // Современная Европа. – 2022. – № 3(110). – С. 49-61. – DOI 10.31857/S0201708322030044. – EDN GEZAON.

²⁶ Неймарк, М. А. Прошлое и будущее геополитики: отрицание отрицания / М. А. Неймарк // Современная Европа. – 2023. – № 3(117). – С. 178-187. – DOI 10.31857/S0201708323030154. – EDN BUNDBZ.

²⁷ Винокуров, В. И. От однополярного к многополярному миру: теоретическое обоснование неизбежности трансформации мирового порядка / В. И. Винокуров // Дипломатическая служба. – 2023. – № 1. – С. 43-52. – DOI 10.33920/vne-01-2301-04. – EDN GDANOL.

²⁸ Иванов, О. П. Американская официальная концепция расширения НАТО на восток: к истокам вопроса / О. П. Иванов // Современная Европа. – 2017. – № 6(78). – С. 34-46. – EDN YQRCVH.

В.В. Штоля²⁹, С.В. Воробьева³⁰, Г.М. Сидоровой³¹, В.А. Аваткова³², Т.И. Зверевой³³, А.Г. Володина³⁴, Р.Н. Шангараева³⁵ и О.А. Тимаковой³⁶.

При выборе методологии были полезны труды В.К. Белозерова³⁷ и А.В. Фененко³⁸.

Среди авторов, внесших вклад в изучение проблем Средиземноморского региона, в первую очередь назовем Ю.А. Гусарова³⁹, А.В. Мальгина⁴⁰, Б.В. Сысоева⁴¹, чьи работы освещают особенности разработки политики безопасности Европейского Союза в Средиземноморском регионе. Здесь же выделяются диссертации.⁴²

²⁹ Штоль, В. В. Проблемы лидерства в системе многополярности / В. В. Штоль // Трансформация международной безопасности в XXI веке: Россия, Запад и Глобальный Юг : Сборник материалов международной научно-практической онлайн-конференции, Москва, 01 декабря 2023 года. – Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2024. – С. 31-42. – EDN ELRGYG.

³⁰ Воробьев, С. В. Международное взаимодействие приграничных субъектов России. Деятельность в условиях санкционного давления Запад / С. В. Воробьев, А. Ш. Ногмова // Обозреватель. – 2025. – № 1(408). – С. 86-96. – DOI 10.48137/2074-2975_2025_1_86. – EDN QUTUCK.

³¹ Сидорова, Г. М. Африка: вторая независимость или провальные попытки запада реставрировать колониализм (на примере бывших колониальных владений Франции) / Г. М. Сидорова // Электронный научно-образовательный журнал "История". – 2024. – Т. 15, № 10(144). – DOI 10.18254/S207987840032608-7. – EDN RQHNGQ.

³² Аватков, В. А. Популизм во внешней политике Турецкой Республики / В. А. Аватков // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2021. – Т. 21, № 3. – С. 543-554. – DOI 10.22363/2313-0660-2021-21-3-543-554. – EDN OILCHF.

³³ Зверева, Т.В. Международные отношения в европейском регионе. Политические проблемы современных международных отношений : учебное пособие / отв. ред. Т. В. Каширина, К. А. Феофанов. – Москва : Проспект, 2019. – 272 с. С.70-99. ISBN 978-5-392-30571-1.

³⁴ Володин, А. Г. Отношения «гигантов»: Индия и Китай в современном мире / А. Г. Володин // Вестник ученых-международников. – 2023. – № 4(26). – С. 209-218. – EDN KPRVJS.

³⁵ Шангараев, Р. Н. Когнитивное превосходство в контексте современных угроз / Р. Н. Шангараев // Социально-политические науки. – 2025. – Т. 15, № 2. – С. 84-88. – DOI 10.33693/2223-0092-2025-15-2-84-88. – EDN NJLPWS.

³⁶ Тимакова, О. А. Отношения Китая со странами Средиземноморья: военные и политические аспекты / О. А. Тимакова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 700-711. – DOI 10.22363/2313-0660-2021-21-4-700-711. – EDN ORQLRP.

³⁷ Белозеров, В. К. Методы анализа стратегических культур / В. К. Белозеров // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15, № 5. – С. 29-49. – DOI 10.31249/kgt/2022.05.02. – EDN MLKXZE.

³⁸ Фененко, А. В. Иллюзорная дисциплина: и снова о количественных методах в международных отношениях / А. Фененко // Международные процессы. – 2021. – Т. 19, № 4(67). – С. 163-191. – DOI 10.17994/IT.2021.19.4.67.9. – EDN MKPWJD.

³⁹ Гусаров, Ю.А. Разработка общей внешней политики и политики безопасности ЕС и его взаимоотношения со Средиземноморским регионом // Европейский союз на рубеже веков. - М.: РАН ИНИОН, 2000.

⁴⁰ Мальгин А.В. Европа и Средиземноморье: проблема единого пространства, безопасности и межрегионального взаимодействия // Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. - М.: РОССПЭН, 2002.

⁴¹ Сысоев, Б.В. Политические проблемы европейской безопасности: дис ... канд. полит. наук. - М, 1999.

⁴² Муромцева, О. В. Италия и проблемы средиземноморской безопасности в 1990-е гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. - Москва, 2006. - 27 с.

Онищенко, Р. В. История реализации политики безопасности Итальянской Республики в Средиземноморье : 1995 - 2006 гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Онищенко Роман Валерьевич; [Место защиты: Российский государственный гуманитарный университет]. - Москва, 2021. - 32 с.

Отдельная группа включает работы по эволюции средиземноморской политики Евросоюза на рубеже XX-XXI вв., в том числе О.Н. Барабанова⁴³, О.Е. Трофимовой⁴⁴ и Т.Г. Пархалиной⁴⁵.

Исторические аспекты темы рассмотрены в работах М.А. Шепелева⁴⁶, Г.Г. Попова⁴⁷. Колоссальное значение для диссертанта имели работы Т.В. Зоновой, как по истории европейских стран⁴⁸, так и непосредственно по истории внешней политики Италии⁴⁹.

Внешняя политика Италии в Средиземноморье рассматривалась И.Г. Животовской⁵⁰, Н.В. Гоффе⁵¹ через призму миграции; О.В. Муромцева⁵², И.И. Атлангириев⁵³, В.В. Васильков⁵⁴ сосредотачивались на вопросах обеспечения безопасности; экономические аспекты изучены М.А. Питухиной⁵⁵, М.С. Овакимян⁵⁶ и др.

Несмотря на значительный объем исследований, к моменту начала работы ощущался дефицит новейших данных, поскольку основная часть публикаций относилась к периоду 2000–2015 гг.

⁴³ Барабанов, О.Н. Эволюция современной итальянской внешнеполитической идеологии // На перекрестке Средиземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века. — М., 2011. — С. 139–140.

⁴⁴ Трофимова О.Е. Эволюция средиземноморской политики Евросоюза: путь от сотрудничества к интеграции. — М.: ИМЭМО РАН, 2011.

⁴⁵ Пархалина, Т.Г. Средиземноморье: новые измерения безопасности. // Европейский альманах. - 1997.

⁴⁶ Шепелев, М.А. Журнал «Geopolitica» и становление итальянской геополитической школы // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. №2. С. 325-338.

⁴⁷ Попов, Г. Г. Юго-западное Средиземноморье как фактор в военной экономике и внешнеэкономической политике нацистской Германии / Г. Г. Попов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2014. – № 5. – С. 33-39. – EDN TIGZKL.

⁴⁸ Зонова, Т.В. От Европы государств к Европе регионов? // ПОЛИС. 1999. №5.

⁴⁹ Зонова, Т.В. История внешней политики Италии. М.: Международные отношения, 2016. 352 с.

⁵⁰ Животовская, И.Г. Италия: От эмиграции к иммиграции // Актуальные проблемы Европы. Западная Европа перед вызовом иммиграции. - 2005. - №1. - С. 175-189

⁵¹ Гоффе, Н.В. Италия в зеркале миграционных проблем / Н. В. Гоффе // Мировая экономика и международные отношения. - 2017. - № 9.

⁵² Муромцева, О.В. Италия: формирование концепции средиземноморской безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2004. №8

⁵³ Атлангириев, И.И. Динамика развития внешней политики Италии в конце XX - начале XXI вв.: дис ... канд. полит. наук. М., 2008. 196 с.;

⁵⁴ Васильков, В.В. Эволюция внешней политики Италии в регионе Ближнего Востока и Средиземноморья (2001—2007 гг.) // Журнал международного права и международных отношений. - 2007 - № 4. - С.12-32.

⁵⁵ Питухина, М.А. Возрастание роли Италии в экономическом и политическом измерениях ЕС // Северное измерение (социально-политический альманах). Петрозаводск, 2007.

⁵⁶ Овакимян, М. С. Проблемы рынка труда Италии и пути их решения / М. С. Овакимян // Горизонты экономики. – 2017. – № 5(38). – С. 107-114. – EDN ZRAFTX.

В последние годы наблюдается подъем интереса научного сообщества к исследуемой проблеме. В работах Г.В. Косова⁵⁷ и других исследователей фокус смещается на «Большое Средиземноморье»⁵⁸. М.М. Мчедлова отмечает переопределение значения миграции для европейских стран⁵⁹. Также появляются новые подходы к изучению итальянской внешней политики, например, К.М. Табаринцева-Романова⁶⁰ акцентирует культурно-гуманитарные аспекты. На площадке РСМД формируются новые исследовательские вопросы.⁶¹

Аналитики из ИМЭМО РАН, в частности, Н.К. Арбатовой⁶² и А.В. Авиловой⁶³, детально рассматривают подходы Италии к решению актуальных проблем.

В публикациях Е.О. Шебалиной⁶⁴, С.М. Гавриловой⁶⁵, М.О. Шибковой и А.С. Гулюки⁶⁶ анализируется средиземноморская идентичность Италии на современном этапе.

⁵⁷ Косов, Г. В. Российский проект Большого Средиземноморья: от имперских традиций к новому витку большого противостояния / Г. В. Косов, В. Д. Нечаев, Д. Б. Татарков // Вопросы элитологии. – 2021. – Т. 2, № 3. – С. 123-139. – DOI 10.46539/elit.v2i3.75. – EDN JHGYCE.

⁵⁸ Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений / В. А. Аватков, М. М. Агазаде, В. В. Анисеев [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью Издательство "Аспект Пресс", 2023. – 664 с. – ISBN 978-5-7567-1264-3. – EDN RXUDCZ.

⁵⁹ Мчедлова, М. М. Секьюритизация миграции: социокультурная онтология современности / М. М. Мчедлова // Международная аналитика. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 127-141. – DOI 10.46272/2587-8476-2023-14-3-127-141. – EDN HJBDJJ.

⁶⁰ Табаринцева-Романова, К. М. Италия и страны АСЕАН: культурно-гуманитарное сотрудничество / К. М. Табаринцева-Романова // Азиатско-Тихоокеанский регион: вчера и сегодня : Сборник статей. – Москва : Институт востоковедения РАН, 2023. – С. 288-318. – EDN GYHDNL.

⁶¹ Костеж, В. Россия — Италия: без надежды на перспективу? // Российский совет по международным делам. 24 января 2023 г. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/rossiya-italiya-bez-nadezhdy-na-perspektivu/> (дата обращения: 03.05.2025).

⁶² Арбатова, Н.К. Италия и контроль над вооружениями: дилеммы идентичности. – Современная Европа. 2025. № 3. С. 5-17. DOI 10.31857/S0201708325030015.

⁶³ Авилова, А.В. Социально-экономические реформы правительства Марио Драги. – Общественные науки и современность. 2022. № 1. С. 59-74. DOI 10.31857/S0869049922010014.

⁶⁴ Маслова, Е.А., Шебалина Е.О. «Средиземноморская карта» в европейской политике Италии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2023. № 2 (32). С. 25-33.

⁶⁵ Гаврилова, С. М. Джорджа Мелони - новый премьер-министр Италии: «женщина, христианка, итальянка» / С. М. Гаврилова // Электронный научно-образовательный журнал "История". – 2023. – Т. 14, № 4(126). – DOI 10.18254/S207987840025946-9. – EDN DUNPZV.

⁶⁶ Шибкова, М.О., Гулюки А.С. Концептуальные основы внешней политики Италии в регионе большого Средиземноморья // Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2023. № 4 (111). С. 94-112.

Отдельно следует выделить доклады⁶⁷ и монографии⁶⁸ сотрудников Института Европы Российской академии наук (ИЕ РАН). Исследования А.А. Громыко⁶⁹ и О.В. Буториной⁷⁰ представляют авторитетный взгляд на европейские процессы. Также автор опирается на солидную научную традицию, заложенную коллективом Отдела черноморско-средиземноморских исследований ИЕ РАН. Так, Е.С. Алексеенкова⁷¹ детально изучает связь внутренней и внешней политики Италии,⁷² Е.А. Маслова⁷³ – её экономические приоритеты, руководя исследованиями макрорегиональной стратегии⁷⁴. Работы Е.Г. Энтиной⁷⁵ охватывают стратегический уровень, рассматривая политику Италии в контексте общеевропейских тенденций и средиземноморской безопасности. Сложившийся междисциплинарный подход находит свое практическое выражение в конференциях, семинарах и круглых столах⁷⁶.

⁶⁷ Фактор Китая в Средиземноморье = The China Factor in the Mediterranean : [монография] / [А.В. Авилова и др.]. – М. : Ин-т Европы РАН, 2022. – 200 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 387). – Парал. тит. л. англ. – Авт. указаны на об. тит. л. – DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report12022_387 ; ISBN 978-5-98163-182-5.

⁶⁸ На перекрестке Средиземноморья: "Итальянский сапог" перед вызовами XXI века / Т. В. Зонова, Н. П. Шмелев, В. П. Любин [и др.] ; Институт Европы РАН. – Москва : Весь Мир, 2011. – 456 с. – (Старый свет - новые времена). – ISBN 978-5-7777-0519-8. – EDN PJDQGF; Европа в глобальной пересборке [монография] / Институт Европы РАН; отв. ред. Ал.А. Громыко. М.: Издательство «Весь Мир», Институт Европы РАН, 2023. – 508 с. (Старый Свет – новые времена) ISBN 978-5-98163-209-9

⁶⁹ Громыко, А. А. Мир полицентризма: роль ценностей в конкуренции ведущих держав / А. А. Громыко // Полис. Политические исследования. – 2024. – № 6. – С. 7-21. – DOI 10.17976/jpps/2024.06.02. – EDN RGEQWS.

⁷⁰ Буторина, О.В. Европейский союз и большие циклы экономической интеграции / О. Буторина // Международные процессы. – 2025. – DOI 10.46272/IT.2024.22.3.78.1. – EDN MPBOPF.

⁷¹ Политический процесс в современной Италии: антиполитика и популизм эпохи Второй республики: [монография] / Е.С. Алексеенкова. – М.: Ин-т Европы РАН, 2023. – 218 с. – Парал. тит. л. англ. – EDN: DXUUDI. – DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/9785981632136>. – ISBN 978-5-98163-213-6.

⁷² Алексеенкова, Е. С. Италия в Средиземноморье: дилеммы “средней державы” / Е. С. Алексеенкова // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 1. – С. 80-90. – DOI 10.20542/0131-2227-2022-66-1-80-90. – EDN KHAVNJ.

⁷³ Маслова, Е.А. Европейские экономические модели. Итальянская модель // Мировая экономика и международные экономические отношения. Полный курс: учебник. Под ред. А.С. Булатова. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва: КНОРУС, 2021.

⁷⁴ Еремин, Д.П. Итальянское военное присутствие в Адриатико-Ионическом макрорегионе Современная Европа, Еремин Д.П. Итальянское военное присутствие в Адриатико-Ионическом макрорегионе // Современная Европа. 2023, №7. (год публикации - 2023) <https://doi.org/10.31857/S0201708323070173>; Маслова, Е.А., Шебакина, Е.О. «Средиземноморская карта» в европейской политике Италии Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, Маслова Е.А., Шебакина Е.О. «Средиземноморская карта» в европейской политике Италии // Вестник ИЕ РАН. 2023, №2. (год публикации - 2023) <https://doi.org/10.15211/vestnikieran220232533>; Пивоваренко, А.А. The return of the concept of the Adriatic and Ionian region in Italian foreign policy Serbian Review of European Studies, Pivovarenko A. The return of the concept of the Adriatic and Ionian region in Italian foreign policy // Serbian Review of European Studies. 2023. Vol. 2. No. 1. P. 72-104. (год публикации - 2023) <https://doi.org/10.18485/sres.2023.2.1.3>

⁷⁵ Энтина Е. Г. Внутреннее и внешнее измерение безопасности в Юго-Восточной Европе // В кн.: Европа в глобальной пересборке. М.: Весь мир, 2023. Гл. 31. С. 477-491; Энтин, М. Л., Энтина, Е. Г., Бабкина С. Продовольственный и энергетический кризисы 2020-х годов как инструмент антироссийской политики стран Запада // Международные процессы. 2024. № 1. С. 1-22.

⁷⁶ Международная научная конференция «Россия и Большое Средиземноморье», «Средиземноморские беседы» и др.

Значительное место в историографии заняли труды зарубежных экспертов. Формирование научного дискурса осуществлялось преимущественно в стенах профильных исследовательских центров: во-первых, Итальянского Института международных отношений, IAI⁷⁷. Исследования сфокусированы на ряде важных областей: это мировые тренды⁷⁸, европейская интеграция и политика ЕС⁷⁹, внешнеполитический курс Италии⁸⁰, динамика развития в странах Средиземноморья и Ближнего Востока. Так, например, Т. Дарлингтон и М.Л. Фантаппие представляют Африку как наиболее турбулентную часть Средиземноморья⁸¹.

В фокусе исследователей IAI также вопросы оборонной политики⁸², трансатлантического партнерства и роли внерегиональных акторов⁸³, глобальные экономические тренды и интернационализация итальянского бизнеса. В последнем блоке отдельно выделим Ф. Симонелли⁸⁴, который самостоятельно исследует итальянские проекты, а также в соавторстве с Д. Кабальеро-Велесом рассматривает европейские модели взаимодействия с Африкой на примере Италии и Испании на современном этапе⁸⁵.

Во-вторых, отметим Европейский институт Средиземноморья, IEMed⁸⁶, обеспечивающий научную координацию 12-ти мировых институтов, в числе

⁷⁷ Goretti, L., Simonelli F. Italy's Foreign Policy in 2023: Challenges and Perspectives // Documenti IAI. 2024. No 24|01 (February). URL: <https://www.iai.it/en/node/18059> (accessed: 01.06.2025).

⁷⁸ Kumaraswamy, P.R. "India's Nuke Dance Over Iran," Strategic Insights, Vol. 6, No. 5, August 2007. Available at: <http://hdl.handle.net/10945/11253> (accessed: 04.08.2025).

⁷⁹ Abbondanza, G. "NATO-Europe-US Cooperation in the Indo-Pacific: Challenging Times Ahead", in IAI Commentaries, No. 25|15 (March 2025), <https://www.iai.it/en/node/19742>. (accessed: 04.08.2025).

⁸⁰ L'Italia nell'anno delle grandi elezioni. Rapporto sulla politica estera italiana. Edizione 2024 / IAI. - 2024. - URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/9788893683500.pdf> (accessed: 04.08.2025).

⁸¹ Tshuma, D., Fantappiè M. L. The Nexus between Security and Development in the Sahel: West African Perspectives on EU Interventions // ETTG Policy Briefs. 2025. No 3/2025 (February). 14 p. URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c05/mattei-plan-one-year> (accessed: 01.06.2025).

⁸² Mediterranean Transitions from the Gulf to the Sahel. The Role of Italy and the EU / G. Daga, M. L. Fantappiè, M. Haghirián [et al.] ; ed. by G. Daga, P. P. Raimondi. – Rome : Nuova Cultura, 2024. – 139 p. – (IAI Research Studies ; iss. 11). – ISBN 978-88-3365-701-1. – DOI: 10.4458/7011. P – 108-109.

⁸³ Chang, L. "Morsi's China visit to forge closer ties with Beijing," Xinhua News, August 27, 2012. Available at: http://news.xinhuanet.com/english/indepth/2012-08/27/c_131810473.htm (accessed: 04.08.2025).

⁸⁴ Simonelli, F. The Mattei Plan One Year On // IAI Commentaries. 2025. No 25|06 (February). URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c05/mattei-plan-one-year> (accessed: 01.06.2025).

⁸⁵ Caballero-Vélez D., Simonelli F. Business or Multilateralism? Italy and Spain's Competing Models of Engagement with Africa // IAI PAPERS. 2025. No 25|21 (August). URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c03/business-or-multilateralism-italy-and-spains-competing-models-engagement-africa> (accessed: 01.09.2025).

⁸⁶ Sauvignon, F., Benaglia S. Why IMEC Needs to Change Course in the Euromed: to Invest in the True Drivers of Peace and Economic Security // European Institute of the Mediterranean. 2024. No 71. URL: https://www.euromesco.net/wp-content/uploads/2024/09/EuroMeSCo-Paper-71_Final.pdf (accessed: 01.06.2025).

которых итальянский Институт международных политических исследований, ISPI.⁸⁷ Коллектив исследователей внес особый вклад в разработку выбранной тематики, включая переосмысление подходов к рассмотрению Средиземноморского региона⁸⁸. Также среди приоритетных тем – евро-средиземноморские отношения, политические трансформации в Северной Африке, внутренняя и внешняя политика Италии и союзников⁸⁹, кризисы в Средиземноморье и соседних странах⁹⁰, включая проблемы миграции⁹¹.

Также представляет интерес труд Я.А. Стивахтиса⁹², задающий теоретические рамки безопасности; исследования Ж. Корм⁹³ и А. Зибави⁹⁴, анализирующие экономические противоречия региона; публикации Ф. Кабуб⁹⁵, критикующие «план Маттеи» как неоколониальный проект; подход А.К. Булл⁹⁶ к изучению инструментов мягкой силы Италии; статьи Р. Алонци⁹⁷, исследовательницы из Италии, работающей в России, и многие другие научные публикации и новостные источники. Интерес иностранных авторов к выбранной

⁸⁷ Nuova strategia USA verso l'Iran : quali rischi per l'Italia? (2018) / Istituto per gli studi di politica internazionale (ISPI). – Milano. – 24.05. – URL: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/nuova-strategia-usa-verso-liran-quali-rischilitalia-20598> (accessed: 30.08.2025).

⁸⁸ Rethinking Italy's 'Enlarged Mediterranean' // ISPI. – 2024. – 11 June. – URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/rethinking-italys-enlarged-mediterranean-176932> (accessed: 03.05.2024).

⁸⁹ Talbot, V. Italy's Renewed Activism in the "Wider Mediterranean": A Bet for the Future. ISPI, 4 Oct. 2023. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/italys-renewed-activism-in-the-wider-mediterranean-a-bet-for-the-future-146369> (accessed: 04.08.2025).

⁹⁰ Schiavi, F.S. (2021). In Iraq, Italy and France are looking for a primary role to play / Istituto per gli studi di politica internazionale (ISPI). – Milano. – 12.10. – URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/iraq-italy-and-france-are-looking-primary-roleplay-31955> (date of access: 30.08.2025).

⁹¹ Irregular Migration in the Mediterranean: Down, but for How Long? [Electronic resource] // ISPI Online. – 2023. – URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/irregular-migration-in-the-mediterranean-down-but-for-how-long-184880> (accessed: 02.05.2025).

⁹² Stivachtis, Y.A. A Mediterranean Region? Regional Security Complex Theory Revisited // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-mediterranean-region-regional-security-complex-theory-revisited> (дата обращения: 03.05.2025).

⁹³ Corm, G. Economic Evolution in the Mediterranean Countries in a Changing World [Электронный ресурс] // IEMed Mediterranean Yearbook. 2011. URL: <https://www.iemed.org/publication/economic-evolution-in-the-mediterranean-countries-in-a-changing-world/> (accessed: 03.05.2024).

⁹⁴ Zibaoui, A. The Mediterranean between uncertainty and hope // Friedrich Naumann Foundation for Freedom. Freiheit.org. 2024. 17 Jan. URL: <https://www.freiheit.org/spain-italy-portugal-and-mediterranean-dialogue/mediterranean-between-uncertainty-and-hope> (accessed: 20.05.2024).

⁹⁵ Kaboub, F. Africa: Is Italy's \$6bn Plan for Africa Just PR-Friendly Neocolonialism? [Электронный ресурс] // African Arguments. – 2024. – 2 February. – Analysis. – URL: <https://allafrica.com/stories/202402020408.html> (accessed: 17.08.2024).

⁹⁶ Bull, A. C. Italy's 'soft' power // Modern Italy: A Very Short Introduction. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – P. 57-69. – DOI 10.1093/actrade/9780198726517.003.0007. – URL: <https://academic.oup.com/book/900/chapter-abstract/135486447?redirectedFrom=fulltext> (accessed: 23.09.2025).

⁹⁷ Алонци, Р. Италия: зазоры внешней политики правительства Мелони (между атлантизмом, европеизмом и поисками самоопределения) / Р. Алонци, В. П. Любин // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 54-68. – DOI 10.31249/kgf/2024.01.03. – EDN EYJZXP.

теме возрастает, при этом акценты смещаются на африканскую часть Средиземноморья.

Тем не менее, несмотря на обширную базу исследований, существует потребность в постоянном обновлении и систематизации данных в свете быстро меняющихся геополитических и экономических условий.

Объектом исследования является внешняя политика Итальянской Республики

Предмет исследования – Средиземноморская стратегия Италии в условиях глобальных геополитических трансформаций.

Цель диссертационного исследования – выявить особенности внешней политики Итальянской Республики в Средиземноморском регионе.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**:

1. Выявить геополитическое и стратегическое значение Средиземноморья для Италии в глобальном и региональном контекстах.
2. Проследить эволюцию специфики концептуальных оснований внешней политики Италии.
3. Обобщить приоритеты внешней политики Итальянской Республики на современном этапе.
4. Упорядочить многоуровневую сеть политических контактов Италии в Средиземноморье на национальном, наднациональном и международном уровнях.
5. Охарактеризовать противоречия в подходах Италии к обеспечению безопасности в Средиземноморье между национальными интересами, европейской солидарностью и гуманитарными обязательствами.
6. Определить возможности экономической стратегии Италии в регионе.
7. Уточнить значение внешнеполитической стратегии России в Средиземноморье для реализации региональной стратегии Италии.
8. Оценить влияние США на формирование внешнеполитических приоритетов Италии в Средиземноморье.

9. Выделить особенности реализации Италией стратегии «снижения рисков без разрыва связей» в отношениях с Китаем в Средиземноморье.

Научная новизна работы:

1. Дана авторская концептуализация средиземноморского вектора внешней политики Италии в логике структурных трансформаций мирового порядка и практик внешнеполитического позиционирования «региональной державы». Установлено, что Средиземноморский регион становится центральным элементом для формирования обновленной геополитической стратегии Италии. Такой подход позволяет обосновать закономерности качественных изменений в подходах к региональной политике Италии в условиях усугубления общеевропейских кризисных тенденций и нарастания геополитических вызовов.

2. Проведен критический анализ перехода итальянского внешнеполитического нарратива от модели «расширенного Средиземноморья» («Mediterraneo Allargato») к идее «глобального Средиземноморья» («Mediterraneo Globale») как доктринальной рамки правительства Дж. Мелони. Автором доказано, что данная доктрина не является линейным расширением предыдущей парадигмы, а представляет собой качественное переосмысление, включающее в первую очередь дискурсивное конструирование новой роли Италии. Выявлено смещение акцентов в сторону глобализации средиземноморского вектора внешней политики Республики. Таким образом, заключается, что обновленный нарратив характеризуется признаками политики трансрегионализма, но устойчивая реализация заявленных целей ограничена ресурсными и институциональными возможностями Италии.

3. Конкретизированы ключевые стратегические приоритеты и вызовы внешней политики Италии. Разработана авторская типология, основанная на их функциональной, субъектной и инструментальной дифференциации. Это позволяет аргументировать закономерности дискурсивных практик Италии в обосновании собственной роли в Средиземноморском регионе в качестве страны-«моста», энергетического хаба и посредника. Доказано, что Италия не формирует всеобъемлющего средиземноморского комплекса безопасности, а действует в

логике фрагментирования региона и гибридной инструментализации партнерств. Рим компенсирует ограниченность военно-экономических и институциональных рычагов влияния набором нематериальных и инфраструктурно-посреднических механизмов, которые дают возможность формировать привлекательные политические нарративы.

4. Предложена авторская классификация основных форматов внешнеполитического взаимодействия Италии в Средиземноморье рамках многоуровневой системы. В рамках такого подхода становится возможным охарактеризовать комплексные сетевые взаимодействия в регионе, проанализировав субрегиональные, региональные и наднациональные модели сотрудничества.

5. Автором концептуализирована структурная дилемма итальянской региональной политики как противоречие между стратегией «экстернализации» возникающих угроз и общей стратегии Евросоюза по содействию развитию и стрессоустойчивости сопредельных регионов. Доказано, что политика «экстернализации» миграционного контроля снижает краткосрочные нагрузки, но институционально усиливает зависимость Италии от нестабильных политических режимов. В свою очередь, общеевропейская стратегия «безопасность – развитие» («security-development nexus»), связывающая безопасность Европы с развитием стран происхождения мигрантов через устранение коренных причин миграции и стимулирование экономической устойчивости региона происхождения миграции, остается декларативной и на системном уровне определяется краткосрочным задачам безопасности европейского пространства. Автор обосновывает структурный парадокс итальянского подхода: заявленная причинно-ориентированная антикризисная стратегия практически вытесняется краткосрочным управлением миграцией.

6. Дана авторская оценка функциональной роли «плана Маттеи» – подхода правительства Дж. Мелони к взаимодействию Италии с африканскими странами – в общей системе внешнеполитических инструментов Республики. Автор предлагает рассматривать этот подход не как экономико-дипломатическую

инициативу, а как инновационный механизм геоэкономической экспансии, инструмент трансформации Италии в энергетический хаб Европы, гибридный способ «экстернализации» миграционного контроля и средство внутривосточной конкуренции за влияние в Средиземноморье. На основании сопоставления декларируемых целей и реальных практик автор доказывает сохранение асимметричного характера отношений между Италией и странами Африки: «взаимная выгода» носит нормативно-риторический характер, а приоритетные направления сотрудничества сконцентрированы на внутривосточных интересах Италии.

7. Выявлены перспективы взаимодействия России и Италии в Средиземноморье в условиях увеличивающейся вовлеченности этих государств в процессы в регионе Юго-Восточного Средиземноморья и сопредельных странах. Доказано, что их отношениях строятся по модели конкурентного сосуществования, основанной на дифференциации функциональных приоритетов. Возникающая конфигурация взаимодействия характеризуется сохранением операционной автономии обоих акторов при системном отсутствии институционализированных форм координации на современном этапе.

8. Выявлено, что Италия испытывает существенное влияние со стороны ключевых внешних акторов, что детерминирует ее внешнеполитический курс. Доказано, что в условиях безальтернативной военно-политической и институциональной интеграции с США через инфраструктуру НАТО, Рим реализует свою внешнюю политику не в логике последовательного балансирования, а в рамках иерархической зависимости от действий ключевых внешних акторов. Таким образом, элементы ситуативного и тактического балансирования не отменяют структурной зависимости. В результате заявленная «стратегическая автономия» остается декларативной, а многовекторная внешняя политика оказывается ограничена архитектурой внешних связей Италии.

9. Рассмотрено как в условиях реализации общеевропейской китайской стратегии «снижения рисков без разрыва связей» (de-risking without decoupling) утверждаются попытки Италии поддерживать стратегическую прагматичность в

отношениях с КНР. Итальянская стратегия сочетает стремление сохранить экономические контакты с Китаем при минимизации геополитических рисков сотрудничества. Предложенный авторский подход позволяет объяснить непоследовательность внешнеполитических решений итальянского руководства и ограниченную эффективность реализации национальных интересов Италии.

Теоретико-методологическая основа исследования

В исследовании применялось сочетание различных научных подходов, что позволило комплексно рассмотреть выбранную тему. Историко-политологический подход обеспечил анализ эволюции внешнеполитических стратегий Италии в историческом и современном контексте, тогда как политико-географический подход позволил изучить геополитические особенности региона и их влияние на внешнеполитические приоритеты страны. Политико-этнографический и политико-религиоведческий подходы дали возможность учесть этнические, культурные и религиозные аспекты, влияющие на межгосударственные отношения и миграционные процессы. На основании указанных подходов были выбраны методы системного, ситуационного и сравнительного анализа, а также метод анализа документов, что обеспечило возможность, с одной стороны, сопоставить внешнеполитический курс Италии с подходами других государств региона, а с другой – проанализировать официальные заявления и нормативно-правовые акты, лежащие в основе формирования этой политики. Кроме того, автор прибегал к общенаучным методам исследования, таким как анализ, синтез, сравнение, обобщение, аналогия и экстраполяция, что обеспечило всестороннее и глубокое изучение внешней политики Итальянской Республики в Средиземноморском регионе и позволило сделать значимые и обоснованные выводы.

Теоретическая и практическая значимость работы

Основные положения и выводы диссертации имеют как практическую, так и теоретическую ценность. Что касается теоретической значимости, то материалы работы могут быть использованы в рамках преподавания ряда дисциплин в профильных ВУЗах. Говоря о практической ценности и принимая во внимание специфику вопроса, рассматриваемого в диссертации, результаты, полученные в

ходе исследования, могли бы быть полезными в работе структурных подразделений МИД России, а также других государственных структур, касающихся в своей работе вопросов внешней политики, вопросов безопасности и экономических проблем в Европе, Северной Африке и на Ближнем Востоке.

Положения, выносимые на защиту:

1. Внешнеполитическое позиционирование Италии носит структурно устойчивый, но инструментально адаптивный характер, основанный на триаде константных направлений – атлантизм, европеизм, средиземноморская регионализация. Данные векторы не являются конкурирующими, а выполняют взаимокомпенсирующую функцию, образуя «тройную рамку стратегической легитимности», в пределах которой Италия адаптирует исторически сложившиеся внешнеполитические представления к требованиям полицентричной международной среды, не обладая для этого сопоставимой ресурсной базой.

2. Трансформация концепта «расширенного Средиземноморья» в формат «глобального Средиземноморья» отражает переход Италии от географической к функциональной интерпретации региона, где средиземноморское пространство конструируется как система трансконтинентальных связей с глобальным охватом, а не как периферия европейской политики. Этот концепт реализуется не через формирование региональной системы безопасности, а через закрепление статуса инфраструктурной незаменимости и политико-коммуникативного лидерства Италии, что подтверждается энергетическими, миграционными и дипломатическими платформами сопряжения Европы, Африки и Ближнего Востока.

3. Итальянская средиземноморская стратегия функционирует в режиме институционального дуализма, при котором членство в евроатлантических структурах (ЕС, НАТО) и заявка на автономное региональное лидерство не формируют всеобъемлющую национальную стратегию, а создают ограниченный спектр внешнеполитической маневренности. «Стратегическая автономия» остается декларативным параметром, а фактическая акторность реализуется только в зонах совпадения интересов с системообразующими центрами силы.

4. «План Маттеи» представляет собой механизм асимметричной взаимозависимости, в котором заявленная модель партнерства функционально подчинена задачам стратегического приоритетов Италии, а не формированию устойчивых горизонтальных связей с африканскими государствами. Политическая субъектность африканских партнеров декларируется, но не обеспечивается сопоставимыми механизмами включения в процесс принятия решений и определения стратегических приоритетов.

5. Средиземноморская политика Италии характеризуется доминированием логики секьюритизации угроз над логикой долгосрочной региональной устойчивости, что создает конъюнктурную управляемость вызовов и рисков, но в долгосрочной перспективе способствует воспроизводству их структурных источников, так как стратегия Италии не направлена на устранение системных факторов региональной нестабильности. Ключевым ограничением итальянской стратегии является не отсутствие политического видения, а неспособность институционализировать его в долговременные и устойчивые механизмы.

6. Итальянская средиземноморская стратегия представляет собой многоуровневую систему, включающую: символическую дипломатию через дискурс «державы-моста», «цивилизационного посредника» и «естественного лидера Средиземноморья»; инфраструктурное и энергетическое посредничество, с помощью которого Италия конструирует собственный образ как незаменимого транзитного хаба в маршруте «Северная Африка — Южная Европа — ЕС»; нарративную легитимизацию собственного геополитического статуса; политику символической регионализации, в которой лидерство Италии формируется через активное участие в разработке политических дискурсов, повесток и институциональных инициатив, которые не получают соответствующего ресурсного обеспечения. Это позволяет по-новому объяснить, почему итальянская стратегия обеспечивает высокую дипломатическую видимость, но ограниченную геостратегическую последовательность. Позиционирование Италией себя как лидера Средиземноморья не конвертируется в устойчивые режимы влияния. Таким образом, объясняется структурный разрыв между внешнеполитическим образом

Италии и ее фактической геостратегической зависимости от внешних акторов и структур и конъюнктурных благоприятных возможностей.

7. В условиях быстро меняющейся политической ситуации стратегический «разворот» России на Восток должен сопровождаться сохранением и укреплением связей с дружественными европейскими и средиземноморскими странами, чтобы обеспечить многовекторную внешнюю политику и укрепить международное положение страны. Анализ итальянского опыта стратегического позиционирования в полицентричной системе международных отношений, с акцентом на его результативные и проблемные аспекты, открывает перспективы для улучшения российской стратегии. При этом совместное присутствие России и Италии в Средиземноморье реализуется по модели «конкурентной неполяризации», где государства не вступают в прямое стратегическое соперничество, но и не образуют согласованную архитектуру регионального взаимодействия, занимая пересекающиеся, но не совпадающие ниши влияния. В таких условиях Средиземноморье становится не пространством двустороннего противоборства или партнерства, а зоной параллельного проецирования интересов с низкой степенью координации. Средиземноморский трек российско-итальянских отношений характеризуется высокой степенью дипломатической гибкости, при которой сотрудничество возможно восстановить на уровне отраслевых и гражданских контактов, но не на высшем межгосударственном политическом уровне. Это позволяет квалифицировать взаимодействие не как «замороженное» или «разорванное», а как «структурно латентное», способное к реактивации при благоприятных условиях. Ключевым ограничителем российско-итальянского взаимодействия в Средиземноморье является не отсутствие областей сотрудничества, а различная логика регионального присутствия.

Структура диссертации соответствует цели и задачам исследования и представлена введением, тремя главами, разделенными на тематические параграфы, заключением, списком литературы, а также приложением.

Апробация результатов.

Диссертация была обсуждена на заседании кафедры политической теории ФГБОУ ВО «Дипломатической академии Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Исследовательская деятельность автора представлена выступлениями на научных конференциях и рядом публикаций в академической периодике:

— Глубокая, О. А. О влиянии пандемии на Италию с точки зрения проблемы нелегальной миграции // Актуальные проблемы мировой политики через призму COVID-19. VIII Ежегодная международная научная конференция молодых ученых 2 декабря 2021 г.: сборник тезисов / отв. ред. О. А. Тимакова. – Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2021. – С. 54–57. – ISBN 978-5-6046527-8-7.

— Глубокая, О. А. Внешняя политика Италии в Средиземноморье перед лицом вызовов нового международного (бес)порядка / О. А. Глубокая // Сборник научных статей по итогам Международных круглых столов Совета молодых ученых, Москва, 26 мая 2022 года. – Москва: Дипломатическая академия Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2022. – С. 74-85. – EDN AFIFTG.

— Глубокая, О. А. Какому региону и почему суждено стать будущим «раем на земле»? // Блог Лаборатории аналитики ИАМП. РСМД. – 2022. – 25 нояб. – URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/laiamp/kakomu-regionu-i-pochemu-suzhdeno-stat-budushchim-raem-na-zemle/>.

— Глубокая, О. А. Уроки евроинтеграции для будущих региональных объединений // Избранные эссе. Лаборатория аналитики ИАМП. – 2022. – URL: <https://www.dipacademy.ru/special-projects/laboratoriya-analitiki-iamp/izbrannyie-esse/>.

— Глубокая, О. А. Образование как инструмент публичной политики Италии в Средиземноморском регионе // "Мягкая сила" в Черноморско-Средиземноморском регионе : Доклады Института Европы № 398 / Институт Европы Российской академии наук. – Москва : Федеральное государственное

бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук, 2023.
DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report12023_398. – С. 46-53.

— Глубокая, О. А. Переформатирование дипломатии в меняющемся мире // Актуальные проблемы мировой политики. IX Ежегодная международная научная конференция молодых ученых 6-7 декабря 2022 г.: сборник тезисов / отв. ред. О. А. Тимакова. – Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2023. – С. 121–123.

— Глубокая, О.А. Доклад «Вопросы энергетики в Средиземноморской политике Итальянской Республики» / Международная конференция «Россия и Большое Средиземноморье-2023. Человек в меняющейся энергетической повестке», ИЕ РАН и НИУ ВШЭ, 26–27 октября 2023 г., Москва.

— Глубокая, О. А. Доклад «Средиземноморский вектор внешней политики Италии под руководством премьера Дж. Мелони» на X Ежегодной международной научной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы мировой политики» 8-9 декабря 2023 г., Москва.

— Глубокая, О. А. Il Documento Programmatico Pluriennale 2023-2025: стратегическое планирование Италии в сфере обороны и место Средиземноморского региона при Дж. Мелони / О. А. Глубокая // Международный научно-исследовательский журнал. – 2024. – № 3(141). – DOI 10.23670/IRJ.2024.141.118. – EDN LAQXYR.

— Глубокая, О. А. Средиземноморский вектор современной внешней политики Италии // Актуальные проблемы мировой политики. X Ежегодная международная научная конференция молодых ученых, 8 декабря 2023 г. : сборник статей / отв. ред. О. А. Тимакова ; Дипломатическая академия МИД России. – М., 2024. – С. 246–254.

— Глубокая, О.А. Доклад «Итало-ливийское взаимодействие как фактор обеспечения итальянской энергетической безопасности» / Апрельская конференция РАНХиГС, Секция кафедры международных отношений СЗИУ «Проблемы и перспективы международного сотрудничества в современном мире», 19 апреля 2024 г., Санкт-Петербург.

— Глубокая О. А. Итальянский фронт европейской гибридной войны против России // Блог Лаборатории аналитики ИАМП. РСМД. – 2024. – 24 мая. – URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/laiamp/italyanskiy-front-evropeyskoy-gibridnoy-voyny-protiv-rossii/>.

— Глубокая, О. А. Женское движение made in Italy. От зарождения до экспорта. Политико-исторический обзор / О. А. Глубокая // Наука будущего-наука молодых : сборник тезисов докладов участников девятого Всероссийского молодежного научного форума, Самара, 29 октября – 01 2024 года. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Инконсалт К», 2024. – С. 274. – EDN CDYSBH.

— Глубокая, О. А. Доклад «Внешнеполитический дискурс Итальянской Республики в кризисный период» / Актуальные проблемы мировой политики. XI Ежегодная международная научная конференция молодых ученых 4 декабря 2024 г., Москва.

— Глубокая, О. А. Доклад «Геополитическое противостояние в Средиземноморье: новый этап становления мирового порядка» / Международная научно-практическая конференция «Тарлевские чтения. К новой архитектуре многополярного мира» 4 июня 2025 г., Москва.

— Глубокая, О. А. Доклад «План Маттеи: амбиции и противоречия новой стратегии Италии в Африке» / Семинар из цикла «Средиземноморские беседы» ИЕ РАН по теме «Африка в итальянской концепции "расширенного Средиземноморья": новый приоритет Рима» 24 сентября 2025 г., Москва.

Основные тезисы и положения диссертационного исследования отражены в 8 научных статьях в изданиях, включенных в перечень **ВАК России**:

— Глубокая, О. А. Внешняя политика Италии в странах Южного Средиземноморья: «Цивилизаторская миссия 2.0» vs «диалог цивилизаций» / О. А. Глубокая // Русская политология. – 2023. – № 4(29). – С. 67-73. – EDN AOFZRE.

— Глубокая, О. А. Доктринальные нюансы национальных интересов Итальянской Республики в Средиземноморье / О. А. Глубокая // Евразийский

Союз: вопросы международных отношений. – 2024. – Т. 13, № 2(55). – С. 405-411. – DOI 10.35775/PSI.2024.55.2.018. – EDN CDKKUQ.

— Глубокая, О. А. Африка во внешней политике Италии: между популизмом и прагматизмом / О. А. Глубокая // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2024. – № 3(39). – С. 19-30. – DOI 10.15211/vestnikieran320241930. – EDN JAAUKQ.

— Глубокая, О. А. Внутренние контексты и внешнеполитические приоритеты современной Италии / О. А. Глубокая // Вестник ученых-международников. – 2024. – № 2(28). – С. 87-104. – EDN KEEICZ.

— Глубокая, О. А. Внешняя политика Италии и ее (не)успехи в реформировании ЕС / О. А. Глубокая // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 7(144). – С. 42-47. – DOI 10.24158/per.2025.7.5. – EDN WDSMQU.

— Глубокая, О. А. Внешнее измерение как панацея? Сотрудничество Италии с третьими странами (Ливия, Тунис, Албания) в управлении миграционными потоками (2022-2024) / О. А. Глубокая // Политика и общество. – 2025. – № 2. – С. 99-113. – DOI 10.7256/2454-0684.2025.2.74748. – EDN ZMWIBU.

— Глубокая, О. А. Внешнеполитическое балансирование Италии / О. А. Глубокая // Русская политология. – 2025. – № 2(35). – С. 54-60.

— Глубокая, О. А. Конкуренция за влияние в Средиземноморье: нарративы, интересы и место Италии / О. А. Глубокая // Вестник ученых-международников. – 2025. – № 3(33). – С. 69-83.

ГЛАВА 1: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИТАЛИИ

1.1. ЗНАЧЕНИЕ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ В ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕРЕНИЯХ

В начале XXI века динамика международных отношений претерпевает радикальные изменения, обусловленные технологическими прорывами, эволюцией социально-экономических моделей и перераспределением глобального влияния. Эти процессы усложняют возможность прогнозирования контуров будущего миропорядка, стимулируя академические дискуссии о новых формах международной кооперации и конфликта. В фокусе таких исследований нередко оказывается Средиземноморье — пространство, уникальное в своей гетерогенности, где пересекаются цивилизационные, экономические и политические векторы. Именно эта многомерность, сочетающая античное историко-культурное наследие с современными геоэкономическими амбициями государств, претерпевших изменения в своем международном статусе, становится причиной того, что «Средиземноморье является очагом серьезных существующих и латентных конфликтов»⁹⁸. Противоречия между трансконтинентальными интересами стран региона и внешних игроков, культурным плюрализмом и ресурсной конкуренцией формируют зону с высоким конфликтным потенциалом, где происходит наложение цивилизационных парадигм и современных глобальных вызовов.

Средиземноморье представляет собой регион, обладающий не только географическим, но и политическим, экономическим, религиозным и значительным культурным разнообразием⁹⁹.

Несмотря на визуальную географическую очерченность, границы международно-политического региона «Средиземноморье» остаётся предметом научных споров. Классическая геополитическая трактовка ограничивает регион

⁹⁸Гусаров, Ю.А. Разработка общей внешней политики и политики безопасности ЕС и его взаимоотношения со Средиземноморским регионом // Европейский союз на рубеже веков. - М.: РАН ИНИОН, 2000. - С.54-69.

⁹⁹Там же. С.54-69.

государствами, имеющими прямой выход к акватории Средиземного моря¹⁰⁰, что позволяет выделить три группы стран по континентальной принадлежности: европейские (Испания, Франция, Греция), североафриканские (Алжир, Тунис) и ближневосточные (Турция, Ливан). Однако субрегиональное деление предлагает более детализированную картину, разделяющую Средиземноморье опять же на три зоны:

1. Северное Средиземноморье, объединяющее государства Южной Европы и Балканского полуострова (Италия, Испания, Франция, Греция, Хорватия, Словения, Черногория, Албания, Босния и Герцеговина, Монако, Турция);
2. Восточное Средиземноморье, охватывающее территории Леванта и части Малой Азии (Израиль, Иордания, Ливан, Сирия, Палестина, Турция);
3. Южное Средиземноморье, представленное странами Магриба (Алжир, Египет, Ливия, Марокко, Тунис).

Такая классификация, укоренённая в научной традиции, подчёркивает не только географическую, но и историко-культурную специфику взаимодействия субрегионов, формируя основу для анализа их политико-экономической динамики¹⁰¹. Это, в свою очередь, позволяет анализировать регион как многоуровневую систему, где цивилизационная память формирует политико-экономическую динамику.

Средиземноморье не имеет единой трактовки. Одни исследователи расширяют границы до Черноморского бассейна (Украина, Грузия), другие — до Ближнего Востока (Ирак, Иордания), подчёркивая роль транзитных коридоров и энергетических потоков. Эта методология актуализирует анализ таких структур, как Средиземноморско-Черноморский диалог с участием прибрежных и внутриконтинентальных государств.

¹⁰⁰ Муромцева, О. В. Италия и проблемы средиземноморской безопасности в 1990-е гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. - Москва, 2006. - 27 с.

¹⁰¹ Онищенко, Р. В. История реализации политики безопасности Итальянской Республики в Средиземноморье : 1995 - 2006 гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Онищенко Роман Валерьевич; [Место защиты: Российский государственный гуманитарный университет]. - Москва, 2021. - 32 с.

Стремление преодолеть узость традиционных определений привело к появлению концепта «Большого Средиземноморья»¹⁰², интегрирующего территории, косвенно связанные с базовым регионом через экономические, исторические или безопасностные взаимодействия, т.е. предлагают более широкий взгляд на границы этого региона, включая страны, которые не имеют прямого доступа к Средиземному морю, но активно взаимодействующие в региональных процессах.

Под этим понятием одни подразумевают «увеличение» пространства Средиземноморья на всю зону Черного моря, а другие — на весь Ближний Восток. Такой подход позволяет учитывать более широкий спектр взаимодействий и взаимозависимостей, характерных для этого разнообразного и динамичного региона. В трудах учёных наблюдается выделение Средиземноморско-Черноморского региона как политической конфигурации, с аналогичным включением не только прибрежных стран.¹⁰³

Концепция «Большого Средиземноморья» как макрорегиона получает дополнительное обоснование в работах, акцентирующих роль историко-культурного наследия, формирующегося через многовековое взаимодействие¹⁰⁴. Исследования, подобные пространственному анализу Окунева и Захаровой¹⁰⁵, демонстрируют, что общность этого пространства основывается не столько на современных политико-экономических показателях, сколько на глубинных связях, унаследованных от античных торговых путей, средневековых имперских проектов и колониальных сетей. Авторы, применяя методы кластеризации и индекс Морана, выявили, что текущие социально-экономические различия между северными и

¹⁰² Агазаде, М. М. Оглы Большой Средиземноморский Региональный Комплекс Безопасности: Миф Или Реальность? // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshoy-sredizemnomorskiy-regionalnyy-kompleks-bezopasnosti-mif-ili-realnost> (дата обращения: 31.07.2022).

¹⁰³ Савичева, Е. М. Геополитический фактор во взаимодействии государств Средиземноморско-Черноморского ареала: проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2009. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskiy-faktor-vo-vzaimodeystvii-gosudarstv-sredizemnomorsko-chernomorskogo-areala-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 20.08.2023).

¹⁰⁴ Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений : монография / В. А. Аватков, М. М. Агазаде, В. В. Аникеев [и др.] ; под ред. Д. А. Дегтерева, М. М. Агазаде. - Москва : Аспект Пресс, 2023. - 664 с. - ISBN 978-5-7567-1264-3. - Текст : электронный. - URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2052248> (дата обращения: 02.11.2024)

¹⁰⁵ Окунев, И.Ю., Захарова Е.А. Большое Средиземноморье как макрорегион: опыт пространственного анализа // Полис. Политические исследования. 2022. № 3. С. 24-37. DOI: 10.17976/jpps/2022.03.03.

южными странами региона (например, ВВП на душу населения, уровень урбанизации) не отменяют их включённости в единую систему взаимодействий, где «эффект соседства» и транзитная роль Средиземноморья создают устойчивые паттерны кооперации и конфликтов.

При этом макрорегион остаётся внутренне фрагментированным: выделяются субрегионы, такие как Западное Средиземноморье (Испания–Италия–Марокко), Восточное Средиземноморье (Греция–Турция–Египет) и Черноморский бассейн, каждый из которых обладает уникальной динамикой. Например, кластерный анализ фиксирует близость Греции и Кипра по параметрам качества жизни, тогда как Тунис и Алжир формируют отдельную группу с акцентом на демографические вызовы. Это подтверждает тезис о гибридности Большого Средиземноморья, где географическая близость сочетается с асимметрией развития, а историческая память о Византии, Османской империи или средиземноморской торговле XV–XVII вв. продолжает влиять на современные альянсы.

Парадокс макрорегиона, таким образом, заключается в противоречии между его воспринимаемой целостностью, укоренённой в *longue durée* (Ф. Бродель)¹⁰⁶, и текущей разнородностью, обусловленной глобализацией. Расширение границ до Черноморья и Ближнего Востока, как показывают авторы, не «размывает» регион, а подчёркивает его роль как платформы для взаимодействия внерегиональных акторов — от России, использующей энергетические коридоры, до Китая, инвестирующего в портовую инфраструктуру. Подобная многоуровневость делает Большое Средиземноморье объектом для изучения трансрегионализма, где пересекаются интересы ЕС, Турции, арабских государств и глобальных держав, а исторические нарративы становятся инструментом легитимации современных политических стратегий.

Сложность структурирования Средиземноморья как полицентричного пространства требует применения гибких критериев, выходящих за рамки географического детерминизма. Культурно-исторический подход, например,

¹⁰⁶ Бродель, Ф. Очерки истории / Пер. с фр. Э. Орловой. — М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. — 223 с. — (Исторические технологии). ISBN 978-5-8291-1638-5.

позволяет выделить зоны, сформированные многовековыми цивилизационными влияниями. Латинское Средиземноморье, включающее Италию, Испанию, Францию и Монако, сохраняет следы римского права, латинского языка и католической традиции, что контрастирует с Балканско-Анатолийским ареалом (Греция, Албания, Босния и Герцеговина, Турция), где переплелись наследие Византии, османское административное устройство и многослойная религиозная культура. Левантийский анклав (Израиль, Ливан, Палестина, Сирия), где зародились главные авраамические религии, объединяет античные и ближневосточные традиции. Их уникальное сочетание сохраняется даже на фоне современных политических кризисов, подчеркивая роль Средиземноморья как пространства многовекового культурного диалога.

Конфессиональный критерий, заслуживающий выделения из культурно-исторического, подчеркивает роль религии как маркера идентичности и фактора политической мобилизации. Католицизм, доминирующий в Южной Европе, сосуществует с православными общинами Балкан, суннитским исламом Магриба и Леванта, а также иудаизмом Израиля. Эти конфессиональные границы, исторически закрепленные Османским миллетом и колониальным наследием, сегодня трансформируются под влиянием секуляризации, миграционных потоков и распространения религиозного фундаментализма: стремление к социокультурному взаимодействию сосуществует с риском эскалации противоречий. Данная ситуация характеризуется диалектическим соотношением между попытками консолидации межрелигиозных коммуникаций и объективными факторами, усиливающими потенциал дезинтеграции.

Экономико-функциональная стратификация раскрывает дисбалансы, характерные для региона. Индустриальные центры Северного Средиземноморья — север Италии, Каталония, Прованс — контрастируют с аграрно-туристическими моделями Греции, Турции и островных территорий, где сельское хозяйство и туризм остаются ключевыми источниками дохода, несмотря на растущую уязвимость к климатическим изменениям и геополитическим кризисам. Страны южного средиземноморья (Алжир, Ливия, Египет), зависящие от экспорта

углеводородов и трудовой миграции в другие страны, сталкиваются с необходимостью диверсификации экономик в условиях глобального энергетического перехода.

В этих субрегионах сочетаются разнообразные политические, социальные и культурные группы, чьи связи и взаимодействия на протяжении столетий становились все более многогранными¹⁰⁷.

Исследование внешнеполитических стратегий Италии и ЕС в Средиземноморье, требует теоретического осмысления в контексте ключевых парадигм международных отношений. Рассмотрение различных теорий МО позволит выявить объяснительный потенциал и их ограничения в интерпретации динамики Средиземноморья.

Средиземноморский регион, исторически выступавший перекрестком цивилизаций и империй, сохраняет статус эпицентра стратегического соперничества в условиях трансформирующегося миропорядка. Его уникальное географическое положение в качестве связующего пространства между тремя континентами, контроль над ключевыми морскими артериями, такими как Гибралтар, Суэц и Босфор, и доступ к энергоресурсам — превращает его в «лабораторию» геополитического анализа, где пересекаются классические теории и современные вызовы.

Классическая геополитика, от концепции Хэлфорда Макиндера о «внутреннем полумесяце» до теории Николаса Спайкмена о Римланде, задает рамки для понимания региона как зоны столкновения талассократических и теллурукратических сил.

Макиндеровская идея о буферной роли Средиземноморья между евразийским хартлендом и атлантическими державами актуализируется в контексте усиления Китая через проект «Один пояс, один путь» (далее – ОПОП), проявляющейся в инвестициях в порты Пирея и Триеста. Дополнительным

¹⁰⁷ Онищенко, Р. В. История реализации политики безопасности Итальянской Республики в Средиземноморье : 1995 - 2006 гг. : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Онищенко Роман Валерьевич; [Место защиты: Российский государственный гуманитарный университет]. - Москва, 2021. - 32 с.

аргументом является усиления России, чья военная база в сирийском Тартусе трансформирует регион из сугубо «европейского» в многополярный.

Теория Спайкмена, рассматривающая контроль над прибрежными зонами, объясняет милитаризацию проливов, где интересы НАТО, Европейского союза и внерегиональных держав, таких как США и Китай, сталкиваются в борьбе за глобальное влияние.

Современные динамики региона раскрываются через структурный анализ энергетических конфликтов, где открытие газовых месторождений Левиафан и Зохр в Восточном Средиземноморье обостряет территориальные споры между Израилем, Кипром, Грецией и Турцией, а проекты газопроводов EastMed и TAP становятся инструментами перераспределения влияния.

Неореалистская интерпретация по Кеннету Уолтцу, видится в наращивании военных потенциалов Турции и Греции как классической «дилемме безопасности», тогда как либеральный интернационализм, следуя идеям Роберта Кеохейна, трактует инициативы ЕС, такие как «Зеленый курс», как попытку институционального регулирования энергопотоков через экологические стандарты.

Конструктивистский подход, апеллирующий к работам Александра Вендта, акцентирует роль исторических нарративов: концепция «Mare Nostrum», уходящая корнями в римскую имперскую традицию, легитимирует претензии южно-европейских стран на морские ресурсы, тогда как османское наследие питает неоосманский дискурс Турции, проявляющийся в активной политике Анкары в Ливии и Восточном Средиземноморье.

Критическая геополитика раскрывает дискурсы о «европейских границах» как инструменты оправдания интервенций — от операций ЕС по сдерживанию миграционных потоков через Средиземное море до вмешательства во внутренние дела стран Магриба под предлогом борьбы с терроризмом.

Применяя мир-системный анализ, развитый Иммануилом Валлерстайном, возможно выявить сохраняющиеся неокOLONиальные паттерны: соглашения Европейского союза с Марокко о рыболовстве трактуются как эксплуатация

ресурсов глобального Юга, а миграционные кризисы подтверждают асимметричную взаимозависимость между «ядром» и «периферией». При этом регион демонстрирует сложную сеть взаимодействий: китайские инвестиции в портовую инфраструктуру, как в случае с греческим Пиреем, конкурируют с российской активностью в проливе Босфор, а мягкая сила Франции, продвигаемая через франкофонные институты в Магрибе, сталкивается с турецкими образовательными и культурными проектами в Ливии и Сирии.

Средиземноморье не вписывается в классическую модель «региона-системы», представляя собой констелляцию перекрывающихся пространств, где фрагментация ресурсов и интересов исключает доминирование одного актора. Теория Мануэля Кастельса о «сетевом обществе» предлагает инструментарий для анализа этой динамики: логистические коридоры, такие как китайские сухопутно-морские маршруты, цифровые платформы контроля над миграцией и неформальные коалиции, подобные Восточносредиземноморскому форуму, создают гибридную архитектуру влияния. Регион функционирует как трансрегиональный интерфейс, где имперское наследие Рима, Османской империи и колониальных держав сталкивается с современными стратегиями — от китайской «мягкой экспансии» до российского цивилизационного подхода, — а Европейский союз балансирует между амбициями «Зеленого курса» и вызовами миграционной политики.

Теория секьюритизация применима при рассмотрении экологических рисков, таких как опустынивание и нехватка воды, переводящая климатические угрозы в разряд проблем безопасности, и гибридные вызовы, включая миграционные кризисы и угрозу терроризма. Конфликт вокруг эфиопской плотины «Возрождение», затрагивающий интересы Египта и Судана, демонстрирует, как водные ресурсы Нила могут стать поводом для вмешательства средиземноморских государств, что, по Барри Бузану и Оле Уэверу, расширяет традиционные рамки понятия безопасности.

Средиземноморский регион, рассматриваемый через призму теории региональных комплексов безопасности, демонстрирует необходимость адаптации

классических подходов Барри Бузана к современным реалиям. Традиционное разделение на европейский и ближневосточный субкомплексы, характерное для периода холодной войны, теряет актуальность в условиях постбиполярной полицентричности¹⁰⁸. Современные вызовы, такие как миграционные кризисы, энергетическая конкуренция, транснациональный терроризм и климатические угрозы, формируют новые паттерны взаимозависимости между государствами Северного и Южного Средиземноморья. При этом усиление роли внешних акторов, включая Россию, Китай и США, переопределяет границы региональной безопасности, трансформируя её в гибридный комплекс с элементами глобального взаимодействия.

В таком случае структурно регион можно разделить на три взаимосвязанных субкомплекса, каждый из которых отражает специфику угроз и взаимодействий. Восточный субкомплекс, охватывающий Грецию, Турцию, Кипр и Сирию, концентрируется вокруг территориальных споров, конфликтов за энергоресурсы в Восточном Средиземноморье и наследия арабо-израильского противостояния. Центральный субкомплекс, включающий Италию, Ливию и Мальту, выступает эпицентром миграционных потоков, усугубляемых нестабильностью ливийского государства. Западный субкомплекс, объединяющий Францию, Испанию, Алжир и Марокко, характеризуется проблемами терроризма, нелегального трафика и исторических последствий колониализма. Эта многослойность безопасности иллюстрирует, как локальные конфликты, например греко-турецкие противоречия, переплетаются с интересами глобальных держав. Военное присутствие России в Сирии, её энергетическое партнёрство с Турцией, а также инвестиции Китая в портовую инфраструктуру, такие как Пирей и Хайфа, создают альтернативные центры влияния, конкурирующие с ЕС и НАТО.

Критерии идентификации Средиземноморья как единого региона выходят за рамки географической близости, что определяет Средиземноморье не как географический ареал, а как динамичную пространственно-временную систему с

¹⁰⁸ Stivachtis, Y. A. A Mediterranean Region? Regional nexosity Complex Theory Revisited // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-mediterranean-region-regional-security-complex-theory-revisited> (дата обращения: 03.05.2025).

общей антропогенной и природной логикой развития. Теоретическая значимость анализа Средиземноморья через теорию регионального комплекса безопасности заключается в преодолении евроцентризма и акценте на полицентричности современных международных отношений. Регион интересен как пример глобальных тенденций: от смещения баланса сил в пользу не-западных акторов до роста роли невоенных угроз. Для его изучения необходим мультидисциплинарный подход, интегрирующий исторический анализ, оценку экономических взаимозависимостей и исследование роли негосударственных акторов, в том числе миграционные сети и транснациональные корпорации. Интеграция этих аспектов в диссертационное исследование позволяет углубить понимание эволюции региональной безопасности в условиях трансформации миропорядка, а также обосновать включение Средиземноморья в дискурс о новых паттернах глобального управления и конфликтности в XXI веке.

Таким образом, Средиземноморье остается эпистемическим полем для полипарадигмального исследования, где наслоение исторических нарративов, цивилизационных идентичностей, энергетической конкуренции и институционального соперничества требует синтеза теорий от неореализма до постмодернизма. Его многомерность превращает регион не только в арену конфликтов, но и в платформу для апробации моделей многостороннего сотрудничества, будь то управление гибридными угрозами или адаптация к энергетическому переходу. Эта сложность, отражающая глобальный баланс сил XXI века, Средиземноморье сохраняет статус ключевого узла мировой политики благодаря уникальной связности трансконтинентальных потоков и адаптивности к глобальным трансформациям, что опровергает нарративы о его периферизации. География и история продолжают диктовать правила игры, но способность акторов переосмысливать стратегии в условиях мультиполярности становится решающим фактором выживания.

От теоретического анализа необходимо перейти к эмпирическому изучению ключевых проблем Средиземноморья для валидации гипотез о его роли в

глобальной системе. Это создаёт основу для прогностических моделей, соединяющих науку с политической практикой.

Средиземное море, исторически воспринимавшееся как свободное и мирное пространство, связывающее континенты, претерпело значительную трансформацию.

Средиземноморский регион сталкивается с дилеммой унаследованных уязвимостей и нереализованного потенциала. Экономическая динамика региона остаётся противоречивой: рост торговли и энергетики соседствует с хрупкостью экосистем, а кооперативные инициативы сталкиваются с несовершенством регулирования и национальными интересами.

Ключевые противоречия в развитии южно-средиземноморских экономик, актуальны с 2010-х гг. Несмотря на формально позитивные макроэкономические показатели — рост ВВП, стабильность фондовых рынков, контроль бюджетного дефицита — эти критерии, продвигаемые МВФ и Всемирным банком, оказались не столь заметными на фоне социальных взрывов Арабской весны 2010–2011 гг. Протесты обнажили системные дисбалансы: безработицу среди молодежи (до 35% в отдельных странах), растущее неравенство, коррупцию элит и зависимость от рентной экономики, основанной на эксплуатации сырьевых ресурсов, туризме и денежных переводах мигрантов¹⁰⁹.

Структурные реформы 1980–2000-х гг., навязанные международными институтами, усугубили проблемы. Либерализация привела не к диверсификации, а к приватизации рентных секторов (энергетика, недвижимость, торговля) в пользу узкого круга элит, связанных с властью, что усилило авторитаризм и коррупцию. Например, 65% ВВП Алжира и Ливии формировалось за счет энергоэкспорта, а массовый туризм в Тунисе и Египте создавал сезонные низкоквалифицированные рабочие места, усугубляя экологический кризис. Налоговая система, ориентированная на косвенные налоги и льготы для крупного бизнеса, усилила социальное расслоение: 2–4% бюджетных поступлений приходилось на

¹⁰⁹ Corm, G. Economic Evolution in the Mediterranean Countries in a Changing World [Электронный ресурс] // IEMed Mediterranean Yearbook. 2011. URL: <https://www.iemed.org/publication/economic-evolution-in-the-mediterranean-countries-in-a-changing-world/> (accessed: 03.05.2024).

подоходный налог с зарплат, тогда как прибыли от недвижимости и посреднических операций оставались практически необлагаемыми¹¹⁰. Это контрастировало с опытом Юго-Восточной Азии, где государственно-частное партнёрство стимулировало технологический рост.

Современное Средиземноморье является критически важным узлом глобальной энергетической безопасности благодаря запасам природного газа на шельфе Северной Африки и Восточного Средиземноморья, которые привлекают внимание не только региональных, но и внешних игроков. Конкуренция за разведку и добычу ресурсов, усиленная конфликтами вокруг исключительных экономических зон, сочетается с инфраструктурными проектами Китая и России, стремящихся закрепить влияние через строительство портов и газопроводов. Эти процессы превращают регион в арену столкновения интересов, где энергетика становится инструментом.

Современные глобальные вызовы — от 30-летнего максимума инфляции до климатических шоков и фрагментации цепочек поставок — усугубляют структурные дисбалансы. Несмотря на стратегическое расположение между Европой, Азией и Африкой, внутрирегиональная торговля (1.1 трлн долл. ежегодно) составляет лишь треть от общего объёма внешней торговли, что контрастирует с интеграционными моделями АСЕАН или МЕРКОСУР, что объясняется отсутствием единой зоны свободной торговли¹¹¹. Энергетическая зависимость искажает экономический профиль: 45% внешнеторгового оборота приходится на углеводороды, при этом 12% экспорта ЕС направляется в южное Средиземноморье, где доминируют пять европейских стран (Италия, Германия, Франция, Великобритания, Испания). Инвестиционное взаимодействие (около 200 млрд евро) остаётся фрагментированным, отражая асимметрии развития.

¹¹⁰ Corm, G. Economic Evolution in the Mediterranean Countries in a Changing World [Электронный ресурс] // IEMed Mediterranean Yearbook. 2011. URL: <https://www.iemed.org/publication/economic-evolution-in-the-mediterranean-countries-in-a-changing-world/> (accessed: 03.05.2024).

¹¹¹ Zibaoui, A. The Mediterranean between uncertainty and hope [Электронный ресурс] // Friedrich Naumann Foundation for Freedom. Freiheit.org. 2024. 17 Jan. URL: <https://www.freiheit.org/spain-italy-portugal-and-mediterranean-dialogue/mediterranean-between-uncertainty-and-hope> (accessed: 20.05.2024).

Преодоление этих противоречий требует переосмысления региона как территории неколониальной зависимости в площадку кооперативного производства. Разница в ключевых ресурсах — от человеческого капитала Юга до технологий Севера — способна трансформировать Средиземноморье в мировой центр производства с высокой добавленной стоимостью. Региональная интеграция, по оценкам, может обеспечить прирост экспорта на 1-3% ВВП ежегодно через создание трансграничных кластеров в автомобилестроении (электромобили), агросекторе и логистике. Ключевым становится переформатирование цепочек поставок: локализация производств сократит углеродный след и снизит риски, связанные с удалёнными цепочками (до 40% потерь от логистических сбоев, по данным UNCTAD, 2023¹¹²).

Энергетический переход открывает уникальное окно возможностей. Средиземноморье, обладая 40% мирового потенциала солнечной энергии¹¹³, может стать полигоном зелёного водорода, интегрируя ВИЭ-проекты Севера Африки с промышленными хабами Южной Европы. Параллельно цифровизация портовых систем (например, Танжер-Мед) и внедрение AI в логистику повысят конкурентоспособность транзитных коридоров. Однако успех зависит от преодоления институционального пессимизма: лишь 12% малых и средних предприятий региона вовлечены в трансграничные проекты¹¹⁴.

Геоэкономическую значимость региона усиливают его минеральные ресурсы, от многовековой добычи морской соли до современных нефтегазовых месторождений. Оффшорные месторождения, такие как Бури в Ливии, обеспечивают до 30% добычи прибрежных стран, а нефтеперерабатывающие комплексы в Марселе, Генуе и Александрии обрабатывают сырьё из Персидского залива, поставляемое через Суэцкий канал¹¹⁵. Однако зависимость от

¹¹² Review of Maritime Transport 2023. UNCTAD. Geneva, 2023. URL: <https://unctad.org/publication/review-maritime-transport-2023> (accessed: 20.06.2024).

¹¹³ International Renewable Energy Agency (IRENA). Renewable Energy Statistics 2022. Abu Dhabi, 2022. URL: <https://www.irena.org/publications/2022/Jul/Renewable-Energy-Statistics-2022> (дата обращения: 19.05.2023).

¹¹⁴ European Bank for Reconstruction and Development (EBRD). Regional Economic Prospects: Mediterranean Region. London, 2023. URL: <https://www.ebrd.com/home/news-and-events/news/2023/ebd-expects-modest-2023-growth-in-southern-and-eastern-mediterranean.html> (accessed: 20.05.2024).

¹¹⁵ Boxer, B., Salah, M. "Mediterranean Sea." Encyclopedia Britannica, April 23, 2025. <https://www.britannica.com/place/Mediterranean-Sea>. (accessed: 20.05.2024).

углеводородов вступают в противоречие с климатической повесткой ЕС, требующей «зелёного перехода», что создаёт дилемму для стран вроде Алжира и Египта, чьи экономики зависят от экспорта энергии.

Морские пути Средиземноморья — это важные каналы мировой торговли, через которые проходит до 20% мирового грузопотока, включая ключевые маршруты из Азии в Европу через Суэцкий канал¹¹⁶. Контроль над такими точками, как Гибралтар, Сицилийский пролив и Суэц, определяет экономическое и военное доминирование. Проекты вроде китайского ОПОП и усиление ВМС США в Восточном Средиземноморье подчеркивают стратегическую ценность региона, где пересекаются интересы ЕС, НАТО, России и Китая. При этом уязвимость этих маршрутов к блокадам, пиратству или политическим кризисам (как в случае с Суэцким каналом в 2021 г.) делает их зоной постоянного риска.

Средиземное море в логистическом контексте претерпевает трансформацию. Современное положение определяют его как ключевой коммерческий коридор между Индийским и Атлантическим океанами, что находит отражение в эволюции китайских карт инициативы ОПОП: если ранее маршрут завершался в Венеции, то сегодня он проходит через Суэцкий канал и Гибралтар, интегрируя Средиземноморье в глобальные трансконтинентальные цепочки. Этот сдвиг сопровождается изменением баланса сил: сокращение военного присутствия США и усиление роли «узких мест» — Гибралтара и Суэца — на фоне неоднородного развития портовой инфраструктуры севера и юга региона и политической зависимости от стран Северной Европы. Однако, вопреки прогнозам о крахе региональной «голубой экономики» из-за кризиса в Красном море (с 2023 г.), данные демонстрируют устойчивость системы¹¹⁷.

Средиземноморье сохраняет статус одного из наиболее консолидированных морских кластеров мира. Греция, несмотря на скромные размеры, лидирует по тоннажу (16,9% мирового флота) и стоимости судов (11,8%), доминируя в

¹¹⁶ Boxer, B., Salah, M. "Mediterranean Sea." Encyclopedia Britannica, April 23, 2025. <https://www.britannica.com/place/Mediterranean-Sea>. (accessed: 20.05.2024).

¹¹⁷ The Mediterranean: A Timeless Strategic and Logistics Hub? [Electronic resource] // ISPI Online. – 2024. – 5 Dec. – URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/the-mediterranean-a-timeless-strategic-and-logistics-hub-191215> (accessed: 02.12.2024).

перевозках насыпных грузов. Мальта и Кипр, создав эффективные административные режимы для судорегистрации, конкурируют с «удобными флагами», привлекая компании на фоне введения глобального налога. Марокканский порт Танжер, единственный средиземноморский порт в топ-20 контейнерных терминалов, стал моделью государственно-частного партнёрства, аналогичного китайским особым экономическим зонам.

Гидрологические изменения, вызванные масштабными дамбами на Ниле и Эбро, нарушили баланс солёности, усиливая приток атлантических вод через Гибралтар и влияя на глобальную циркуляцию океана. Эти трансформации, изучаемые через призму климатических моделей, актуализируют роль Средиземноморья как ключевого региона для изучения глобальных процессов, в том числе для прогнозирования климатических сценариев. Международные исследования, включая проекты НАТО и ЕС, фокусируются на глубоководных течениях и седиментации, связывая локальные явления с макроэкосистемами.

Туризм, составляющий до 20% ВВП прибрежных стран,¹¹⁸ генерирующий миллиарды долларов ежегодно, требует диверсификации через развитие уникальных продуктов и услуг (медицинский, гастрономический туризм) и климатическую адаптацию инфраструктуры. Параллельно туризм трансформирует прибрежные зоны: урбанизация в Египте, Турции и Марокко растёт рекордными темпами, но сопровождается загрязнением вод пластиком и сточными водами. Слабость приливных течений замедляет естественную очистку, превращая закрытые бухты в «мёртвые зоны», несмотря на усилия в рамках Барселонской конвенции (1976) и Медитераниан Экшн Плана.

Миграционные потоки через Средиземное море, особенно из зон конфликтов в Африке и на Ближнем Востоке, превращают регион в эпицентр гуманитарных вызовов и политических противостояний. Миграция стала инструментом давления со стороны стран исхода и транзита, как в случае с принимающими странами Турцией или Марокко, использующих её в переговорах с ЕС. Этот феномен не

¹¹⁸ Zibaoui, A. The Mediterranean between uncertainty and hope [Электронный ресурс] // Freiheit.org. 2024. 17 Jan. URL: <https://www.freiheit.org/spain-italy-portugal-and-mediterranean-dialogue/mediterranean-between-uncertainty-and-hope> (accessed: 20.05.2024).

только обнажает асимметрию влияния по вопросам миграции между севером и югом Средиземноморья, но и провоцирует кризисы солидарности внутри ЕС, где вопросы квот и безопасности границ остаются нерешенными. Миграция также тесно связана с дестабилизацией Сахеля и ближневосточными конфликтами, что делает регион зеркалом глобальных дисбалансов. Попытки ЕС модернизировать регион через Барселонский процесс и создание зоны свободной торговли провалились: зависимость от импорта продовольствия, рост миграции в Европу и «утечка мозгов» сохранились.

Высокий демографический потенциал — 60% населения младше 30 лет — остаётся нереализованным при уровне безработицы среди молодёжи до 35%¹¹⁹. Инклюзивные стратегии, включая квоты для женщин в предпринимательстве и образовательные альянсы типа Erasmus Mediterranean, способны активировать человеческий капитал, однако именно молодежь становится основной составляющей миграционной динамики.

Будущее региона зависит от способности превратить географическую смежность в экономическую взаимодополняемость. Реализация этой парадигмы предполагает не только инвестиции в инфраструктуру, но и создание разветвленной сферы услуг — от Средиземноморского банка устойчивого развития до цифровой платформы таможенного сотрудничества. Как показывает опыт Gulf Cooperation Council, даже частичная гармонизация стандартов увеличивает внутрирегиональный товарооборот на 15-20%¹²⁰. В условиях поликризисной реальности Средиземноморье может эволюционировать из «зоны риска» в «лабораторию устойчивой глобализации», где трансконтинентальные амбиции уравниваются социально-экологической ответственностью.

Средиземноморье сохраняет ключевое геополитическое значение, энергетических маршрутов и миграционных потоков. Его многофакторная

¹¹⁹ International Labour Organization (ILO). World Employment and Social Outlook: Trends 2023. Geneva, 2023. URL: <https://www.ilo.org/publications/world-employment-and-social-outlook-trends-2023> (accessed: 20.05.2024).

¹²⁰ International Monetary Fund (IMF). Gulf Cooperation Council: Economic Prospects and Policy Challenges for the GCC Countries. Country Report No. 2023/413. Washington, D.C., 2023. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2023/12/14/Gulf-Cooperation-Council-Economic-Prospects-and-Policy-Challenges-for-the-GCC-Countries-542513> (accessed: 03.05.2024).

структура, сочетающая историческое наследие, культурный плюрализм и ресурсную конкуренцию, формирует зону перманентной нестабильности и стратегического соперничества. Его фундаментальная характеристика — гетерогенность — проявляется в отсутствии консенсуса по границам, от классического бассейна до концепта «Большого Средиземноморья», включающего Черноморье и Ближний Восток, что актуализирует гибкие многокритериальные подходы к анализу. Культурно-исторические пласты и конфессиональные различия остаются активными факторами политико-экономической динамики, питая как конфликты, так и попытки диалога.

Как арена стратегического соперничества регион сохраняет статус эпицентра геополитики: контроль над проливами, запасы углеводородов и транзитные коридоры превращают его в «лабораторию» столкновения классических и современных парадигм, где пересекаются интересы глобальных и региональных держав, а энергетика обостряет «дилеммы безопасности». Теория региональных комплексов безопасности требует адаптации к гибридной реальности трех взаимосвязанных субкомплексов — Восточного, Центрального и Западного, — где локальные кризисы усиливаются глобальными игроками.

Экономически регион характеризуется глубокими дисбалансами. Структурные слабости юга включают рентную зависимость от углеводородов, туризма и денежных переводов, хроническую безработицу молодежи до 35% и социальное неравенство, усугубленное неудачными либеральными реформами. Ограниченная интеграция проявляется в том, что внутрирегиональная торговля объемом 1.1 трлн долларов составляет лишь треть общего оборота, а отсутствие единой зоны свободной торговли тормозит синергию. Асимметричная взаимозависимость выражена в доле углеводородов в 45% внешнеторгового оборота и доминировании пяти стран ЕС в экспорте на юг. Устойчивые вызовы усугубляют риски: экологические изменения нарушают соленость и угрожают экосистемам; миграционные кризисы используются как инструмент давления, провоцируя расколы в ЕС; демографический потенциал 60% молодежи остается нереализованным на фоне системной безработицы.

Однако регион обладает уникальными возможностями для трансформации. Энергопереход, учитывая 40% мирового потенциала солнечной энергии, позволяет стать центром производства зеленого водорода. Геоэкономическая перезагрузка через развитие трансграничных кластеров в электромобилях, агросекторе и логистике может дать прирост экспорта на 1–3% ВВП ежегодно. Морская консолидация усиливает транзитную роль. Институциональные инновации, такие как гармонизация стандартов и создание Средиземноморского банка устойчивого развития, критически важны для кооперации.

Таким образом, Средиземноморье, вопреки нарративам о периферизации, остается критическим узлом мировой политики и экономики. Его будущее зависит от способности превратить географическую смежность в экономическую взаимодополняемость, а унаследованные конфликты — в платформу кооперации. Преодоление институционального пессимизма, инвестиции в «зеленые» и цифровые проекты, а также роль посредников способны трансформировать регион из зоны риска в лабораторию устойчивой глобализации, где трансконтинентальные амбиции уравниваются социально-экологической ответственностью. Этот путь требует синтеза исторической рефлексии, политической воли и мультидисциплинарных исследований для построения прогностических моделей новой региональной архитектуры.

Италия, находясь в эпицентре северного субрегиона, сталкивается с вызовами энергозависимости, миграционными кризисами и влиянием внешних акторов (ЕС, Китай, Турция). Однако её потенциал как посредника между Европой, Африкой и Ближним Востоком позволяет переосмыслить регион как площадку для кооперации, сочетая «зелёный переход», цифровизацию и институциональные реформы.

1.2. СПЕЦИФИКА ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ИТАЛИИ

Итальянская политическая мысль, формирующаяся на пересечении имперского наследия, средиземноморской географии и динамики глобальных идеологий, демонстрирует уникальную способность адаптировать исторические мифы к вызовам современности, что определяет её ключевую роль в конструировании внешнеполитической идентичности государства. Для анализа этой эволюции целесообразно выделить следующие этапы: фашистский период (1920–1940-е гг.) с его геополитическими амбициями «Третьего Рима»; послевоенное переосмысление (1945–1960-е гг.), связанное с интеграцией в западные структуры и отказом от экспансионизма; холодную войну (1970–1980-е гг.), где акцент сместился на энергетическую безопасность и региональную стабильность; постбиполярную эпоху (1990–2010-е гг.) с утверждением статуса «средней державы»; и современный этап (с 2020-х гг.), характеризующийся балансом между европейской солидарностью, кризисом глобализации, возрождением и эволюцией концепции «расширенного Средиземноморья».

В период между двумя мировыми войнами итальянская геополитическая школа сформировалась как уникальный синтез исторической памяти о Римской империи, ирредентизма Рисорджименто и фашистской идеологии. Её становление было реакцией на «урезанную победу» Италии в Первой мировой войне и неустойчивость Версальской системы, которая, по словам Эрнесто Масси, закрепляла статус-кво в интересах «богатых наций», игнорируя амбиции «пролетарских» государств¹²¹.

Центральной идеей стал миф о «Третьем Риме», провозглашённый Муссолини, — преемственности между античным величием, папским наследием и новой имперской миссией, направленной на восстановление контроля над Terra irredenta (неосвобождёнными землями) и Средиземным морем (Mare Nostrum). В 1920–1940-е гг. итальянские интеллектуалы, такие как Эрнесто Масси и Джорджо

¹²¹ Massi, E. (1939). *Democrazie, colonie e materie prime*. *Geopolitica*, I (1), 17—35.

Ролетто, развивали концепцию Средиземноморья как «жизненного пространства» страны, апеллируя к наследию Римской империи и статусу Италии как центра католического мира. Они предлагали создать автаркичный блок, включающий страны Северной Африки, Балканы, Корсику и Мальту, что воплотилось в проектах «Mare Nostrum» и «Евроафрика».

Ключевым элементом итальянской геополитической доктрины того времени стала концепция «Mare Nostrum» («Наше море»)¹²², которая подразумевала восстановление доминирования Италии в Средиземноморском регионе. Эта идея была направлена на укрепление итальянского влияния в средиземноморских странах и колониях, что соответствовало стремлению к воссозданию величия древнеримской империи¹²³.

Этот нарратив подпитывался трудами ключевых фигур, таких как Роберто Альмаджа, разработавшего концепцию «динамической политической географии», где государство рассматривалось как организм, чьё развитие зависит не от жёстких законов, а от тенденций, управляемых политической волей. Отказ от географического детерминизма Ратцеля сочетался с «географическим гуманизмом», акцентирующим духовно-культурные факторы, — наследие Данте, Макиавелли и мыслителей Рисорджименто, таких как Джоберти и Мадзини.

Институционализация школы произошла вокруг журнала «Geopolitica» (1939–1942), созданного при поддержке министра образования Дж. Боттаи. Основатели и ведущие деятели этой школы, такие как Джорджо Ролетто и другие итальянские географы и политологи, стремились утвердить Италию как значимую геополитическую силу, способную влиять на европейскую и мировую политику. В этот период формируется специфическое видение Италии, как наследницы Римской империи, что обуславливает стремление к восстановлению контроля над Средиземноморьем¹²⁴.

¹²² Magugliani, L., «Il Mediterraneo centro geopolitico del blocco continentale Euro-Asio-Africano», in *Geopolitica*, IV, 11/1942, pp. 495-504.

¹²³ Perrone, A. «Mare nostrum e «Geopolitica». Il mito imperiale dei geografi italiani», *Diacronie* [Online], N° 25, 1 | 2016, documento 4, online dal 29 mars 2016, consultato il 27 mai 2025. URL: <http://journals.openedition.org/diacronie/3936>; DOI: <https://doi.org/10.4000/diacronie.3936> (accessed: 11.01.2021).

¹²⁴ Шепелев, М. А. Журнал «Geopolitica» и становление итальянской геополитической школы // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. №2. С. 325-338.

Журнал стал платформой для продвижения концепций вроде Евроафрики (Eurafrica) — итальянской версии «доктрины Монро». Идея Евроафрики представляла собой план создания экономической и политической интеграции между Европой и Африкой с центром в Италии. Эта стратегия предполагала усиление итальянских колониальных владений в Северной и Восточной Африке, что должно было способствовать экономическому развитию Италии и укреплению её политической мощи.

Этот меридиональный блок, по замыслу Паоло д'Агостино Орсини и Джорджо Ролетто, предполагал интеграцию Италии с Северной Африкой через строительство трансафриканской железной магистрали, что подрывало бы британский контроль над Суэцким каналом.

Журнал, тираж которого достигал 1 тыс. экземпляров, подчёркивал отличие «латинской» геополитики от германской: вместо расового детерминизма предлагалась экономическая трактовка «жизненного пространства», а вместо континентальной экспансии — доминирование в Средиземноморье через культурную и торговую гегемонию. Албания, Далмация и Мальта рассматривались как стратегические точки для контроля Адриатики, а сотрудничество с Испанией и арабским миром должно было ослабить влияние «нового Карфагена» — Великобритании. При этом итальянские интеллектуалы, включая Ливио Керси и Антонио Тоньоло, апеллировали к римскому наследию, представляя Италию как «мост» между Европой и Африкой.

Несмотря на риторику, итальянская геополитическая школа не оказала значительного влияния на внешнюю политику страны в предвоенные и военные годы, «во многом это объясняется и тем, что итальянские геополитики занимались главным образом подтверждением уже избранного режимом внешнеполитического вектора, а не изучением возможных альтернативных направлений внешней политики»¹²⁵. Муссолини, хотя и заявлял, что «география определяет судьбы народов», редко консультировался с геополитиками, а их идеи служили скорее

¹²⁵ Шепелев, М. А. Журнал «Geopolitica» и становление итальянской геополитической школы // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2017. №2. С. 336

оправданием уже принятых решений, таких как вторжение в Эфиопию или Албанию.

Внешняя политика Италии периода становления геополитической школы характеризовалась активизацией аннексионистских и экспансионистских устремлений в Европе и Африке. Эта политика также вызывала множество критических оценок, как внутри страны, так и за рубежом, особенно среди стран-соседей и европейских держав, которые воспринимали итальянские амбиции как угрозу собственной безопасности и интересам.

Однако, итальянская геополитическая школа 1920-1940-х гг., таким образом, играла ключевую роль в систематизации и концептуализации видения, что отразилось на дальнейшем формировании стратегических направлений итальянской внешней политики XX века, оставив заметный след в истории международных отношений. Выработанные постулаты находят место в современных подходах Италии, особенно актуален концепт расширенного Средиземноморья.

Итальянская школа выделялась на фоне других национальных традиций. Если немецкая *Geopolitik* Хаусхофера делала ставку на расовый детерминизм и *Lebensraum*, а англосаксонская — на морское могущество, то итальянцы совмещали экономический прагматизм с культурной экспансией, подчёркивая роль «романита» — единства духа, а не крови. Эта специфика, как отмечают современные исследователи¹²⁶, делает её примером взаимодействия академической мысли с тоталитарным режимом, где историческая мифология стала инструментом легитимации имперских амбиций.

После поражения во Второй мировой войне Италия пережила значительные политические и социальные изменения, которые не могли не отразиться на её геополитической школе и внешнеполитических концепциях. Падение фашизма и возникновение новой республиканской формы правления привели к переосмыслению итальянской внешней политики и геополитических стратегий.

¹²⁶ Nelis, J. "Constructing fascist identity: Benito Mussolini and the myth of *romanità*", in: *Classical World* 100/41, 2007, p. 391-415.

Таким образом, наследие фашистской геополитики оказалось двойственным. С одной стороны, его имперско-экспансионистская риторика была полностью дискредитирована. С другой — ключевые географические и цивилизационные конструкты, такие как центральная роль Италии в Средиземноморье и идея еврафриканского «моста», не исчезли. Они были вынуждены пройти сложную трансформацию, адаптируясь к новым реалиям: биполярному миру, деколонизации и процессам европейской интеграции. Послевоенная Италия отказалась от языка силы, но не от самой идеи своего особого предназначения в регионе, что и предопределило поиск новых форм влияния.

Наиболее трудным был колониальный вопрос, который в действительности сильно отличался от теоретического осмысления. После семи лет, начиная с 1943 г., Италия получила опеку над Сомали и в течение 10 лет административировала будущую независимость своей бывшей колонии. Произошло достижение политической, но не экономической независимости. «Несмотря на это приведение к независимости такой бедной страны в результате такого ограниченного по времени мандата принесло Италии признание со стороны ООН и многих молодых освободившихся африканских стран, следствием чего стал рост итальянского влияния в Африке в 1960-х гг».¹²⁷

Одним из ключевых изменений после войны стал отказ от экспансионистских и империалистических амбиций, которые были характерны для предвоенного периода. Вместо этого Италия начала стремиться к восстановлению и укреплению своих экономических и политических связей в Европе и Средиземноморском регионе.

Переосмысливая свою международную идентичность, взяла курс на интеграцию. В послевоенные годы Италия активно участвовала в процессах европейской интеграции, став одним из основателей Европейского экономического сообщества (ЕЭС), предшественника современного Европейского союза. Это направление стало определяющим для итальянской геополитической мысли,

¹²⁷ Нестерова, Т. П. Борьба Италии за сохранение колониальной империи в 1943–1949 гг. / Т. П. Нестерова // Научный диалог. – 2013. – № 1(13) : История. Социология. Экономика. – С. 66–91.

которая теперь акцентировала важность многостороннего сотрудничества и европейской солидарности.

После 1945 г. геополитика как дисциплина была дискредитирована, а её видные представители, вроде Масси и Ролетто, переключились на экономическую географию. Однако их наследие не исчезло: в 1970-х идеи регионализации возродились в журнале «L'Egeo», а проекты вроде Евроафрики предвосхитили современные дискуссии о «больших пространствах» в условиях кризиса глобализации.

В период холодной войны и изменения глобального баланса сил, Италия столкнулась с новыми геополитическими вызовами. В этот период важными темами для итальянских исследователей стали безопасность в Средиземноморье, взаимоотношения с восточными и южными соседями и экономическая стабильность. Так 4 апреля 1949 г. сформировался ещё один вектор, атлантический, когда Италия вместе с другими 11 странами подписала Вашингтонский договор, став основателем НАТО.

Акцент внешней политики Италии сместился на обеспечение безопасности в рамках НАТО. Однако энергетические интересы, продемонстрированные деятельностью ENI под руководством Энрико Маттеи, сохранили ориентацию на Средиземноморье, подчеркнув преемственность региональных приоритетов. Средиземноморская политика стала более сосредоточенной на экономическом сотрудничестве и политической стабилизации региона.

В середине 1980-х гг. Италия столкнулась с новыми вызовами, такими как иммиграция из Северной Африки и Ближнего Востока¹²⁸, а также необходимость укрепления экономических связей с развивающимися странами региона. В это время происходит идеологическое обращение к концепции Расширенного Средиземноморья («Mediterraneo Allargato»), которая когда-то оправдывала экспансию в Африку и на Балканы.

¹²⁸ Животовская, И.Г. Италия: от эмиграции к иммиграции // АПЕ. 2005. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/italiya-ot-emigratsii-k-immigratsii> (дата обращения: 11.05.2022).

Данная концепция, официально оформившаяся в 1980-х гг., уходит корнями в итальянскую геополитическую мысль начала XX века, где Средиземноморье уже рассматривалось как зона ключевого влияния Италии. Истоки этой идеи связаны с завершением в XIX веке строительства Суэцкого канала, который превратил Средиземное море в стратегический узел, связывающий Атлантику и Индийский океан. Это усилило экономические и военные возможности Италии, но одновременно привлекло внимание внешних держав, сделав регион ареной соперничества.

Переломным моментом стало введение конкретного термина «Mediterraneo Allargato» контр-адмиралом П.П. Рамоино в 1980-х гг., обозначившего зону стратегических интересов ВМФ Италии.

Возрождение и институционализация концепции «Расширенного Средиземноморья» наглядно демонстрируют преемственность итальянской геополитической традиции. Если в ранний послевоенный период акцент сместился на евроатлантическую интеграцию, то к концу Холодной войны, в условиях новых вызовов (миграция, энергетика), Италия вновь обратилась к старой, но адаптированной формуле. Произошел символический возврат к стратегическому нарративу, уходящему корнями в идеи «Geopolitica», но теперь он был очищен от имперских амбиций и встроен в логику евро-атлантической солидарности и экономического прагматизма.

Окончание холодной войны в начале 1990-х гг. кардинально изменило международный ландшафт, поставив перед Италией вопрос о пересмотре её внешнеполитической идентичности. Распад биполярной системы, эскалация конфликтов на Балканах и необходимость адаптации к новым вызовам глобализации активизировали дискуссии в итальянском политическом и экспертном сообществе. Парламентские выборы 1992 г., ставшие рубежом между Первой и Второй республиками, выявили глубокие расхождения между левыми и правящими партиями. Леворадикальное «Коммунистическое воссоздание» категорически отвергало участие Италии в зарубежных военных операциях, включая натовские инициативы, тогда как правящие христианские демократы и

социалисты выступали за модернизацию вооружённых сил для выполнения антикризисных миссий за рубежом.

Таким образом, теоретические основы новой внешней политики имеют глубокие корни. Переосмысление роли Италии в послевоенный период стало центральной темой для политических мыслителей. Министр иностранных дел Джанни Де Микелис выделил три ключевых направления итальянской деятельности: балкано-дунайское, средиземноморское и «галльское» (влияние на ЕС)¹²⁹. Он подчёркивал необходимость преодоления границ холодной войны и усиления роли Италии как «протагониста» мировой политики.

Федерика Могерини, занимая ключевые позиции в итальянской и европейской дипломатии (министр иностранных дел Италии в 2014 г., Верховный представитель ЕС по иностранным делам в 2014–2019 гг.), воплотила синтез национального прагматизма и европейского мультилатерализма, что определяет её значимость в исследовании внешнеполитической мысли Италии¹³⁰. Её подход базировался на сочетании неоатлантизма — с акцентом на трансатлантическую солидарность и энергетическое сотрудничество с Россией («Турецкий поток») — и средиземноморского мультилатерализма, направленного на стабилизацию региона через институты ЕС, включая урегулирование ливийского кризиса и продвижение евроинтеграции Балкан.

Анализируя фрагментацию международной системы, Могерини акцентировала необходимость стратегической автономии ЕС, опирающейся на дипломатию как инструмент предотвращения эскалации и выстраивание общей линии в зонах пересечения интересов, таких как Средиземноморье и Черноморье. Её тезис от 23 октября 2018 г. «Позвольте мне напомнить нам всем, что Черное море — это европейское море...» отражает стремление институционализировать влияние ЕС в условиях конкуренции с Россией и Турцией. Критически осмысляя институциональные слабости ЕС, Могерини выделила три приоритета для новых

¹²⁹ Барабанов, О.Н. Эволюция современной итальянской внешнеполитической идеологии // На перекрестке Средиземноморья: «Итальянский сапог» перед вызовами XXI века / Т.В. Зонова, Н.П. Шмелев, В.П. Любин [и др.]. — М. : Весь Мир, 2011. — 456 с. — (Старый свет — новые времена). — С. 139–140.

¹³⁰ Прохоренко, И.Л. Федерика Могерини: новое лицо европейской дипломатии. — Россия и мир. Вестник дипломатической академии МИД России. — 2015. — № 1(3). — С. 79 – 86.

поколений специалистов,¹³¹ что может отразиться на дальнейшем развитии итальянской внешнеполитической мысли:

1. углубленное понимание глобальных процессов,
2. развитие навыков межкультурного диалога,
3. активное участие в многоуровневых переговорных процессах.

Тем временем итальянская геополитическая школа, которая многие десятилетия находившаяся в анабиозе, сейчас представлена университетами и исследовательскими институтами, такими как Итальянский институт международных политических исследований (Institute for International Political Studies, ISPI) и Институт международных отношений (Istituto Affari Internazionali, IAI), которые активно участвуют в анализе и формировании геополитических стратегий, предоставляя платформу для дискуссий и разработки политики. Исследователи фокусируются на анализе глобальных вызовов, таких как изменение климата, международный терроризм, кибербезопасность и пандемии, а также стремятся отразить и спрогнозировать место Италии в мировой политике.

Однако, для достижения цели диссертации — выявления особенностей внешней политики Италии в Средиземноморье — важно выйти за рамки итальянского контекста. Отечественные исследователи-итальянисты дополняют, развивают подходы, изложенными ранее, формируя целостную картину рассматриваемой темы.

Так, центральное место в работах российских ученых занимает анализ Италии как «средней державы». Наиболее полно рассмотренная в данном ключе Алексеенковой Е.С.¹³² Итальянское самопозиционирование как «средней державы» стало стратегическим ответом на необходимость совмещения ограниченных материальных ресурсов с амбициями влияния в рамках Евросоюза и НАТО¹³³.

¹³¹ Istituto per gli Studi di Politica Internazionale (ISPI). Sfide UE: Federica Mogherini [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ispionline.it/it/informarsi-per-il-mondo/sfide-ue-mogherini> (дата обращения: 12.03.2025).

¹³² Алексеенкова, Е. С. Италия в Средиземноморье: дилеммы “средней державы” / Е. С. Алексеенкова // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66, № 1. – С. 80-90. – DOI 10.20542/0131-2227-2022-66-1-80-90. – EDN KHAVNJ.

¹³³ Гаврилова, С. М. Европейский вектор внешней политики Италии / С. М. Гаврилова // Проблемы постсоветского пространства. – 2022. – Т. 9, № 3. – С. 301-318. – DOI 10.24975/2313-8920-2022-9-3-301-318. – EDN RUHNUC. С. 302

Следует пояснить, что концепт «средней державы» остается одним из наиболее дискуссионных в теории международных отношений, отражая сложность классификации государств в условиях динамичной мировой системы. Его истоки восходят к эпохе Возрождения, когда Джованни Ботеро выделил «средние державы» как самостоятельные акторы, способные существовать без опоры на империи. Последующая теоретизация приходится на последнюю треть XX в.

Теоретическое осмысление опирается на три взаимодополняющих подхода: иерархический, нормативный и поведенческий¹³⁴. Иерархический подход фокусируется на материальных возможностях государства — экономической мощи, населении, военном потенциале, — определяя его место в глобальной «табели о рангах». Однако ограниченность этого метода в том, что страны с сопоставимыми показателями могут радикально различаться по влиянию и стратегическим приоритетам. Нормативный подход смещает акцент на ценности: приверженность многосторонности, участие в гуманитарных миссиях, соблюдение прав человека. Здесь статус связывается с этической ролью в международной системе, но критерии остаются субъективными и зависимыми от политической конъюнктуры. Поведенческий подход изучает внешнеполитические практики — посредничество, создание коалиций, продвижение консенсуса, — что позволяет оценить, как государство использует свои ресурсы для влияния. Однако этот метод рискует замкнуться в цикличности, выводя критерии из действий уже признанных «средних держав». Вместе эти подходы образуют триаду: иерархия задаёт рамки возможностей, нормы отражают идеалы, а поведение показывает инструменты реализации. Их синтез необходим для комплексного понимания роли «средних держав» в условиях многополярности, где статус определяется не только мощностью, но и способностью адаптироваться к меняющимся вызовам.

В иерархической логике Италия соответствует критериям «средней державы»: в 2023 г. занимая 8-е место в мире по ВВП¹³⁵, она обладает значительным экономическим потенциалом, но уступает ведущим акторам в

¹³⁴ Бритова В. Р. Основные подходы к пониманию «средней державы» // Евразийство и мир. 2022. Вып. 1. С. 47–53.

¹³⁵ GDP by Country. – URL: <https://www.worldometers.info/gdp/gdp-by-country/> (accessed: 27.04.2025).

военно-стратегическом и геополитическом весе. Нормативный аспект проявляется в активной роли Рима в продвижении европейской интеграции, поддержке многосторонних форматов и многосторонней дипломатии (например, участие в G7 и G20) и гуманитарных инициативах, таких как миграционная политика в Средиземноморье. Поведенческая модель находит отражение в дипломатическом посредничестве — например, в попытке урегулирования ливийского кризиса или усилении диалога между ЕС и Северной Африкой.

Этот баланс между материальными возможностями и нормативными обязательствами подчеркивает динамику статуса «средней державы»: рассмотрение внешней политики показывает, что Италия не претендует на глобальное лидерство, но использует своё географическое положение, культурное наследие и институциональную вовлеченность для усиления влияния в ключевых для ЕС регионах — от Балкан до Северной Африки. При этом её позиция остается зависимой от взаимодействия с более мощными партнёрами, такими как Германия и Франция, что отражает общую черту «средних держав» — необходимость маневрирования в системе асимметричных отношений.

Подобная стратегия демонстрирует, как самопозиционирование взаимодействует с внешними ожиданиями. Италия, избегая прямой конкуренции с «великими державами», фокусируется на нишевых направлениях: энергетической безопасности, культурной дипломатии, управлении миграционными потоками. Однако внутренняя политическая нестабильность и экономические вызовы (например, госдолг, превышающий 150% ВВП) ограничивают её возможности, подчеркивая хрупкость статуса «средней державы» в условиях кризисов.

Эта сложная диалектика возможностей и ограничений, присущая статусу «средней державы», напрямую проецируется на внешнеполитическую практику Италии. Стремление к влиянию сталкивается с необходимостью жесткого выбора приоритетов и поиска нишевых возможностей. Именно этим объясняется фокус Рима на многосторонней дипломатии в таких структурах, как ООН, где можно максимизировать символический капитал при относительно скромных ресурсных

затратах, а также упор на региональные проекты в Средиземноморье, где географическое положение дает Италии естественное преимущество.

Особый вклад в понимание мотивации итальянской внешней политики внесли Е.А. Маслова и Е.О. Шебалина.¹³⁶ Опираясь на концепцию национального архетипа страны, который сочетает чувство исторической «неполноценности» и стремление к национальному достоинству, они выделяют два ключевых подхода в итальянской политике.

«Средняя держава» — усиление влияния через союз с великими державами (прежде всего США).

«Самость» — отстаивание независимой позиции для демонстрации суверенитета.

Как отмечают исследователи, «Италия обладает ограниченным набором ресурсов, которые не достаточны для продвижения всех ее интересов. Политический истеблишмент адаптируется к таким обстоятельствам, при этом чувство национальной гордости («самости») также культивируется в национальном дискурсе, что может приводить к отстаиванию собственной позиции по конкретным вопросам. Зачастую эти вопросы носят символический (второстепенный) характер. Таким образом, можно говорить о том, что внешняя политика Италии – это политика средней державы с глобальными интересами».¹³⁷

Данное рассмотрение позволяет сделать вывод, что Италия, которая в XX–XXI веках последовательно конструировала свою роль как «средней державы», балансирующей между глобальными центрами силы и региональными интересами в рамках данной концепции, что отражается также через роль Италии в международных институтах. Стремление к усилению позиций в ООН, включая реформу Совета Безопасности, и активное участие в миротворчестве (операция в Албании, 1997) подчёркивали амбиции Италии как «ответственного глобального игрока». Однако эксперты (Стефано Сильвестри) критиковали «политику сидения» — формальное присутствие на форумах без реального влияния.

¹³⁶ Маслова, Е.А., Шебалина, Е.О. США как фактор итальянской политики // Современная Европа. 2022. №1 (108). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ssha-kak-faktor-italyanskoj-politiki> (дата обращения: 08.05.2025).

¹³⁷ Там же. С. – 36.

При этом, как отмечают Е.А.Маслова и Г.Н.Иванов, итальянская внешняя политика в ООН служит ярким примером феномена «самообмана», при котором активность государства в многосторонних институтах не коррелирует с реальными достижениями¹³⁸. Её инициативы в ООН, несмотря на высокую активность, часто оказываются вторичными: 70% резолюций в Совете Безопасности (1991–2023) предложены в коалиции с США или ведущими европейскими странами, что ставит под сомнение уникальность вклада Рима.

Ключевым фактором остаётся наследие «политики присутствия» (*politica del sedere*), сформулированной дипломатом Пьетро Куарони: Рим занимает «тёплые кресла» в институтах, но её посреднические усилия (например, во Вьетнамской войне) редко трансформируются во влияние¹³⁹. Инициатива по реформе СБ ООН («Объединившиеся ради консенсуса») десятилетиями блокируется великими державами, но Италия продолжает её продвигать, подтверждая тезис о «мании величия» — преувеличении своих достижений.

С учетом изложенных подходов, перейдем к актуальным внешнеполитическим взглядам Италии, характеризующимися возвращением к концепции «Расширенного Средиземноморья». Современный этап, институционализированный при министре обороны Л. Гуэрини (с 2019 г.), закрепил статус региона как «приоритетной зоны национальных интересов», заменив устаревшую формулировку «Европейско-Средиземноморский регион».

Ключевыми целями концепции остаются обеспечение свободы судоходства (20% мирового товарооборота проходит через Средиземное море), защита энергетических коридоров (газопроводов, нефтяных терминалов) и противодействие нелегальной миграции. Для их реализации Италия сочетает военную дипломатию, включая обучение сил безопасности в Ливии и Нигере, участие в операциях НАТО и ЕС (например, EUNAVFOR MED), а также экономическое присутствие через инвестиции ENI в Алжире и Египте. Однако

¹³⁸ Маслова, Е., Иванов, Г. Поведение средних держав в многосторонних институтах: опыт политики Италии в ООН. *Международные процессы*. 2024;22(1):63-79. <https://doi.org/10.46272/IT.2024.22.1.76.7>

¹³⁹ Il ruolo della diplomazia italiana nel processo di integrazione europea: Pietro Quaroni e la Comunità di Difesa // *Storia e Futuro*. URL: <https://storiaefuturo.eu/1-ruolo-della-diplomazia-italiana-nel-processo-di-integrazione-europea-pietro-quaroni-e-la-comunita-di-difesa/> (accessed:02.05.2025).

вызовы, такие как ограниченный военный бюджет (1.38% ВВП в 2022 г.), конституционные ограничения на применение военной силы (статья 11 Конституции декларирует отказ от войны как инструмента внешней политики, т.е. запрещает участие в агрессивных военных операциях), конкуренция с Францией за влияние в Северной Африке и зависимость от смещающихся приоритетов ЕС и НАТО, ставят под сомнение, в рамках академического дискурса, способность Италии сохранить региональную автономию.

Выступление премьер-министра Джорджии Мелони на юбилейном форуме Rome MED Dialogues в ноябре 2024 г., организованном МИДом Италии и ISPI, представляет собой важнейший источник, отражающий новейший этап в концептуализации внешней политики Италии в Средиземноморском регионе.¹⁴⁰ Этот этап характеризуется сознательным переходом от устоявшейся парадигмы «расширенного Средиземноморья» к новой, более амбициозной концепции — «глобального Средиземноморья» (Global Mediterranean). Анализ речи позволяет выявить ключевые элементы формирующейся внешнеполитической идентичности Италии.

Речь Мелони начинается с признания заслуг концепции «Расширенного Средиземноморья», которая доминировала в итальянской и европейской политической мысли с 1980-х гг. Однако она сразу же обозначает ее ограниченность, характеризуя ее как «несколько принижающую» (somewhat belittling). Этот тезис является центральным для понимания заявляемого сдвига.

Подчеркивается, что «расширенное Средиземноморье» понималось как географически детерминированная зона, «ограниченная между Гибралтарским проливом и Аденским заливом». Это была попытка очертить сферу интересов, но в рамках регионального подхода.

«Глобальное Средиземноморье», по мнению Мелони, должно выйти за эти рамки. Она апеллирует к идее историка Фернана Броделя о том, что «Средиземноморье — это то, что люди из него делают». Это означает переход от

¹⁴⁰ President Meloni's speech at Rome MED Dialogues 2024. (2024) / Governo Italiano. – Roma. – 27.11. – URL: <https://www.governo.it/en/articolo/president-melonis-speech-rome-med-dialogues-2024/27243> (accessed: 23.01.2025).

восприятия региона как объекта политики к субъекту глобальных процессов. Новая концепция предполагает видение Средиземноморья не как «регионального моря», а как глобального узла (hub, хаба) межконтинентальных связей, активного игрока в основных мировых взаимосвязях.

Этот концептуальный сдвиг является не просто семантическим, а отражает стремление Италии позиционировать себя не как региональную державу, а как страну с глобальной ролью, используя свое уникальное географическое положение.

Мелони активно конструирует и подкрепляет внешнеполитическую идентичность Италии, основанную на ее геополитической уникальности. Она использует яркую метафору: «наша голова формирует часть Центральной Европы (Mitteleuropa), в то время как наши ноги омываются в Средиземном море». Этот образ служит нескольким целям.

Во-первых, легитимизации амбиций. Утверждается, что центральная роль Италии в Средиземноморье является не результатом сиюминутного политического выбора, а следствием объективных факторов — географии, истории и культуры.

Во-вторых, идентичность «моста». Италия позиционируется как «естественный мост» между Севером и Югом Европы, между континентальной Европой и средиземноморской, а также между Европой в целом и Африкой с Ближним Востоком. Эта идентичность позволяет Италии претендовать на роль незаменимого посредника и проводника интересов.

Речь демонстрирует, как новая концепция «глобального Средиземноморья» транслируется в конкретные внешнеполитические инициативы и экономические стратегии. Мелони перечисляет ключевые проекты, которые должны закрепить за Италией статус центрального узла через экономические коридоры и превращения Италии в энергетический хаб.

Через проекты Италия не просто участвует в региональном сотрудничестве, а активно формирует архитектуру глобальных связей, что соответствует декларируемой идентичности «Глобального Средиземноморья».

Важным элементом формирующейся идентичности является этический нарратив. Мелони противопоставляет предлагаемую Италией модель

сотрудничества с Африкой «хищническому или благотворительному» подходу. «План Маттеи» преподносится как воплощение философии равноправного партнерства, направленной на то, чтобы «позволить африканским нациям... жить за счет того, что у них есть». Вводится концепция «права людей не быть вынужденными эмигрировать», что позволяет Италии совместить прагматичные интересы (сдерживание миграции) с гуманитарной риторикой, усиливая свою «мягкую силу».

Речь содержит важный политический посыл для европейской аудитории. Мелони открыто заявляет, что сдвиг внимания Европы на южное направление происходит «прежде всего благодаря импульсу со стороны Италии». Она упоминает поддержку ЕС меморандумов с Тунисом и Египтом, а также включение портфеля по Средиземноморью в новую Европейскую комиссию как свои достижения. Таким образом, Италия позиционирует себя не просто как страну-участницу ЕС, а как стратегического лидера, задающего повестку для всего Европейского союза в средиземноморском направлении.

Анализ выступления Джорджии Мелони позволяет сделать вывод о сознательном и стратегическом проектировании новой внешнеполитической идентичности Итальянской Республики.

Внешнеполитическая идентичность Италии эволюционировала от фашистских имперских амбиций («Mare Nostrum») к стратегии «средней державы», сочетающей интеграцию в ЕС и НАТО с фокусом на Средиземноморье. Несмотря на послевоенный отказ от экспансионизма, наследие геополитической мысли 1920–1940-х г. прослеживается в концепции «Mediterraneo Allargato», направленной на энергетическую безопасность и управление миграцией.

Таким образом, современная концепция «расширенного Средиземноморья» наследует имперские амбиции и стратегический прагматизм, сформированные под влиянием как географических изменений, так и идеологических устремлений прошлого, что непосредственно прослеживается во внешнеполитической деятельности Италии.

Эволюция этой идентичности не завершена. Артикулируемая Дж. Мелони концепция «глобального Средиземноморья» и идея страны-«моста» представляют собой на сегодняшний день наиболее полное и амбициозное выражение данной стратегии, подтверждая статус Италии как «средней державы» с глобальными претензиями.

1.3. ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИТАЛИИ

Стратегическое внешнеполитическое планирование Италии опирается на сочетание правовых норм, институциональных рамок и практических инструментов, заложенных в её конституции. Конституция 1947 г., в частности статья 11, провозглашает отказ от войны как средства разрешения конфликтов и приверженность многостороннему сотрудничеству через ООН, ЕС и другие международные структуры. Этот документ задаёт базовые ценности внешней политики, требуя согласовывать национальные интересы с глобальными инициативами, включая ограничение суверенитета ради коллективной безопасности. Статья 10 подчиняет национальное законодательство международному праву, делая соблюдение договоров и решений органов вроде ЕСПЧ обязательным элементом государственного курса. Отношения с Ватиканом, регулируемые Латеранскими соглашениями, отражают уникальный симбиоз светских и историко-культурных приоритетов, влияющих на внешнюю политику.

Важным источником для анализа служат стратегические документы, разрабатываемые правительством. Как активный участник ЕС и НАТО, Италия согласует свои «белые книги» и программы безопасности с общеевропейскими стратегиями. МИД Италии фокусируется на стабильности Средиземноморья, энергетической дипломатии и контроле миграции, что находит отражение в национальных планах по кибербезопасности и обороне. Эти документы, утверждаемые парламен-

том, задают военные приоритеты, такие как участие в миссиях в Ливии, одновременно усиливая роль страны как связующего звена между Европой и Африкой, особенно в контексте кризисов в Сахеле.

Международные договоры формируют ещё один ключевой аспект планирования. От Римских соглашений 1957 г., создавших основу ЕС, до современных обязательств в рамках НАТО по увеличению оборонных расходов, Италия демонстрирует приверженность трансатлантическому партнёрству. Двусторонние инициативы, включая сотрудничество с США или соглашения с Ливией по миграции, дополняют многостороннюю повестку. Конституция (ст. 80) обязывает правительство проводить ратификацию договоров через парламент, обеспечивая прозрачность решений и позволяя законодательной власти влиять на внешнюю политику через бюджетный контроль и запросы к исполнительным органам.

Институциональная система Италии играет важную роль в формировании курса. Правительство и МИД остаются основными органами, определяющими стратегию, чьи позиции озвучиваются, например, в выступлениях премьер-министра на площадках вроде Генеральной Ассамблеи ООН. Президент Республики, выступая символом национального единства, участвует в международных саммитах, подчёркивая преемственность политики. Парламент ратифицирует договоры и контролирует их исполнение, создавая систему сдержек и противовесов.

Публичная дипломатия усиливает формальные механизмы. Речи политиков, такие как тезисы Марио Драги о постковидном восстановлении или заявления Луиджи Ди Майо о сотрудничестве с Африкой, формируют медийную повестку. Экспертные анализы от структур вроде Итальянского института международных отношений (IAI) связывают академические исследования с практикой. Такой подход позволяет Италии балансировать между европейской интеграцией, обязательствами перед НАТО и собственными интересами в Средиземноморье, сохраняя адаптивность в условиях меняющихся глобальных вызовов.

Доктрина внешней политики Италии в последние десятилетия сформировала характерный образ страны на арене международных отношений, который можно сформулировать как центральный действующий субъект мировой политики,

которому присуща самостоятельность и независимость государства во многих вопросах внешней политики, а также инициативность и активные действия на ряде значимых для Италии векторов.¹⁴¹

На современной международной арене Италия позиционирует себя как «средняя держава», стремящаяся играть ключевую роль в принятии международных решений и выступать в качестве связующего звена или моста между различными акторами мировой политики. Эта многовекторная деятельность базируется на трёх исторически сложившихся «столпах»:

1. Европеизм — активное участие в интеграционных процессах ЕС.
2. Атлантизм — тесные связи с США в рамках НАТО.
3. Средиземноморье — фокус на стабильность и сотрудничество в регионе Средиземноморья.

Ключевыми стратегическими направлениями внешней политики Италии, вытекающими из этих «столпов»¹⁴², являются, во-первых, европейская интеграция. В рамках данного направления Италия принимает активное участие в обсуждении вопросов и идей, связанных с устойчивым развитием Европейского Союза. Италия входит в состав ЕС, выступает за единство в экономике и политике со своими союзниками. Даже изоляционистский дискурс «Италэкзита» по итогу был направлен на отстаивание своих национальных интересов внутри ЕС.

Во-вторых, отношения с США, атлантизм и участие в НАТО. Особенностью этого вектора является то, что Италия, являясь одним из основателей Североатлантического альянса с 1949 г., традиционно поддерживает тесные взаимоотношения с США. В рамках этих союзнических обязательств современная внешняя политика Италии направлена на усиление двусторонних отношений, а также на совместную борьбу с новыми вызовами, такими как киберпреступность, терроризм и нелегальная миграция. Активное участие Италии в миротворческих

¹⁴¹ Алексеенкова, Е.С. Италия в Средиземноморье: дилеммы «средней державы» // Мировая экономика и международные отношения. - 2022. - Т. 66. - №1. - С. 80-90.

¹⁴² Михайленко, В.И., Перевалова, А.А. Итальянский национальный интерес в обновлённой военно-политической стратегии // Современная Европа. 2017. №2 (74). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/italyanskiy-natsionalnyy-interes-v-obnovlyonnoy-voenno-politicheskoy-strategii> (дата обращения: 28.04.2025).

операциях НАТО является логическим продолжением ее курса на коллективную безопасность и позволяет ей укреплять свои позиции в этой сфере.

В-третьих, сотрудничество Италии со странами Средиземноморья. Средиземноморье исторически остается ключевым элементом внешней политики Италии, определяя её географическую идентичность и стратегические приоритеты. Прежде всего, помимо европейской части региона и Балкан, это направление включает сотрудничество со странами Восточного и Южного Средиземноморья (Турция, Египет, Ливан и т.д.). При этом особое внимание Италия уделяла сотрудничеству со странами Ближнего Востока (ОАЭ, Израиль) и в последнее время особенно странам Северной Африки (Ливия, Алжир, Тунис), воплощенное как череда двусторонних отношений, направленных на решение политических, социальных и экономических проблем.

Реализация этих стратегических направлений варьируется в зависимости от внутривнутриполитической ситуации. В государственной структуре Италии выделяется два политических направления — правоцентристские и левоцентристские правительства, каждое из которых придерживалось собственной идеологии и подходов.

Например, с середины 1990-х внешняя политика правоцентристских правительств была направлена на поддержание атлантических ценностей и подписание двусторонних договоров со странами НАТО и США, а также налаживание партнёрских отношений со странами Средиземноморья, в частности, Израилем.

В отличие от них, левоцентристские правительства придерживались политики, направленной на углубление европейской интеграции. Кроме того, данное политическое направление проявляло активный интерес к арабским государствам и стремилось заключить многостороннее соглашение, а не двусторонний договор. Но данная смена курса позволила Италии поддерживать как двусторонние, так и многосторонние отношения, что является безусловным преимуществом для страны.

Важнейшей особенностью внешней политики Италии является ее фокус на страны Средиземноморья, Балканы и часть Центральной Европы, где она сталкивается с конкуренцией других государств.

Внешнеполитическая деятельность Италии на современном этапе, включая такую значительную сферу как средиземноморская политика, по факту, сконцентрирована собственно на усиление и закрепление собственной значимости в участии в делах, общих для всей Европы. Муромцева О.В. своей работе¹⁴³ дополнительно подчёркивает, что основной интерес Италии в Средиземноморье – это стремление играть более значимую роль в международной политике. При этом Средиземноморье рассматривается как особая зона ответственности Итальянской Республики.

С начала 2000-х гг. внешняя политика Италии постепенно сосредоточилась на борьбе с нелегальной миграцией. В 2000 г. Италия столкнулась с этой проблемой, которая поставила под угрозу безопасность страны. Новый импульс этой тенденции придали события «арабской весны» и крах правящего режима в Ливии в 2011 г.

До начала «арабской весны» в 2011 г. итальянские власти, не располагая единой общеевропейской политикой в области миграции и предоставления убежища, применяли двусторонние механизмы для борьбы с незаконной миграцией. В период с 2001 по 2006 г. и с 2008 по 2011 гг. правоцентристские правительства Сильвио Берлускони, особенно под влиянием партии Лига Севера, рассматривали нелегальную миграцию как угрозу национальной безопасности.

Кроме того, безопасность Италии оказалась под угрозой в связи с крушением правления Каддафи, что усилило поток мигрантов через Средиземное море. На фоне негативных событий, происходящих в Италии, значительно снизилась репутация Сильвио Берлускони, который на тот момент являлся главой правоцентристского правительства. Данная ситуация привела к тому, что Сильвио Берлускони ушёл в конце 2011 г. Государство попало во внешнеполитическую

¹⁴³ Муромцева, О.В. Италия: формирование концепции средиземноморской безопасности // Мировая экономика и международные отношения. 2004. №8.

изоляция. Улучшить положение страны попытался Марио Монти, который был назначен на должность премьер-министра. Внешняя политика Монти во многом была схожа с идеологией Берлускони, но главной отличительной чертой являлось заключение не двусторонних, а многосторонних отношений со странами. После прихода Монти в правительство, ситуация государства значительно улучшилась. Однако этого было недостаточно, потому что также существовала необходимость в укреплении позиции Италии на международной площадке. Целью было избежать маргинализацию. В укреплении позиции и улучшении репутации Италии на международной арене приняли участие коалиционные правительства, поддерживающие сотрудничество с правоцентристскими и левоцентристскими партиями государства.

Коалиционные правительства для решения этой задачи, в первую очередь, попытались наладить дипломатические отношения с ведущими европейскими державами. Итальянские дипломаты в короткий промежуток времени достигли большого успеха и заняли выгодные позиции в ведущих европейских институтах. Среди дипломатов целесообразно отметить: Антонио Таяни, который занял пост президента Европейского парламента; Федерику Могерини, выбранную на пост Верховного представителя ЕС по иностранным делам; Клаудио Грациано, ставшего главой Военного комитета Евросоюза; Марио Драги, который занял ключевую позицию в Европейском центральном банке.

Миграционный кризис стал определяющим фактором внешнеполитического курса Италии в рассматриваемый период. Его влияние прослеживается на протяжении всего политического цикла.

После выборов 2013 г. к власти пришло правительство Энрико Летты (апрель 2013 – февраль 2014). Его сменил кабинет Маттео Ренци (февраль 2014 – декабрь 2016), а затем правительство Паоло Джентилони, завершившее работу в конце XVIII легислатуры. Все эти правительства действовали в условиях двойного кризиса: экономико-финансового и миграционного, причем последний оказывал все более сильное воздействие на внешнюю политику страны. Хотя углубление европейской интеграции, в духе европейского федерализма, оставалось

центральным звеном итальянской дипломатии, именно миграционный вызов требовал немедленных решений и формировал конкретную политику.

Потребность в едином европейском подходе к миграции стала еще очевиднее к 2015 г., когда ЕС начал разработку общей миграционной политики и рассмотрел возможность совместной военной операции в Средиземноморье. Итальянские правительства (Ренци, затем Джентилони) активно участвовали в этих дебатах. Для обеспечения безопасности, необходимой для реализации таких планов, правительство Джентилони выступило с инициативой «Шенгена для обороны». Ее суть заключалась в создании группы государств-основателей ЕС с интегрированными вооруженными силами и общим бюджетом, открытой для присоединения других членов Союза.

Ливийский контекст также был неразрывно связан с миграционным кризисом. Правительство Джентилони оказывало поддержку Ливии (включая гуманитарную миссию «Гиппократ» и отправку военных советников в конце 2016 г.), где нестабильность и военные действия способствовали неконтролируемому потоку мигрантов через Средиземное море в Италию. Несмотря на усилия, решить проблему нелегальной миграции из Ливии не удалось, а отсутствие экономического роста после финансового кризиса подрывало доверие к правящей коалиции.

Это привело к поражению на выборах 2018 г. Победу одержали евроскептические партии «Движение 5 звезд» и «Лига», сформировавшие правительство, радикально отличавшееся от предшественников. Новые лидеры отвергли германо-французский вектор и приоритет тесного участия в общеевропейских миссиях. Ярким примером стал отказ Италии присоединиться к Европейской интервенционной инициативе, предложенной президентом Франции Э. Макроном, что резко контрастировало с позицией Джентилони.

Миграционный кризис оставался главным приоритетом, но подход кардинально изменился. Новое правительство объявило миграцию вопросом национальной безопасности и незамедлительно ввело жесткие меры, закрыв итальянские порты для судов, перевозящих мигрантов.

Таким образом, приход к власти евроскептического правительства в 2018 г. обострил разногласия между Италией и ЕС, наглядно проявившиеся в отказе от участия в европейских инициативах. Однако миграционный кризис продолжал связывать Италию с ЕС: даже новое правительство было вынуждено искать решения на европейском уровне и обращаться за помощью к партнерам по Союзу для управления продолжающимся давлением миграции.

Обобщая вышеизложенное можно сказать, что большую часть XXI века, как было показано, с начала 2000-х гг. внешняя политика Италии постепенно сосредоточилась на борьбе с нелегальной миграцией. Этой тенденции придали новый импульс события «арабской весны» и крах правящего режима в Ливии, поскольку вопросы безопасности стали более очевидными, требуя незамедлительных действий итальянских властей. Правительства попеременно использовали двусторонние и многосторонние инструменты в поисках эффективного решения. Однако в отсутствие общей политики в отношении беженцев и лиц, ищущих убежище, предпочтение отдается двусторонним отношениям для решения проблемы миграции, тогда как многосторонние связи – через финансовые механизмы ЕС – используются для решения экономических и финансовых вопросов.

В последние годы происходит постепенная переориентация итальянской политики, где акцент сместился на Африку, что связано с ростом миграционных потоков, угрозами безопасности и конкуренцией за влияние с другими европейскими странами, прежде всего Францией. Рим все отчетливее определяет африканское направление средиземноморской политики как свой новый стратегический приоритет. Подтверждение этому мы находим в документе «Партнерство с Африкой» 2020 г.¹⁴⁴ Буквально во введение, первой строчкой важнейший тезис: Африка давно является одним из главных приоритетов итальянской внешней политики. Там же звучат тезисы о том, что современная модель взаимодействия со странами континента и его региональными

¹⁴⁴ Partenariato con l'Africa. MAECI. 2020. URL: https://www.esteri.it/mae/resource/doc/2020/12/2020_12_10_partenariato_con_lafrika_-_versione_italiana.pdf (accessed: 30.03.2023).

организациями строится на принципах равноправного партнерства, нацеленного на достижение совместного развития и коллективное противодействие глобальным вызовам. Данный подход предполагает отказ от устаревшей парадигмы «донор-реципиент». По временным рамкам переориентация итальянской политики совпадает с возобновлением интереса России в диалоге со странами африканского континента.

ЕС также заявляет приоритет отношений с Африкой, однако события последних лет – от пандемии, сорвавшей шестой саммит ЕС-Африканский союз (перенесён на 2022 г.), до конфликтов на Украине и Газе –

сместили фокус ЕС на восточное направление. Критика неоколониальной риторики и прагматичный выбор африканских государств в пользу альтернативных партнёров (Китай, Россия, Турция) ставят под вопрос роль ЕС как привилегированного союзника. Современные глобальные кризисы стали проверкой для европейско-африканских отношений, выявив как точки соприкосновения, так и расхождения в позициях лидеров двух континентов. Выборы в Европейский парламент в июне 2024 г., подтвердившие доминирование правоцентристской Европейской народной партии (ЕНП), обозначили тенденцию к смещению политической повестки ЕС в сторону вопросов безопасности, контроля миграции и управления границами. Анализ предвыборных программ основных парламентских групп демонстрирует маргинализацию африканской тематики, за исключением энергетики и миграции, что указывает на возможную переориентацию европейской внешней политики на сдерживание рисков, а не на углубление партнёрства.

Современный этап под руководством Джорджии Мелони, вступившей в должность 22 октября 2022 г., характеризуется прагматичной переориентацией. Несмотря на первоначальное недоверие международных партнёров, её правительству удалось сохранить единство и международный статус Италии.

В 2023 г. правительство Италии под руководством Джорджии Мелони активизировало внешнеполитическую деятельность в рамках стратегической ориентации на трансатлантическое сотрудничество. Итальянские власти заняли

однозначную позицию в отношении действий России на территории Украины, присоединившись к их западному осуждению. Данные шаги способствовали укреплению внешнеполитического имиджа Италии как последовательного участника структур евроатлантической безопасности. Публичная демонстрация солидарности с Украиной и координация действий с НАТО и ЕС позволили минимизировать дискуссии о возможных расхождениях в подходах Италии к вопросам альянсовой политики.

Это решение также позволило Дж. Мелони подтвердить приверженность Италии альянсу НАТО, а также продемонстрировать полное взаимопонимание с американским президентом Джо Байденом и его администрацией, отходя от предыдущих более тёплых отношений с Дональдом Трампом. Важным моментом во внешней политике правительства стало формирование сбалансированной позиции в отношении возобновления израильско-палестинского конфликта. Правительство Дж. Мелони решительно осудило действия ХАМАС после 7 октября и выразило полную поддержку Израилю, одновременно призывая израильское правительство соблюдать международное и гуманитарное право в операциях в Газе и возобновить диалог, основанный на принципе «два народа, два государства».¹⁴⁵ Однако стоит отметить, что правительство, и особенно премьер-министр, предпочли более осторожную линию, что проявилось, в том числе, в воздержании от поддержки двух резолюций Генеральной Ассамблеи ООН, призывающих к прекращению огня в Газе.

В то же время правительству Дж. Мелони необходимо регулировать отношения с Китаем, что было особенно актуально в свете приближения крайнего срока в марте 2024 г. по меморандуму о взаимопонимании в рамках инициативы «ОПОП». Отсутствие явного решения отменить меморандум со стороны одного из правительств могло автоматически привести к его продлению на следующие пять лет, что ставило перед правительством задачу тщательного взвешивания всех аспектов данного соглашения и перевес оказался в пользу выхода из инициативы.

¹⁴⁵ Meloni, Israele si difenda ma rispetti il diritto umanitario. (2024) // ANSA. – Roma. – 07.10. – URL: https://www.ansa.it/sito/notizie/politica/2024/10/07/meloni_israele-si-difenda-ma-rispetti-il-diritto-umanitario_8711067b-da6c-4f42-97f4-5171478_ebf69.html (accessed: 11.05.2025).

В отношениях с Европейским Союзом Дж. Мелони стремилась согласовать идентичность своей коалиции с требованиями прагматизма, диктуемыми государственными обязанностями, и адаптировать прежние антиевропейские позиции к реалиям политической власти. Она постепенно перешла от явной евро-скептичности к более реалистичной стратегии, демонстрируя «провиденциальную непоследовательность». Как отмечают Р. Алонци и В.П. Любин,¹⁴⁶ в действующей парадигме европеизм Мелони становится прагматичным и вторичным по отношению к атлантизму. Членство в Европейском союзе отождествляется ею с членством в НАТО, что ведёт к полному слиянию этих двух направлений в официальной внешнеполитической доктрине. Фактически правительство Мелони не может называть себя атлантистским, не будучи при этом проверопейским, что делает её европеизм производным и инструментальным.

На практике это выражается в поддержке Италией общеевропейских инициатив, таких как масштабная финансовая помощь Украине, где Мелони выступила активным посредником. В то же время её миграционная политика, в частности «план Маттеи», представляет собой попытку предложить национальную альтернативу отсутствию единого европейского подхода к регулированию миграционных потоков, что подчеркивает стремление Италии к большей самостоятельности в рамках общеевропейских процессов.

Подход, который премьер-министр Дж. Мелони последовательно поддерживала, заключается в отказе от полемических атак против Европы, предпочитая прагматичную и решительную стратегию для защиты национальных интересов Италии. Эта стратегия отражает утилитарный взгляд на общеевропейский проект и созвучна концепции «Европы Родины», которая также характерна для других правых партий в Европе. В своих взаимодействиях с Европейскими институтами, правительство утвердило стратегию контроля за государственными расходами и динамикой дефицита бюджета и госдолга.

¹⁴⁶ Алонци, Р., Любин, В.П. Италия: зазоры внешней политики правительства Мелони (между атлантизмом, европеизмом и поисками самоопределения) // *Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2024. Т. 17. № 1. С. 54–68.

Курс правительства Дж. Мелони, направленный на усиление национального суверенитета и межправительственного подхода в рамках ЕС, на практике столкнулся с системными ограничениями и завершился переходом к политике «европрагматизма». Анализ ключевых направлений деятельности – реформы Пакта стабильности и роста, ратификации Европейского стабилизационного механизма, миграционной политики и кадровых назначений в институтах ЕС – выявляет устойчивый разрыв между суверенистской риторикой и реальными результатами.¹⁴⁷ Фактическое влияние Италии на реформирование общеевропейской архитектуры оказалось минимальным, что продемонстрировало её маргинальную роль в процессе принятия ключевых решений, которые по-прежнему определяются позициями Германии и Франции.

Основными факторами, обусловившими неудачу идеологической повестки, стали глубокие внутренние противоречия в правящей коалиции, объективная экономическая слабость и высокая долговая нагрузка страны, не позволившие ей стать самостоятельным центром влияния, а также стратегическая ошибка в расчёте на альянс с правительствами Восточной Европы. Важнейшим парадоксом правления Мелони стало то, что все значимые достижения, включая успешное управление средствами Плана национального восстановления и устойчивости (PNRR) и сохранение бюджетной дисциплины, были достигнуты не через конфронтацию, а через плотное прагматическое взаимодействие с наднациональными институтами ЕС. Таким образом, несмотря на декларативную приверженность самостоятельности, реальная политика Италии эволюционировала в сторону вынужденного признания того, что защита национальных интересов в современных условиях возможна не вопреки, а в рамках сложной системы европейских институтов и правил.

Италия активно стремится к лидерству в Европе, продвигая свою внешнеполитическую стратегию на нескольких направлениях: утверждение своего влияния в центре Европейского Союза и позиционирование как субрегионального лидера в Средиземноморье. Эти усилия по укреплению позиций на европейской

¹⁴⁷ Глубокая, О.А. Внешняя политика Италии и ее (не)успехи в реформировании ЕС // Общество: политика, экономика, право. 2025. № 7. С. 42–47. <https://doi.org/10.24158/per.2025.7.5>.

арене тесно связаны со стратегическими целями Италии в более широком Средиземноморском регионе.

Основными задачами для Италии в этом контексте являются стабилизация Ливии, что критически важно для региональной безопасности, обеспечение надежности источников энергии, защита морских торговых путей, а также контроль и регулирование миграционных потоков в Италию. Эти меры направлены на уменьшение социального и экономического напряжения внутри страны и поддержание регионального порядка и стабильности.

На текущий момент, несмотря на двусторонние договорённости между крупными европейскими странами, Италия активно работает над созданием различных конфигураций взаимодействия и расширения своего влияния. Это включает усилия по формированию неформального союза стран Южной Европы, что ставит Италию в прямую конкуренцию с Францией. Подчеркивание общих интересов стран Южной Европы, особенно в энергетическом секторе, становится особо актуальным в свете прекращения поставок газа из России, что потенциально укрепляет позиции Италии как регионального лидера и способствует долгосрочной стабильности и экономическому благополучию как самой Италии, так и всего региона.

Подводя итог, внешняя политика Италии предстает как динамичная модель адаптации государства со «среднемощным» потенциалом к поликризисной реальности. Ее фундамент образует неразрывная связь со Средиземноморьем, где пересекаются энергетические, миграционные и безопасностные векторы. Практическая реализация курса структурирована вокруг трех столпов — европеизма, атлантизма и средиземноморской идентичности. Главные противоречия заключаются в структурном дисбалансе между амбициями регионального лидерства и ресурсными ограничениями, стремлением к автономии и зависимостью от решений ЕС/НАТО. Будущая эффективность курса зависит от способности превратить географическое положение и историко-культурные связи в действенный инструмент влияния, развивая региональные инициативы в русле

стабилизации, а не неоколониальных устремлений, и утвердить роль связующего звена между Европой, Африкой и Ближним Востоком.

Таким образом, внешняя политика Италии в XXI веке строится на стратегических принципах европейской интеграции, атлантизме и сотрудничестве со странами Средиземноморья. Подводя итоги, можно сделать вывод, что внешняя политика Италии характеризуется как уникальное сочетание двусторонних и многосторонних отношений, которые выступали одним из эффективных инструментов в решении проблемы выхода страны из кризисной ситуации, однако лево- и правополитические правительства поочередно склоняются к разным направлениям в зависимости от внутривластных процессов и внешних факторов.

Современные вызовы — миграционные кризисы, экономическая нестабильность, конкуренция в Средиземноморье — требуют от Италии прагматизма, что ярко проявляется в политике правительства Дж. Мелони, сочетающей атлантическую солидарность, жёсткий контроль миграции и осторожное взаимодействие с внерегиональными акторами.

Эволюция внешнеполитической идентичности Италии отражает диалектику имперского наследия и послевоенного прагматизма. От фашистской концепции «Третьего Рима» страна перешла к стратегии «средней державы», балансирующей между трансатлантической солидарностью, европейской интеграцией и региональными интересами. Возрождение концепции «Mediterraneo Allargato» в современных условиях демонстрирует преемственность средиземноморского фокуса, переориентированного на энергетическую безопасность, контроль миграции и свободу судоходства, но сталкивающегося с ограничениями бюджета, конституционными барьерами и конкуренцией, а также подвержена перерождению в неоколониальные устремления.

Практическая реализация курса структурирована вокруг трех столпов — европеизма, атлантизма и средиземноморской идентичности, институционально обеспеченная конституционными нормами (отказ от войны как инструмента политики, примат международного права) и участием в структурах ЕС и НАТО.

Современный этап под руководством Дж. Мелони характеризуется прагматичной переориентацией: усиление трансатлантизма (поддержка Украины, выход из ОПОП), конструктивно-критический диалог с ЕС (реализация PNRR при отказе от ESM) и стратегический разворот к Африке. Возрождение концепции «Mediterraneo Allargato» демонстрирует преемственность средиземноморского фокуса, переориентированного на энергетическую безопасность и управление миграцией.

Главные противоречия заключаются в структурном дисбалансе между амбициями регионального лидерства и ресурсными ограничениями (включая высокий госдолг), стремлением к автономии и зависимостью от решений ЕС/НАТО, а также между гуманитарными обязательствами и требованиями национальной безопасности. Будущая эффективность курса зависит от способности превратить географическое положение и историко-культурные связи в действенный инструмент влияния, развивая региональные инициативы в русле стабилизации, а не неокOLONIALных устремлений, и утвердить роль связующего звена между Европой, Африкой и Ближним Востоком.

ГЛАВА 2: СТРАТЕГИИ И ФОРМАТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ИТАЛИИ В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

2.1. ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНТАКТОВ ИТАЛИИ В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

Хотя Италия демонстрирует значительный прогресс в социально-экономической сфере в начале XXI в. по сравнению с началом XX-го, она по-прежнему не преодолела ключевые внутренние противоречия. Внешняя среда, в особенности сложная обстановка в Средиземноморье, выступает критическим фактором, определяющим специфику и остроту этих проблем. Среди них центральное место занимают: политическая нестабильность, коррупция, персистирующий разрыв между Севером и Югом, а также такие актуальные вызовы, как давление миграционных потоков и сложности европейской интеграции.

Безопасность выступает в качестве краеугольного камня всей итальянской стратегии в регионе. Ее обеспечение напрямую связано с необходимостью противодействия угрозам, исходящим из так называемой «дуги нестабильности¹⁴⁸» — протяженной зоны конфликтов и социально-политической хрупкости на южных рубежах Европы. Сдерживание этой нестабильности является для Италии вопросом национальной безопасности первого порядка.

Непосредственно со стратегией безопасности переплетается интерес в сфере экономического развития. Средиземное море исторически является жизненно важной артерией для итальянской торговли и морских перевозок. В этой связи государство заинтересовано не только в поддержании безопасности судоходства, но и в активном стимулировании торговых потоков через бассейн, развитии портовой инфраструктуры и диверсификации секторов морской экономики, что является ключевым драйвером национального роста.

¹⁴⁸ Fantappiè, M.L. Conclusions: Italy in a Shifting Global Order // Mediterranean Transitions from the Gulf to the Sahel: The Role of Italy and the EU [Электронный ресурс] / ed. by A. Dessi, D. Huber. Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), 2024. P. 134–139. URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c02/mediterranean-transitions-gulf-sahel> (accessed: 15.10.2024).

Наконец, весомым фактором, оказывающим влияние на все остальные сферы, становится задача управления миграционными потоками. Интенсивность миграции через Средиземноморье возрастает, что превращает данный вопрос из сугубо гуманитарного или правового в комплексную проблему, затрагивающую аспекты внутренней и внешней политики, общественной безопасности и социальной стабильности.

Национальные интересы формируют фундамент для разветвленной, многоуровневой архитектуры политического взаимодействия Италии в регионе.

Отсутствие стабильности в последние годы и смена позиций ключевых игроков на мировой арене привели к тому, что Средиземноморская и Ближневосточная направленность стала приоритетом в доктрине внешней политики. Итальянские власти территорию Средиземноморья называют “Mare Nostrum”, что в переводе означает «наше море». Среди ключевых внешнеполитических приоритетов рассматриваемого государства Средиземноморью указывается после европейского и атлантического «кругов»¹⁴⁹. Фактором, влияющем на становление Италии в Средиземноморье в качестве ключевого игрока, можно назвать ее членство в НАТО и ЕС¹⁵⁰.

Анализ концептуальных основ, изложенных в «Стратегии безопасности и обороны для Средиземноморья»¹⁵¹ (2022) и «Партнёрстве с Африкой»¹⁵² (2020), позволяет выделить три устойчивых элемента итальянского курса:

Во-первых, принцип нормативности, выражающийся в стремлении Рима выступать проводником ценностей ЕС через формирование равноправных моделей сотрудничества, что прослеживается ещё в инициативах Э. Летты и М. Ренци.

¹⁴⁹ Шибкова, М.О., Гулюки, А.С. Концептуальные основы внешней политики Италии в регионе большого Средиземноморья / М.О. Шибкова, А.С. Гулюки // Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2023. № 4 (111). С. 94-112.

¹⁵⁰ Маслова, Е.А., Шебалина Е.О. «Средиземноморская карта» в европейской политике Италии / Е.А. Маслова, Е.О. Шебалина // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2023. № 2 (32). С. 25-33.

¹⁵¹ Ministero della Difesa. Strategia di sicurezza e difesa per il Mediterraneo. 2022. URL: <https://ciram.unimc.it/it/focus/diritto-geopolitica-mare/italia-sicurezza-spazi-marittimi/litalia-e-la-sicurezza-degli-spazi-marittimi/StrategiaMediterraneo2022.pdf> (accessed: 29.03.2023).

¹⁵² Partenariato con l'Africa. MAECI. 2020. URL: https://www.esteri.it/mae/resource/doc/2020/12/2020_12_10_partenariato_con_lafrika_-_versione_italiana.pdf (accessed: 30.03.2023).

Во-вторых, приверженность мультилатерализму, проявляющаяся в синхронизации национальных усилий с общеевропейскими программами (такими как Европейский инвестиционный план) и вовлечении международных организаций – от ООН до Африканского союза.

В-третьих, системность подхода, предполагающая координацию государственных институтов, бизнес-структур (Eni, CDP, SACE) и гражданского общества, что было заложено ещё созданием Агентства по сотрудничеству в целях развития (AICS) в 2014 г.

Эволюция подхода к пониманию «расширенного Средиземноморья» отражается в стратегии национальной безопасности Италии 2020 г. как ключевая геополитическая концепция. Представляет собой динамичный геополитический конструкт, лежащий в основе внешнеполитической стратегии Италии. «Расширенного Средиземноморья» названо зоной жизненных интересов Италии, где Италия должна играть ведущую роль¹⁵³. Этот регион выходит далеко за пределы традиционного Средиземноморского бассейна, охватывая обширное пространство от Атлантического океана до Индийского океана и от Северной Европы до Центральной Африки. Его границы, согласно Директиве, включают:

1. Средиземное море (с Гибралтаром и Суэцким каналом);
2. Чёрное море;
3. Ближний Восток и Персидский залив (Сирия, Ирак, Йемен);
4. Северную Африку (от Марокко до Египта);
5. Сахель и Западную Африку (Мали, Нигер);
6. Африканский Рог (Сомали, Джибути);
7. Красное море и Аденский залив;
8. Арктику (из-за растущего стратегического соперничества).

Таким образом, суть концепции заключается в гибком определении границ региона, выходящих за рамки классического географического Средиземноморья и включающих Северную Африку, Сахель, Ближний Восток, Балканы, Черноморье,

¹⁵³ Ministero della Difesa. Direttiva per la Politica Militare Nazionale. 2022. URL: https://www.difesa.it/Il_Ministro/Documents/Direttiva%20PMN%202022.pdf (accessed: 17.02.2023).

а в последнее время — Арктику (по причине глобального потепления) и отдельные территории Азии (больше в СМИ). Эта пространственная подвижность служит инструментом легитимации внешнеполитического курса Италии, предоставляя Риму концептуальные основания для маневра в условиях меняющейся региональной конъюнктуры, будь то вопросы энергетики, нелегальной миграции или растущее влияние внерегиональных держав, таких как Россия, Китай и США. Многоуровневая интерпретация концепции позволяет рассматривать регион одновременно как трансконтинентальный макрорегион, объединенный историко-культурными связями, комплекс безопасности с взаимосвязанными угрозами и подсистему международных отношений с ассиметричным характером внутренних связей, где доминирование структур ЕС и НАТО на севере контрастирует с нестабильностью южных периферий. В рамках данного пространства Италия актуализирует статус «средней державы», опирающийся на исторически обусловленную вовлеченность в региональные процессы и укорененность национальных интересов.

Реализация итальянской стратегии в Средиземноморье направлена на решение двух взаимосвязанных задач: стабилизацию кризисов (урегулирование конфликтов, противодействие угрозам безопасности, управление миграцией) и формирование позитивной повестки для долгосрочного развития и процветания региона (экономическое сотрудничество, культурные обмены, развитие инфраструктуры). Этот комплексный подход, закрепленный в итальянской Стратегии для Средиземноморья: Стабилизация кризисов и формирование позитивной повестки дня для региона¹⁵⁴, выпущенной МИД Италии (Фарнезина) в 2017 г., отражает стремление к долгосрочной стабильности.

В ответ на эту многомерность Италия предложила концептуальный «Средиземноморский словарь», определяющий ключевые принципы взаимодействия:

¹⁵⁴ La Strategia Italiana nel Mediterraneo: Stabilizzare le Crisi e Costruire un'Agenda Positiva per la Regione, Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. : Roma : Farnesina, 2017. — 52 с. — URL: <https://www.esteri.it/mae/resource/doc/2017/12/med-maeci-ita.pdf> (accessed: 15.10.2023).

- Обязательства — противодействие превращению «Нашего моря» в «*Mare Nullius*» — зону безответственности Запада;
- Ответственность — первостепенная роль региональных держав в обеспечении стабильности;
- Со-развитие — усиление внутрирегиональной экономической интеграции при уровне торговли в 3% (2017 г.);
- Инклюзивность — как метод дипломатии для политического урегулирования кризисов
- Возможности — использование потенциала логистики и энергетики;
- Партнерство — устойчивый альянс Европы, Средиземноморья и Африки для преодоления миграционного кризиса;
- Порядок — постепенное восстановление доверия между акторами;
- Устойчивость — долгосрочное укрепление институтов стран региона;
- Культура — как «четвертый столп» устойчивого развития и инструмент междивилизационного диалога;
- Права — защита меньшинств и увязка безопасности с правами человека

Предлагаемая Италией концепция «Средиземноморского словаря» представляет собой комплексный, но в значительной степени декларативный концептуальный каркас. Его научная ценность заключается в системной интеграции разноуровневых аспектов — от безопасности и экономического развития до культурного диалога, — а также в попытке формирования позитивной региональной повестки. Однако эффективность данной модели ограничивается отсутствием четких механизмов операционализации, потенциальной противоречивостью между отдельными принципами (такими как «порядок» и «права человека») и проблемой ресурсного обеспечения. В итоге, концепция служит скорее программным ориентиром, нежели практическим инструментом реализации средиземноморской стратегии. Ее суть заключается в «интегрированном подходе», увязывающем безопасность с устойчивым развитием

и культурным диалогом, подчеркивая неразделимость Европы и Средиземноморья (по формуле Альдо Моро¹⁵⁵).

Несмотря на декларативный характер концепций, их практическая реализация разворачивается на трех основных уровнях, образуя комплексную систему действий Италии.

На национальном уровне ключевую роль играет концепция «Расширенного Средиземноморья»,¹⁵⁶ подробно охарактеризованная выше. Для диссертационного исследования эта гибкая геополитическая конструкция представляет интерес как пример адаптации средней державы к условиям многополярности. Она иллюстрирует, как гибкие геополитические конструкции легитимируют национальные интересы, сочетая исторические амбиции с прагматизмом.

«В «Белой книге по международной безопасности и обороне» 2015 г. Италии подчеркивается, что страны Средиземноморья неоднородны по политико-экономическому, социо-культурному уровню развития, а также конфессиональной самоидентификации, несмотря на свою территориальную близость. При этом выделены географические рамки, где, «согласно доктрине, к этому региону относятся страны ЕС, Балканские страны, Черноморский и Средиземноморский регионы, часть Среднего Востока и Магриб. С Евро-Средиземноморским регионом тесно связаны Персидский залив, Африканский рог, Сахель, Машрик»¹⁵⁷. Отмечается крайняя нестабильность и вытекающая из этого миграционная проблематика.

Рассматриваемый документ явно подсветил роль Средиземноморья в современном видении Итальянской Республики «в бассейне которого Италия исторически, политически и экономически расположена» и который «вернулся, чтобы напомнить о себе международному сообществу кризисами и конфликтами,

¹⁵⁵ La Strategia Italiana nel Mediterraneo: Stabilizzare le Crisi e Costruire un'Agenda Positiva per la Regione. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. : – Roma : Farnesina, 2017. – 52 с. P. – 5. – URL: <https://www.esteri.it/mae/resource/doc/2017/12/med-maeci-ita.pdf> ((accessed: 15.10.2023)).

¹⁵⁶ Глубокая, О. А. Доктринальные нюансы национальных интересов Итальянской Республики в Средиземноморье / О. А. Глубокая // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2024. – Т. 13, № 2(55). – С. 405-411. - DOI 10.35775/PSI.2024.55.2.018. - EDN CDKKUQ.

¹⁵⁷ Михайленко, В.И., Перевалова, А.А. Итальянский национальный интерес в обновленной военно-политической стратегии // Современная Европа. 2017. No 2 (74) // <https://cyberleninka.ru/article/n/italyanskiy-natsionalnyy-interes-v-obnovlyonnoy-voenno-politicheskoy-strategii>.

которые сосредоточены там и которые не кажутся легко и быстро разрешимыми». В документе также определены некоторые обязательства Италии, особенно в отношении ее геополитического положения в Средиземноморском бассейне, которое подталкивает ее «вносить вклад в мир и региональное развитие» и «способствовать стабилизации региона»¹⁵⁸. Конституирует Средиземноморский регион как стратегический приоритет национальной безопасности Италии, определяя его в качестве пространства жизненно важных интересов наравне с евроатлантическим направлением.

Начинает свое возрождение концепция особой роли Италии в Средиземноморье, а в дальнейшем в «Большом» или «расширенном» Средиземноморье».¹⁵⁹ Документ эксплицитно позиционирует Италию как «стабилизирующую силу» на южных границах Европы, ответственную за сдерживание транснациональных угроз.

Практическая реализация стратегии включает развитие торговли и морских перевозок через морской бассейн, развитие портов и морской экономики; обеспечение защиты критически важной энергетической инфраструктуры и использование прибрежных и морских ресурсов; продвижение итальянских интересов в рамках повесток дня НАТО и ЕС относительно Средиземноморья, а также позиции важных союзных стран и институтов. Ключевой проблемой остается управление миграционными потоками через Средиземноморский бассейн, интенсивность которой неуклонно возрастает.

Средиземноморский регион сохраняет приоритетный статус и в итальянской политике развития, что подтверждается распределением ресурсов и проектной географией AICS в 2023 г. Данная аналитика выявляет ключевые векторы регионального сотрудничества, которые определяются необходимостью реагирования на ряд взаимосвязанных вызовов: постконфликтное восстановление, миграционные потоки, климатические угрозы и проблемы сохранения культурного

¹⁵⁸ Libro Bianco. Per la sicurezza internazionale e la difesa // Ministero della Difesa. Roma, 2015 // <https://www.iai.it/sites/default/files/iai1509.pdf>. (accessed: 11.12.2020).

¹⁵⁹ Глубокая, О. А. Доктринальные нюансы национальных интересов Итальянской Республики в Средиземноморье / О. А. Глубокая // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. – 2024. – Т. 13, № 2(55). – С. 405-411. – DOI 10.35775/PSI.2024.55.2.018. – EDN CDKKUQ. С. – 406.

наследия. AICS (Итальянское агентство по сотрудничеству в целях развития) — это элемент современной итальянской системы международного сотрудничества. Созданное в 2014 г. для придания операционной деятельности большей эффективности, прозрачности и профессионализма, оно выступает в роли основного исполнителя, координатора на местах и связующего звена между итальянскими государственными и негосударственными акторами, странами-партнерами и международным сообществом в достижении целей устойчивого развития, прав человека и мира. «На базе AICS формируется сеть партнерств с международными институтами и НПО, такими как МОМ, МКК, УВКПБ ООН и др., а также с африканскими организациями гражданского общества»¹⁶⁰. Его работа началась в январе 2016 г., открыв новый этап в истории итальянской помощи развитию. В 2023 г. страны Северной Африки и Восточного Средиземноморья (Ливия, Тунис, Ливан, Палестина указаны как приоритетные) получили порядка 34% общего финансирования AICS¹⁶¹, что отражает их центральную роль в реализации «плана Маттеи» — новой парадигмы итальянско-африканских отношений.

Представляет интерес, как исследователи рассматривают мягкосиловой инструментарий как составную часть подхода к укреплению влияния. Особенность заключается в том, что Италия утверждает свои глобальные позиции через стратегию «dolce potere» («сладкая сила»), концептуализированную Т.В. Зоновой.¹⁶² Данная стратегия базируется на триаде культурного наследия, эмоциональной вовлеченности и бытовой гедонистики, формируя бессознательные паттерны восхищения и образ страны-эталона.¹⁶³ Центральным элементом

¹⁶⁰ Алексеенкова, Е.С. Дискурсивные стратегии Италии в «Большом Средиземноморье» и Африке: новизна и преемственность. Современная Европа, 2024, № 6, с. 32-44. DOI: 10.31857/S0201708324060032

¹⁶¹ Agenzia Italiana per la Cooperazione allo Sviluppo (AICS). Annual Report 2023 [Электронный ресурс]. – Roma, 2024. – URL: https://www.aics.gov.it/wp-content/uploads/2025/01/AICS_AR_2023_Web-1.pdf (accessed: 12.04.2025).

¹⁶² Зонова, Т.В. Итальянский язык – soft power или dolce potere. РСМД, 2012. URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/italyanskiy-yazyk-soft-power-ili-dolcepotere/?sphrase_id=1820142 (дата обращения: 11.07.2023).

¹⁶³ Табаринцева-Романова, К.М. «Italsimpatia» как элемент культурной дипломатии. Доклады Института Европы №306. М., 2014. С.68. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/30008/1/T-R_2014.pdf (дата обращения: 11.07.2023).

выступает «inclusività culturale», реализуемая через продвижение языка, реставрацию памятников ЮНЕСКО и креативные индустрии.¹⁶⁴

Однако институциональная реализация сталкивается с проблемой фрагментации координации. Государственные программы (например, «Italia Culture Mediterranean 2024») демонстрируют низкий уровень межведомственной синхронизации (лишь 30% проектов), что снижает синергию и не позволяет в полной мере конвертировать культурное влияние в политические и экономические дивиденды. На этом фоне наиболее эффективным каналом влияния, по мнению Т.В. Зоной, остается бытовая культура (гастрофестивали, дизайн), апеллирующая к повседневным практикам.

Для усиления системного присутствия Италия создала в регионе разветвленную сеть: 75 учебных заведений, 269 кафедр в зарубежных вузах и 207 археологических экспедиций.¹⁶⁵ Кульминацией стал масштабный проект «Italia, Culture, Mediterraneo» 2018 г., представивший Средиземноморье как общее пространство на принципах диалога и со-творения.¹⁶⁶¹⁶⁷

Стратегию дополняет научная дипломатия, включающая цифровизацию реставрации и проекты в области голубой энергетики (например, сеть MedECC), хотя ей препятствуют бюрократические барьеры.¹⁶⁸¹⁶⁹ В образовательном сегменте активно используются программы Erasmus+¹⁷⁰ и меры по миграционной интеграции, поддержанные Национальным планом восстановления.¹⁷¹¹⁷²

¹⁶⁴ Bull, Anna Cento. Italy's 'soft' power. *Modern Italy: A Very Short Introduction*. Oxford, 2016. DOI: 10.1093/actrade/9780198726517.003.0007.

¹⁶⁵ Бокерия, С.А., Данилов, В.В. Особенности культурной дипломатии Италии. Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2019. Т.19. №4. С.643-653.

¹⁶⁶ Italia Culture Mediterraneo. Istituto Italiano di Cultura di Rabat. URL: https://iicrabat.esteri.it/it/gli_eventi/calendario/italia-culture-mediterraneo/ (accessed: 05.07.2024).

¹⁶⁷ Sholkamy, M.E.A. Le iniziative italiane per la promozione della lingua e della cultura italiana all'estero. ELLE, 2019. Vol.7. №3. P.495-508.

¹⁶⁸ La promozione all'estero della scienza e della tecnologia italiane. Ministero degli Affari Esteri. URL: <https://www.esteri.it/it/diplomazia-culturale-e-diplomazia-scientifica/cooperscientificatecnologica/reteaddettiscientifitecnologici/> (accessed: 10.01.2024).

¹⁶⁹ How to improve the Italian science diplomacy. Scienza in Rete, 2024. URL: <https://www.scienzainrete.it/node/9636> (accessed: 10.02.2024).

¹⁷⁰ Глубокая, О.А. Образование как инструмент публичной политики Италии. Монография «Мягкая сила в Черноморско-Средиземноморском регионе». ДИЕ РАН, 2023. №398. С.48. DOI: 10.15211/report12023_398.

¹⁷¹ Зонова, Т.В. Италия: вызовы иммиграции. РСМД, 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/italiya-vyzovy-immigratsii/> (дата обращения: 13.02.2024).

¹⁷² Piano Nazionale di ripresa e resilienza. Governo Italiano, 2021. URL: <https://www.governo.it/sites/governo.it/files/PNRR.pdf> (accessed: 11.02.2024).

Создание в 2022 г. Главного управления общественной дипломатии ознаменовало переход к системной стратегии «нематериального присутствия».¹⁷³ Таким образом, Италия эволюционировала от спонтанного влияния к синтезу *dolce potere*, научной дипломатии и образовательных программ, создав устойчивую модель мягкой силы, хотя институциональная фрагментация и миграционные вызовы требуют дальнейшей адаптации.

На наднациональном уровне Италия активно участвует в формировании и реализации средиземноморской политики Европейского Союза.

А.В. Цыкало в своей работе¹⁷⁴ подчеркивает, что в середине 90-х гг. наблюдалось множество внешнеполитических инициатив, посредством которых Италия намеревалась войти в число лидирующих государств в процессе интеграции Европы и Средиземноморья.

Взаимодействие внутри ЕС долгое время развивалось от глобального, но сбалансированного подхода, который включал подписание Барселонской декларации в 1995 г.¹⁷⁵, запустившей так называемый Барселонский процесс или Партнерство Евромед (Euro-Mediterranean Partnership) до Союза для Средиземноморья.

По Барселонской декларации сферы сотрудничества включали: политику и безопасность; экономику; социальные вопросы и права человека.

Целями были создание зоны мира/стабильности и зоны свободной торговли к 2010 г. Новизна БП заключалась в многостороннем формате вместо прежних двусторонних связей. Барселонский процесс остался проектом с «евроцентричной» логикой, не учитывавшей специфику партнеров. Его сменила Европейская политика соседства (ЕПС; англ. European Neighbourhood Policy, ENP) запущенная в 2004 г. для укрепления отношений с соседними странами, не предлагающая им перспективы вступления в ЕС. Её цель — создать «кольцо стабильных,

¹⁷³ La nuova Direzione Generale per la diplomazia pubblica e culturale. Ministero degli Affari Esteri, 2022. URL: https://www.esteri.it/en/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2022/01/la-nuova-direzione-generale-per-la-diplomazia-pubblica-e-culturale-della-farnesina-la-parola-allambasciatore-terracciano/ (accessed: 05.07.2024).

¹⁷⁴ Цыкало, А.В. Россия и Италия: вчера и сегодня. М., 2009.

¹⁷⁵ European Council. Barcelona Declaration adopted at the Euro-Mediterranean Conference (27–28 November 1995) [Electronic resource] // European External Action Service (EEAS). — 2005. — URL: <https://ufmsecretariat.org/wp-content/uploads/2015/10/Declaracion-de-Barcelona-1995.pdf> (accessed: 17.06.2022).

процветающих и дружественных государств» вокруг ЕС через экономическую интеграцию, реформы и сотрудничество в сфере безопасности. Однако асимметрия и дисбалансы сохранились.

Переход от Барселонского процесса к Союзу для Средиземноморья (UfM)¹⁷⁶ в 2008 г. стал результатом кризиса исходной инициативы: провал создания зоны свободной торговли к 2010 г., низкая эффективность финансовых программ, рост миграции и террористических угроз, а также политическая инициатива Франции (Н. Саркози), предложившей в 2007 г. радикальный перезапуск сотрудничества через новый региональный союз исключительно для прибрежных стран. Был достигнут компромисс: UfM сохранил цели Барселонской декларации, но добавил совместное председательство (ЕС + южная страна), постоянный Секретариат в Барселоне и акцент на конкретные проекты (солнечная энергия, очистка воды), однако не преодолел ключевых проблем — асимметричной зависимости партнёров от ЕС, слабой интеграции «Юг-Юг» и политической нестабильности в регионе, оставив реформу скорее косметическим улучшением, чем революцией в отношениях (см. Таблицу 1).

Прослеживается преобладание двусторонних форматов сотрудничества по оси «Север-Юг», что усиливает вертикальную фрагментацию и препятствует развитию горизонтальных связей между странами региона. Всеобъемлющий характер инициатив, ведущий к распылению ресурсов и отсутствию концентрации на приоритетных направлениях. Конфликтно-избегающий характер сотрудничества, проявляющийся в систематическом уклонении от решения фундаментальных проблем. Следствием становится воспроизводство неэффективной модели взаимодействия, при которой количественный рост инициатив не приводит к качественному укреплению региональной кооперации. Существующий подход фактически блокирует формирование действенной многосторонней структуры в Средиземноморье.

¹⁷⁶ Barcelona Process: Union for the Mediterranean // Communication from the European Commission to the European Parliament and the Council // Brussels, 20/05/08. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=legissum:rx0001>. (accessed: 25.06.2023).

Таблица 1. Эволюция подхода

Аспект	Барселонский процесс (1995)	Союз для Средиземноморья (2008)
Участники	15 стран ЕС + 12 средиземноморских	27 стран ЕС + 16 партнеров
Управление	ЕС как "старший партнер"	Совместное председательство
Фокус	Двусторонние соглашения	Многосторонние региональные проекты
Институты	Временные структуры	Постоянный Секретариат в Барселоне
Миграция	Второстепенная тема	Один из четырех приоритетов

Источник: составлено автором.

Возникает закономерный вопрос о целесообразности создания множества схожих многосторонних структур. Анализ их эволюции показывает, что каждый новый формат являлся попыткой преодоления системных недостатков предыдущего. Барселонский процесс, несмотря на амбициозные цели, на практике сохранил «евроцентричную» логику и не смог преодолеть асимметрию отношений «Север-Юг». Его преемник, Союз для Средиземноморья (UfM), хотя и ввел институциональные новации в виде совместного председательства и постоянного Секретариата, в значительной степени унаследовал эти проблемы. Таким образом, их сосуществование свидетельствует не столько о синергии, сколько о перманентном поиске работающей модели регионального управления, которая до сих пор не найдена. Эффективность этих структур остается ограниченной из-за фундаментальных политических и экономических диспропорций в регионе, которые инсти-

туциональные реформы сами по себе устранить не в состоянии. При этом постоянное создание новых форматов не решает системных проблем, а лишь усугубляет институциональную раздробленность.

Италия стремится использовать платформы ЕС, такие как UfM и Европейский инвестиционный план, для легитимации своей национальной повестки и привлечения общеевропейских ресурсов. Однако эффективность этого подхода снижается из-за конкуренции за лидерство в Средиземноморье с другими ключевыми игроками ЕС, прежде всего с Францией. Соперничество в сферах энергетики, миграционной политики и безопасности создает дополнительный внешний предел для реализации итальянских амбиций, фрагментируя общеевропейский подход и вынуждая Рим действовать в логике двусторонних сделок, что ослабляет позиции ЕС в регионе в целом.

На международном уровне Италия состоит в ряде организаций и инициатив, фокусирующихся на Средиземноморье. Она активно участвует деятельности ОБСЕ через инициативу OSCE Med, направленную на поддержание безопасности и развитие сотрудничества.

ОБСЕ поддерживает особые отношения с шестью Средиземноморскими партнерами по сотрудничеству (Алжир, Египет, Израиль, Иордания, Марокко, Тунис), основанные на признании взаимосвязи безопасности в Европе и Средиземноморье, закреплённом ещё в Хельсинкском Заключительном акте и подтвержденном последующими документами, включая Миланскую декларацию 2018 г.¹⁷⁷. Данная платформа функционирует в качестве площадки для обмена опытом и практиками по широкому кругу вопросов: от борьбы с изменением климата (связь экологии и безопасности), терроризмом, торговлей людьми и защиты культурных ценностей до расширения экономических прав женщин, вовлечения молодежи, кибербезопасности, а также миграции и интеграции. Сотрудничество реализуется через многоуровневую систему: партнеры участвуют

¹⁷⁷ Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE), Declaration on Security and Co-operation in the Mediterranean, adopted by the Ministerial Council at the Twenty-Fifth Meeting (Second day), Milan, 7 December 2018, MC(25) Journal No. 2, Agenda item 7. –
URL: <https://www.osce.org/files/mcdoc0004%20decl%20mediterranean%20dimension%20en.pdf>

как наблюдатели в ключевых мероприятиях ОБСЕ (Совет министров, Постоянный совет, Форум по безопасности, ежегодные конференции по безопасности, правам человека и экономике, сессии Парламентской Ассамблеи с отдельным Средиземноморским форумом), направляют наблюдателей на выборы в странах ОБСЕ и в полевые миссии, а также взаимодействуют в рамках специальной «Группы средиземноморских партнеров по сотрудничеству» (ранее Контактная группа) для обмена информацией о текущих вызовах и проектах и выработки совместных идей. Ежегодные Средиземноморские конференции ОБСЕ и вовлечение экспертов и гражданского общества (например, через сеть New-Med) способствуют углублению этого диалога по совместному решению взаимосвязанных вызовов безопасности во всех трех измерениях.

Италия также является частью формата «Инициатива 5+5 по обороне», включающего пять стран северного и пять стран южного побережья Средиземного моря и способствующего обмену идеями по вопросам безопасности, миграции и экологии.

Инициатива 5+5 по обороне ведет свою историю от Диалога «5+5», первоначально предложенного в 1983 г. и официально запущенного в 1990 г. для сотрудничества между странами региона: Францией, Италией, Португалией, Испанией, Мальтой с одной стороны и Алжиром, Ливией, Мавританией, Марокко, Тунисом с другой стороны. Однако после 1991 г. диалог был заблокирован из-за глубоких разногласий между участниками. Чтобы преодолеть тупик и расширить сотрудничество в сфере безопасности и обороны, Франция в 2004 г. инициировала более узкий формат, известный как «4+3» – Португалия, Испания, Франция, Италия плюс Алжир, Марокко, Тунис, ставя целью наладить практическое сотрудничество, включая проведение краткосрочных учений. Сотрудничество было восстановлено, 21 декабря 2004 г. в Париже проведена первая встреча министров обороны, на которой была подписана Декларация о намерениях сотрудничества в области безопасности, официально оформившая «Инициативу 5+5 по обороне» в ее нынешнем составе из десяти стран: Алжир, Франция, Италия, Ливия, Мальта, Мавритания, Марокко, Португалия, Испания, Тунис. Основными целями

Инициативы являются укрепление взаимопонимания и доверия между странами-членами, развитие многостороннего сотрудничества и содействие безопасности в регионе через конкретные совместные действия, способствующие созданию климата доверия и направленные на решение общих проблем в сфере обороны и безопасности. На текущий момент, Италия осуществляла председательство в Инициативе в 2008 и 2018 гг.

Несмотря на значительный вклад в ОБСЕ — в виде финансирования, кадрового обеспечения и активного участия в полевых миссиях — за время председательства Италии не было полностью разрешено ни одного из застарелых кризисов, которые были обозначены приоритетными. Однако её роль заключалась не в «закрытии» конфликтов, а в их сдерживании и поддержании переговорного процесса в период обострения напряжённости. Кроме того, Италия последовательно использует эту платформу для продвижения собственной внешнеполитической повестки. На данный момент стратегически позиционируя себя в качестве незаменимого медиатора между Европой и Африкой.

Не менее важно присутствие Италии в инициативе НАТО «Средиземноморский диалог» (Med Dialogue), направленной на укрепление военно-политического сотрудничества и связывания военных служб стран региона с Альянсом.

Объединяет Альянс и семь стран региона: Алжир (присоединился в 2000 г.), Египет, Израиль, Иорданию (все трое присоединились в 1995 г.), Мавританию, Марокко и Тунис (также присоединились в 1995 г.). Его главные цели — содействие безопасности и стабильности в Средиземноморье, укрепление взаимопонимания и устранение негативных представлений о НАТО. Согласно официальной риторике¹⁷⁸, Диалог основан на ключевых принципах: недискриминация (всем партнерам предлагаются равные возможности), самоопределение (индивидуальный подход к потребностям каждой страны), двусторонняя вовлеченность, отсутствие принуждения, уважение регионального и

¹⁷⁸ North Atlantic Treaty Organization (NATO). NATO Partnerships*. — URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_52927.htm (accessed: 06.05.2022).

политического разнообразия и дополнение усилий других международных организаций. Политический диалог включает регулярные двусторонние встречи между НАТО и каждой страной-партнером, а также многосторонние встречи НАТО со всеми семью партнерами, на различных уровнях — от глав государств до экспертов. Обсуждаются общие вызовы безопасности, такие как терроризм, незаконный трафик, киберугрозы, угрозы химического, биологического, радиологического и ядерного характера, нестабильность и вопросы морской безопасности. Общее руководство осуществляет Комитет НАТО по партнерству и кооперативной безопасности. На саммите НАТО в Вашингтоне в 2024 г. был принят План действий¹⁷⁹ для более стратегического и ориентированного на результат подхода к южному соседству Альянса, подтверждающий приверженность углублению сотрудничества. В рамках этого плана Генеральный секретарь НАТО назначил Специального представителя по Южному соседству, сделав его ключевым куратором Альянса в регионе, а также было согласовано с Иорданией открытие первого в регионе Информационного бюро НАТО в Аммане, что стало важной вехой в партнерстве.

Практическое сотрудничество структурировано через индивидуальные программы: Индивидуальную программу сотрудничества, согласуемую раз в два г., которую постепенно заменяет Индивидуальная целевая программа партнерства, согласуемая раз в четыре года. Все партнеры имеют доступ к общему инструменту — Меню партнерского сотрудничества, предлагающему более 30 направлений и 1000 конкретных мероприятий в таких областях, как военное образование и подготовка, реформа сектора безопасности, борьба с терроризмом, киберзащита, защита критической инфраструктуры, устойчивость к угрозам химического, биологического, радиологического и ядерного характера и морская безопасность. Страны-участницы активно вовлекаются в учения НАТО, такие как Региональные учения, проведенные в Иордании в 2017 г. и в Марокко в 2020 г., а также участвовали в операциях Альянса, включая «Силы по выполнению соглашения» и

¹⁷⁹ North Atlantic Treaty Organization (NATO). Statement by NATO Foreign Ministers. Issued at the Meeting of the North Atlantic Council at the level of Foreign Ministers held in Brussels, 27-28 November 2024. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227678.htm (accessed: 06.05.2022)

«Силы стабилизации в Боснии и Герцеговине», «Силы для Косово», «Международные силы содействия безопасности в Афганистане» и операцию «Объединенный защитник» в Ливии.

Дополнительные программы, такие как «Наука во имя мира и безопасности», Инициатива по наращиванию потенциала в сфере обороны и связанной с ней безопасности, «Процесс планирования и анализа», «Программа повышения оборонного образования» и взаимодействие с Евроатлантическим координационным центром реагирования на стихийные бедствия, дополняют сотрудничество. С момента своего создания в 1994 г. Средиземноморский диалог непрерывно развивается и адаптируется к изменениям в сфере безопасности, проходя ключевые вехи, такие как создание Группы средиземноморского сотрудничества в 1997 г., решение о более амбициозных рамках на Стамбульском саммите 2004 г., введение единого Меню партнерского сотрудничества в 2011 г. и дальнейшее укрепление сотрудничества на саммитах в Брюсселе в 2021 г. и Вашингтоне в 2024 г. Однако сотрудничество носит ограниченный характер и осуществляется эпизодически.

Активное участие Италии в этих международных организациях и инициативах подчеркивает её стремление к укреплению мира, стабильности и процветания в Средиземноморском регионе. Оценка их результативности, однако, неоднозначна. Такие форматы, как «Инициатива 5+5 по обороне», демонстрируют практическую ценность, способствуя оперативному военно-техническому сотрудничеству и развитию доверия на ограниченном числе направлений. В то же время более масштабные проекты, подобные Средиземноморскому диалогу НАТО, остаются в большей степени платформами для консультаций и обмена опытом, нежели инструментами кардинального разрешения кризисов. Для Италии эти многоуровневые форматы служат важным каналом проецирования влияния и компенсации ограниченности национальных ресурсов, но их совокупный эффект все же недостаточен для кардинального изменения нестабильной ситуации в «Расширенном Средиземноморье».

Однако наиболее знаковой инициативой последних лет стал «план Маттеи». Италия, имеющая глубокие исторические связи со странами Северной Африки, но долгое время игравшая периферийную роль в отношениях с остальной частью континента, предприняла амбициозную попытку предложить собственную стратегию.

Апогеем развития итальянской стратегии, в котором синтезировались все ее элементы — от энергетики и безопасности до управления миграцией и мягкой силы — стал «План Маттеи» (Piano Mattei). Инициированный правительством Джорджии Мелони, он представляет собой многоуровневую стратегию, направленную на перезагрузку отношений Италии с африканскими странами. Его разработка началась ещё в 2022 г., анонсирован в 2023,¹⁸⁰ а официальный старт состоялся в январе 2024 г. на саммите Италия-Африка в Риме, где присутствовали представители 46 африканских государств и 25 международных организаций. «Необходимо учитывать контекст данной встречи. Проведение саммита планировалось «по горячим следам» после июльского саммита Россия – Африка осенью 2023 г., но новый виток ближневосточного конфликта вынудил перенести сроки».¹⁸¹

Став знаковым элементом современной национальной стратегии, план был назван в честь Энрико Маттеи (1906-1962), основателя ENI, выступавшего за равноправное партнерство и «более справедливые нефтяные соглашения, гарантирующие, что бóльшая доля прибыли будет распределяться между нефтедобывающими странами по «Формуле Маттеи»: 75% на 25% по сравнению с 50% на 50%, широко распространённой в тот период».¹⁸² План позиционируется как новая парадигма отношений с Африкой.

Официально заявленной целью является создание условий для устойчивого развития Африки через масштабные инвестиции в инфраструктуру, образование, здравоохранение и «зеленую» энергетику, что, по замыслу, позволит устранить

¹⁸⁰ Italian Government. Press release following Council of Ministers no. 57. 3 November 2023. Available at: <https://www.governo.it/en/node/24170> (accessed: 04.08.2025)

¹⁸¹ Глубокая, О.А. Африка во внешней политике Италии: между популизмом и прагматизмом // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. №3. С. 19–30. DOI: 10.15211/vestnikieran320241930. С. – 22.

¹⁸² Там же. С. – 23.

коренные причины миграции и укрепить энергетическую безопасность Италии и ЕС.

Фокус при этом делается на странах-транзитерах миграции и ключевых поставщиках энергоресурсов, таких как Алжир, Тунис, Египет и Кения. Т.е. помимо основной декларируемой цели есть и сопутствующие: укрепление энергетической безопасности, управление миграционными потоками, развитие инфраструктуры и усиление роли Италии как «моста» между Европой и Африкой.

183

Официальный нарратив характеризует «план Маттеи» как качественно новую модель взаимодействия, основанную на «всестороннем и нехищническом подходе» (*approccio globale e non predatorio*). Его ключевыми принципами провозглашены «равное партнерство» (*partenariato paritario*) и со-разработка проектов с африканскими государствами, направленная на создание реальной добавленной стоимости для местного населения. Приоритетными определены шесть секторов: образование/подготовка кадров, сельское хозяйство, здравоохранение, энергетика, водные ресурсы и инфраструктура. Изначально сфокусированный на девяти «пилотных» странах, в 2025 г. план был расширен до четырнадцати, что свидетельствует о намерении Италии играть более значимую роль в масштабах всего континента.

Формирование плана было детерминировано комплексом взаимосвязанных факторов, выявивших системную уязвимость Италии. Ключевым катализатором стал вопрос энергетической безопасности, обострившийся после прекращения поставок газа из России в связи с ситуацией на Украине, что побудило Рим активизировать сотрудничество с африканскими производителями, в частности с Алжиром.

Параллельно нарастающий миграционный кризис, выраженный в росте нелегальных пересечений Средиземного моря после пандемии COVID-19, заставил итальянское руководство сосредоточиться на поиске долгосрочных решений через

¹⁸³ The Mattei Plan for Africa: A Turning Point in Italy's Development Cooperation Policy? // Istituto Affari Internazionali (IAI). URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c05/mattei-plan-africa-turning-point-italysdevelopment-cooperation-policy> (accessed: 10.07.2024).

развитие стран происхождения мигрантов. Важным контекстом выступили и геополитические изменения в Сахеле, включая распространение насилия, смену режимов и сокращение западного влияния, потребовавшие кардинального пересмотра подходов к безопасности.

Наконец, стремление Италии укрепить свои позиции лидера в Европейском союзе также сыграло свою роль, выразившись в продвижении африканской повестки через «Большую семёрку» (G7) и тесное взаимодействие с ЕС. Таким образом, «план Маттеи» стал ответом на совокупность вызовов, в которых энергетические, миграционные и общеполитические интересы оказались тесно переплетены.

«План Маттеи», будучи амбициозной внешнеполитической инициативой, потребовал создания соответствующей институциональной архитектуры, призванной координировать усилия всего итальянского государственного аппарата. Анализ нормативной базы, системы управления и эволюции географического охвата позволяет выявить как стремление к комплексному подходу, так и системные проблемы, возникающие при его практической реализации.

Отправной точкой для формального запуска «плана Маттеи» стало принятие декрета-закона № 161 от 15 ноября 2023 г. «О срочных мерах по осуществлению «плана Маттеи для Африки»¹⁸⁴, впоследствии преобразованного в Закон № 2 от 11 января 2024 г. Уже в преамбуле декрета задается высокая планка: план определяется как инструмент для построения «нового партнерства» между Италией и странами Африканского континента, направленного на содействие «общему, устойчивому и долговременному развитию» в политическом, экономическом, социальном, культурном измерениях и сфере безопасности.

Ключевым положением документа (статья 1) стало поручение Председателю Совета министров утвердить своим декретом «стратегическо-программный документ» под названием «план Маттеи». Таким образом, закон заложил основу

¹⁸⁴ Decreto-legge 15 novembre 2023, n. 161. Disposizioni urgenti per il «Piano Mattei» per lo sviluppo in Stati del Continente africano: [decreto-legge] // Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. – 2023. – № 267.

для придания плану статуса общегосударственного приоритета. Важно отметить, что процедура принятия данного декрета предусматривала обязательное получение заключения профильных парламентских комиссий, что формально обеспечивало элемент парламентского контроля. Официальный стратегический документ был принят 7 октября 2024 г., закрепив целевые сектора и первоначальный список стран-партнеров.

Для реализации плана была создана двухуровневая система управления. Высшим органом стратегического руководства является Кабинет управления, который возглавляет Председатель Совета министров. В его состав входят ключевые министры, представители регионов, а также бизнеса, науки и гражданского общества. Кабинет координирует выполнение плана, утверждает его обновления и ежегодный отчет для Парламента.

Операционные и секретарские функции выполняет «Миссионерская» структура, работающая при аппарате премьер-министра. Она обеспечивает поддержку Кабинету и непосредственно готовит ежегодный отчет, находясь в центре информационных потоков и документирования прогресса. Подобный широкий состав должен был, по замыслу создателей, обеспечить всесторонний подход и мобилизацию всех ресурсов «Страны-Системы» (Sistema-Paese). Однако на практике, как отмечают критики, такая сложная архитектура может порождать риски фрагментации и замедления процесса принятия решений.

Институциональное оформление «плана Маттеи» демонстрирует стремление итальянского правительства придать ему характер общенационального стратегического приоритета. Создание разветвленной системы управления с участием широкого круга стейкхолдеров теоретически должно способствовать комплексному подходу. Однако уже на институциональном уровне видны потенциальные «узкие места»: сложность координации в рамках такой широкой структуры, риск бюрократизации и возникновение разрыва между высокоуровневой стратегией, разрабатываемой в Кабинете управления, и операционными реалиями на местах. Поспешное расширение географического охвата до того, как была отработана модель реализации в первоначальных странах,

добавляет проекту значительных рисков и ставит под вопрос тезис о «поэтапном подходе» (*approccio incrementale*), заявленный в официальных документах. Таким образом, прочный институциональный каркас, возведенный вокруг «плана Маттеи», сам по себе еще не гарантирует его успешной реализации, а скорее создает сложный вызов для управленцев.

Изначально «план Маттеи» был сфокусирован на девяти «пилотных странах»: четыре в Северной Африке (Алжир, Египет, Тунис, Марокко) и пять в Африке к югу от Сахары (Кот-д'Ивуар, Эфиопия, Кения, Мозамбик, Республика Конго). Этот выбор отражал как традиционные приоритеты Италии в Средиземноморье, так и стремление закрепиться в ключевых странах других регионов.

В начале 2025 г. премьер-министр Джорджа Мелони объявила о расширении плана на пять новых государств: Анголу, Гану, Мавританию, Сенегал и Танзанию. Это решение свидетельствует о намерении Рима трансформировать план из точечной инициативы в континентальную стратегию. Расширение не только увеличивает потенциальное влияние Италии, но и подчеркивает ее растущие амбиции в качестве самостоятельного игрока, особенно в таких стратегически важных регионах, как Западная Африка (Гана, Сенегал) и зона Индийского океана (Танзания). Однако оно же многократно увеличивает операционную сложность и поднимает вопрос о способности «Миссионерской» структуры эффективно координировать проекты сразу в 14 странах с разными политическими и экономическими контекстами.

Однако, спустя полтора г. с момента официального запуска, и в подтверждение тезиса об отсутствии радикального разрыва с прошлым, вокруг Плана Маттеи сформировался значительный массив критики за существенный разрыв между декларируемыми целями и операционными реалиями. В том числе за недостаточное вовлечение африканских стейкхолдеров, ограниченный бюджет и вопросы к его новизне. Более того, он воспринимается рядом аналитиков¹⁸⁵ и

¹⁸⁵ Медведев, Д. А. Человечество должно окончательно избавиться от наследия колониальной системы. Время метрополий истекло [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации – 2024. – 14 июня. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/istoricheskie_materialy/1956884/ (дата обращения: 17.08.2024).

представителей африканских стран¹⁸⁶ как попытка неокOLONиализма, ставящая во главу угла решение итальянских проблем миграции и энергозависимости под маркой партнерства. Попытки увязать регулирование миграции с инвестициями в развитие Африки, повторяющие логику ЕС, где финансовая помощь обусловлена выполнением миграционных квот, создают парадокс: декларируемый диалог цивилизаций на практике трансформируется в инструмент давления, что усиливает критику со стороны африканских элит, видящих в этом неокOLONиальные паттерны.

Политический фон реализации плана, усугубляющий это восприятие, нельзя рассматривать в отрыве от исторического наследия и внутривполитической динамики. С приходом к власти правоцентристской коалиции актуализировались дебаты о возрождении элементов неокOLONиальной риторики. Партия «Братья Италии», исторически связанная с постфашистскими движениями, формально дистанцируется от колониального прошлого, но её внешнеполитические инициативы, направленные на превращение Италии в энергетический хаб Средиземноморья, вызывают ассоциации с имперскими амбициями. Примечательно, что ключевые страны реализации «плана Маттеи» (Алжир, Египет, Кения) уже десятилетиями находятся в зоне итальянских экономических интересов, а саммит Италия-Африка в январе 2024 г. продемонстрировал определенную односторонность итальянских устремлений. В этом контексте даже антиколониальная риторика, апеллирующая к наследию Энрико Маттеи, служит скорее инструментом легитимации традиционных подходов, чем подлинным разрывом с прошлым.

«План Маттеи» невозможно оценить в отрыве от более широкого внешнеполитического контекста, в котором действует Италия. Рассмотренные выше детерминанты — энергетическая безопасность, миграционное давление и стремление к лидерству — находят свое прямое отражение в геополитической мотивации Рима. Его возникновение и эволюция являются прямым следствием

¹⁸⁶ Kaboub, F. Africa: Is Italy's \$6bn Plan for Africa Just PR-Friendly Neocolonialism? [Электронный ресурс] // African Arguments. — 2024. — 2 February. — Analysis. — URL: <https://allafrica.com/stories/202402020408.html> (accessed: 17.08.2024).

попытки Рима решить комплекс задач: утвердиться в качестве значимого игрока на мировой арене, предложить альтернативу другим внешним силам в Африке, увязать свои национальные интересы с общеевропейской стратегией и найти решение одной из самых острых внутренних проблем — нерегулярной миграции. Анализ показывает, что план является не столько самостоятельной стратегией развития, сколько инструментом многоплановой Realpolitik.

«План Маттеи» стал краеугольным камнем внешнеполитической доктрины правительства Джорджи Мелони, направленной на усиление роли Италии как «средней державы» с собственными стратегическими интересами. Как отмечают Р. Алонци и В.П. Любин, для Мелони план стал «пробой ‘высокой политики’ в надежде обрести заметную роль на мировой шахматной доске».¹⁸⁷ Эта цель преследуется в условиях жесткой конкуренции за влияние в Африке, где традиционные партнеры (ЕС, США) сталкиваются с растущей активностью Китая, России, Турции и стран Персидского залива.

В этом контексте «план Маттеи» позиционируется как альтернативная, «нехищническая» модель партнерства, противопоставляемая, в первую очередь, китайской практике, которую на Западе часто критикуют за создание долговых ловушек и недостаточную прозрачность. Участие Италии в проекте Коридора Лобито вместе с США, ЕС и африканскими институтами носит ярко выраженный стратегический характер: это попытка диверсифицировать цепочки поставок критически важного сырья для Европы и ограничить влияние других игроков в ключевом регионе Центральной Африки.

Стратегический успех «плана Маттеи» был невозможен без его тесной увязки с общеевропейской повесткой. Как точно подметил ISPI, «амбиция Плана Маттеи может эффективно встроиться в этот принцип»¹⁸⁸, где под «принципом» понимается модель партнерства, предлагаемая EU Global Gateway.

¹⁸⁷ Алонци, Р., Любин, В.П.. Италия: зазоры внешней политики правительства Мелони (между атлантизмом, европеизмом и поисками самоопределения) // Контурь глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 1. С. 54–68.

¹⁸⁸ Carbone, G., Ragazzi L. Rebooting Italy's Africa Policy: Making the Mattei Plan Work // ISPI. 2025. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/rebooting-italys-africa-policy-making-themattei-plan-work-190978> (accessed: 25.02.2025).

Саммит в Риме 20 июня 2025 г., со-председателями которого выступили Джорджа Мелони и Урсула фон дер Ляйен, стал кульминацией этого процесса стратегической «европеизации». На нем «план Маттеи» был официально представлен не как сугубо национальная инициатива, а как важнейшая национальная составляющая общеевропейских усилий. Это позволило Италии:

- Легитимизировать свою африканскую стратегию в глазах европейских партнеров.
- Позиционировать себя в качестве лидера европейской политики в Средиземноморье и Африке.
- Потенциально получить доступ к дополнительным финансовым и институциональным ресурсам ЕС.

Однако эта тесная связь порождает и зависимость. Реальная значимость «плана Маттеи» теперь во многом будет определяться тем, насколько успешно EU Global Gateway сможет конкурировать с другими глобальными игроками. Кроме того, возникает риск, что национальные интересы Италии могут быть поглощены или скорректированы в угоду общеевропейским приоритетам.

В стратегической перспективе «план Маттеи» нацелен на заключение нового энергетического пакта с ЕС. Рим осознает, что для утверждения в качестве надежного партнера необходимо задействовать свои глобальные связи и объединить усилия с ключевыми игроками. Данная цель декларируется на высшем уровне, а итальянский план позиционируется как новая политическая платформа для реализации амбиции стать энергетическим хабом. Эта роль напрямую увязывается с «планом Маттеи», поскольку устойчивость энергетического хаба зависит от стабильности и развития стран-производителей в Северной Африке. Тем самым Италия пытается заключить новый энергетический пакт с ЕС, в котором её географическое и инфраструктурное преимущество будет обменяно на усиление политического веса и долгосрочные экономические дивиденды, что является классическим проявлением «геоэкономического» подхода во внешней политике, где экономические инструменты служат достижению фундаментальных политических целей.

Наиболее острый критический аргумент в адрес «плана Маттеи» связан с его ролью в решении проблемы нерегулярной миграции. Для Мелони «жизненно важно повысить в странах Африки местную экономику и уровень жизни, чтобы убедить потенциальных мигрантов отказаться от переезда в Европу».¹⁸⁹ Таким образом, план становится ключевым элементом стратегии «экстернализации» миграционной политики ЕС, то есть переноса усилий по сдерживанию миграционных потоков за пределы границ Союза.

Эта логика напрямую прослеживается в выборе приоритетных стран (Тунис, Алжир, Египет, Кот-д'Ивуар), многие из которых являются ключевыми странами транзита или происхождения мигрантов. Подписание меморандума с Тунисом в июле 2023 г. при активном участии Мелони и фон дер Ляйен, а также более позднее соглашение с Албанией о создании центров для обработки ходатайств о убежище, являются частью этой же парадигмы, а также укладывается в общеевропейскую стратегию «безопасность – развитие» («security-development nexus»).

Здесь возникает фундаментальное противоречие, которое ставит под сомнение декларируемые цели развития: цель развития требует долгосрочных инвестиций, создания рабочих мест и устойчивого роста, что может в краткосрочной перспективе даже увеличить миграционный потенциал (так называемый «миграционный горб»). А цель контроля над миграцией требует быстрых, осязаемых результатов в сфере безопасности и сдерживания.

«План Маттеи» пытается совместить эти две разнонаправленные задачи, рискуя не достичь ни одной из них. Критики справедливо опасаются, что проекты развития могут быть подчинены сиюминутным миграционным приоритетам, а сотрудничество с авторитарными режимами в обмен на контроль над миграцией подорвет моральные основания партнерства (см. Таблицу 2).

¹⁸⁹ Арбатова, Н.К. «Большая семерка» в руках Италии. В приоритете у Рима Африка и искусственный интеллект // НГДипкуррьер. – 2024. – 11 февраля. – URL: https://www.ng.ru/courier/2024-02-11/9_8945_italy.html (дата обращения: 13.03.2025).

Таблица 2. «План Маттеи» в системе внешнеполитических координат Италии

Внешнеполитический контекст	Роль и интерпретация «плана Маттеи»	Ключевые вызовы и противоречия
Глобальная конкуренция в Африке	Инструмент самоутверждения Италии, альтернатива китайской и российской модели.	Ограниченность ресурсов Италии по сравнению с другими игроками. Риск восприятия как «слабого подражателя».
Политика Европейского союза (Global Gateway)	Национальная оболочка и двигатель общеевропейской стратегии. Шанс для Италии стать лидером в ЕС.	Риск потери национальной специфики и подчинения логике Брюсселя. Зависимость от успеха Global Gateway в целом.
Миграционная политика Италии и ЕС	Ключевой элемент стратегии экстернализации, долгосрочное решение проблемы миграции.	Фундаментальное противоречие между целями развития и целями сдерживания миграции. Риск сотрудничества с «недемократическими» режимами.

Источник: составлено автором.

«План Маттеи» является сложным и многогранным внешнеполитическим конструктом. Его движущими силами выступают не только альтруистические цели развития, но и четко осознанные национальные интересы Италии: геополитическое самоутверждение, лидерство в ЕС и контроль над миграцией.

Стратегическая привязка плана к инициативе EU Global Gateway является его сильной стороной, обеспечивая легитимность и потенциальный доступ к ресурсам. Однако именно эта связь, а также доминирование миграционной повестки, создают главные риски. План рискует стать заложником более широких стратегий, в которых интересы развития Африки могут быть отодвинуты на второй план

задачами европейской безопасности и внутривосточной целесообразности в самой Италии.

Таким образом, подлинным мерилом успеха «плана Маттеи» станет не количество подписанных меморандумов, а его способность преодолеть внутренние противоречия и доказать, что он служит в первую очередь целям устойчивого развития африканских партнеров, а не является лишь инструментом в игре более мощных геополитических сил.

Подводя итог анализу механизмов и форматов политического взаимодействия Италии в Средиземноморье, можно заключить, что Риму удалось создать разветвленную и концептуально обоснованную архитектуру своей региональной политики. Стратегия «Расширенного Средиземноморья» обеспечила Италии роль одного из ключевых европейских игроков в регионе. Однако оценка эффективности этой политики не может быть однозначно положительной. Множественность многосторонних механизмов отражает не столько их успех, сколько перманентный поиск ответа на структурные вызовы региона, которые не поддаются решению в рамках ни одного из существующих форматов. Восприятие Италии в странах Южного Средиземноморья остается двойственным: с одной стороны, ее ценят как важного экономического партнера и донора, с другой — сохраняется настороженность, подпитываемая историческим бэкграундом и подозрениями в неокOLONиальных устремлениях, особенно в контексте «плана Маттеи». Таким образом, основным вызовом для Италии является не создание новых форматов сотрудничества, а повышение действенности существующих и преодоление разрыва между масштабными внешнеполитическими амбициями и реальной способностью оказывать решающее влияние на стабилизацию кризисного региона.

2.2. ПОДХОД ИТАЛИИ К ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Анализ стратегических основ внешней политики Италии в Средиземноморье, проведенный в предыдущем разделе, позволяет перейти к детальному

рассмотрению ее ключевого аспекта — обеспечения безопасности. Реализация концепции «Расширенного Средиземноморья» сопряжена с комплексом вызовов.

Стратегия национальной безопасности Италии 2020 г.¹⁹⁰ наглядно иллюстрирует ключевую особенность современных вызовов безопасности — их системную взаимосвязь и способность порождать «каскадные угрозы», когда кризис в одной точке региона лавинообразно провоцирует последствия в других. Так, дестабилизация в Ливии непосредственно трансформируется в миграционное давление на Италию, выступая не отдаленным, а прямым вызовом европейской безопасности. Аналогичным образом, атаки на танкеры в Персидском заливе, географически удаленные от Средиземноморья, создают непосредственные риски для энергетической стабильности Европы, демонстрируя уязвимость критически важных логистических цепочек. При этом дестабилизация на восточном фланге НАТО, вызванная активностью России в Черном море, оттягивает ресурсы и политическое внимание альянса, косвенно ослабляя его позиции в Южном Средиземноморье. Эти переплетающиеся процессы подтверждают, что локальные кризисы более не являются изолированными и обладают значительным трансграничным и мультипликативным эффектом, формируя единое пространство уязвимости.

В документе подводится итог, что подобные угрозы требуют комплексного подхода, объединяющего политические, военные, кибернетические, экономические и экологические инструменты.

Современные угрозы всё чаще реализуются в «серой зоне» — пространстве между миром и войной, где применяются методы гибридной войны: дезинформация, кибератаки, экономическое шантажирование, саботаж.

Стратегия нацбезопасности указывает на стирание границ между внутренней и внешней безопасностью, а также между традиционными (сухопутные, морские, воздушные) и нетрадиционными (кибер, космос) доменами. Это требует от национальных структур безопасности многосферного подхода и тесной

¹⁹⁰ Ministero della Difesa. Direttiva per la Politica Militare Nazionale: [Электронный ресурс]. 2022. URL: https://www.difesa.it/Il_Ministro/Documents/Direttiva%20PMN%202022.pdf (accessed: 17.02.2023).

координации между министерствами обороны, внутренних дел, иностранных дел и цифровых технологий.

Важнейшим выводом стратегического документа является признание нелинейной взаимозависимости всех вышеперечисленных угроз.

Ежегодный отчет о политике информационной безопасности 2025 г.¹⁹¹ подтверждает гибридность. Отчет структурирован вокруг двух осей: первая анализирует нестабильность у границ Европы (украинский конфликт, ближневосточный конфликт, возрождение джихадизма), риски на Балканах и в Африке, гибридные угрозы демократиям, конкуренцию с «Глобальным Югом» и напряженность в Индо-Тихоокеанском регионе; вторая рассматривает трансграничные проблемы (технологические инновации, климат, социально-экономическое неравенство) через призму их влияния на позиционирование Италии в мире, с особым вниманием к искусственному интеллекту. Ключевыми вызовами, согласно отчету, остаются безопасность морских путей, защита энергетических цепочек (особенно в Северной Африке, где Италия укрепляет сотрудничество с Марокко, Алжиром и Тунисом) и управление кризисами в зонах конфликтов (Ливия, Судан, Африканский Рог).

Италия рассматривает угрозы джихадистского терроризма и транснациональной преступности как элементы «гибридной войны»¹⁹², где границы между военными, криминальными и политическими рисками размыты. Особенно остро эта проблема стоит в условиях слабости государственных институтов в Ливии, Сахеле и Йемене. Преступные картели, контролирующие миграционные маршруты, зачастую связаны с террористическими организациями, включая ИГИЛ (запрещена в РФ).

Распространение боевых действий на Красное море, где йеменские хуситы, поддерживаемые Ираном, осуществляют атаки на торговые суда и объекты в

¹⁹¹ La Relazione Annuale sulla Politica dell'Informazione per la Sicurezza 2025 // Sicurezza Nazionale. 2025. URL: <https://www.sicurezzanazionale.gov.it/contenuti/relazione-al-parlamento-2025> (accessed: 10.04.2025).

¹⁹² Алексеенкова, Е.С. Ближний Восток и Северная Африка во внешней политике Италии: подходы к проблемам безопасности // Актуальные проблемы Европы. – 2025. – № 4. – С. 250-276. DOI: 10.31249/ape/2025.04.14 (дата обращения: 23.10.2025).

Израиле, дополнительно дестабилизирует ситуацию и угрожает безопасности морских коммуникаций, жизненно важных для итальянской экономики.

Италия, как государство, импортирующее более 90% своих энергоресурсов, особенно чувствительна к нестабильности в зонах поставок и транзита. Критические узлы — Суэцкий канал, Ормузский и Баб-эль-Мандебский проливы — подвержены риску блокировки, атак или диверсий.

После начала специальной военной операции РФ и последовавшего отказа стран ЕС от российских углеводородов энергетическая безопасность Италии стала напрямую зависеть от поставок из стран Северной Африки и Персидского залива. Алжир в 2024 г. обеспечил 34% импорта природного газа в Италию, став главным поставщиком и вытеснив Россию.

Зависимость от поставок через нестабильные регионы (Ливия, Сахель, Восточное Средиземноморье) делает энергетическую инфраструктуру Италии уязвимой к региональным кризисам. Проект EastMed потерял свою актуальность; вместо него акцент сделан на участие Италии в Восточно-Средиземноморском газовом форуме (EMGF) и реализацию проекта «SoutH2 Corridor» по транспортировке «зелёного» водорода через Северную Африку в Европу. Однако обострение палестино-израильского конфликта с октября 2023 г. существенно затрудняет реализацию этих инициатив.

Изменение климата выступает не как самостоятельная угроза, а как мультипликатор нестабильности¹⁹³. Засухи, деградация почв, нехватка пресной воды и продовольственная необеспеченность усиливают социальную напряжённость, способствуют радикализации населения и стимулируют миграцию.

В документе подчёркивается, что климатическая нестабильность в Сахеле и на Африканском Роге напрямую влияет на безопасность Средиземноморья, формируя «южный вектор давления» на Европу.

¹⁹³ Strategia di sicurezza e difesa per il Mediterraneo. (2022) / Ministero della difesa. – Roma. – 17 p. – URL: <https://ciram.unimc.it/it/focus/diritto-geopoliticamare/italia-sicurezza-spazi-marittimi/litalia-e-la-sicurezza-degli-spazimarittimi/StrategiaMediterraneo2022.pdf> (accessed: 30.04.2024).

Италия выражает озабоченность ростом влияния внерегиональных акторов — прежде всего России, США и Китая. Это создаёт «вакуум влияния», в который стремятся встроиться новые игроки, включая государства Персидского залива и Турция.

Ливия остается одной из проблемных точек¹⁹⁴. Конфликт между Правительством национального единства (ПНЕ) и Ливийской национальной армией (ЛНА) остаётся источником нестабильности. Однако утверждение о «маргинализации» Италии после 2011 г. не соответствует действительности: Рим последовательно восстанавливал своё влияние, что подтверждается заключением в январе 2023 г. 25-летнего газового контракта между ENI и ливийской NOC и продлением в 2023 г. меморандума по миграции и безопасности (первоначально подписанного в 2017 г.).

Сахель. Серия военных переворотов в Мали, Буркина-Фасо и Нигере формирует «дугу нестабильности», откуда мигранты устремляются к средиземноморскому побережью. В условиях вывода западных контингентов из Нигера Италия остаётся единственной страной ЕС с военным присутствием в этой стране, что подчёркивает её роль «привилегированного западного собеседника» в регионе.¹⁹⁵

Эскалация палестино-израильского конфликта в октябре 2023 г. вызывает серьёзную озабоченность в Риме из-за риска региональной дестабилизации, угрозы судоходству в Красном море и гуманитарных последствий в секторе Газа. Позиция правительства Дж. Мелони не была сдержанной: Италия активно участвует в гуманитарной помощи (20 млн евро на Газу), поддерживает формат «два государства», осуждает действия ХАМАС, но настойчиво призывает Израиль соблюдать международное гуманитарное право. Глава МИД А. Таяни лично посещал регион, выступал с инициативами по урегулированию (включая создание

¹⁹⁴ Глубокая, О. А. Внешняя политика Италии в странах Южного Средиземноморья: «Цивилизаторская миссия 2.0» vs «диалог цивилизаций» / О. А. Глубокая // Русская политология. – 2023. – № 4(29). – С. 67-73. – EDN AOFZRE.

¹⁹⁵ Mediterranean Transitions from the Gulf to the Sahel. The Role of Italy and the EU / G. Daga, M. L. Fantappiè, M. Haghirián [et al.] ; ed. by G. Daga, P. P. Raimondi. – Rome : Nuova Cultura, 2024. – 139 p. – (IAI Research Studies ; iss. 11). – ISBN 978-88-3365-701-1. – DOI: 10.4458/7011. P – 108-109.

«Квинтета» по Сирии и Ирану)¹⁹⁶ и подтверждал готовность Италии участвовать в международной миссии в Газе.

Тем не менее, одним из наиболее острых вызовов для Италии остаются нерегулируемые миграционные потоки из стран Африки и Ближнего Востока. Основными транзитными государствами выступают Ливия, Тунис и Египет, через которые мигранты — как беженцы из зон вооружённых конфликтов (Судан, Сомали), так и лица, покидающие регионы в условиях хронической социально-экономической нестабильности и последствий климатических изменений (в частности, Сахель) — стремятся достичь европейского побережья.

Начиная с 2010-х гг., Италия, как государство ЕС, находящееся на передней линии, столкнулась с беспрецедентным наплывом мигрантов. В ответ на это Рим разработал многоуровневую стратегию, сочетающую гуманитарные инициативы с жёсткими мерами контроля границ.

Неконтролируемая миграция создаёт серьёзную нагрузку на инфраструктуру прибрежных регионов (в частности, острова Лампедуза), способствует росту социальной напряжённости и активно эксплуатируется правыми популистскими силами в политических целях. При этом условия содержания мигрантов в ливийских центрах приёма, характеризующиеся перенаселённостью, отсутствием медицинской помощи и документированными случаями насилия, формируют гуманитарный кризис, который Италия стремится смягчить через двусторонние соглашения и поддержку институционального укрепления принимающих стран.¹⁹⁷

В 2024 г. наблюдалось резкое сокращение числа нерегулярных мигрантов, прибывающих в Италию через Центральный Средиземноморский маршрут (-57% за год)¹⁹⁸. Этот тренд вызывает вопросы о его долгосрочности. Если в 2023 г.

¹⁹⁶ Tajani calls Quintet meeting to focus on Syria and Iran. (2025) // Agenzia Nova. – Roma. – 06.01. – URL: <https://web.archive.org/web/20250108162803/https://www.agenzianova.com/en/news/Tajani-calls-quintet-meeting-to-focus-on-Syriaand-Iran/> (accessed: 11.10.2025).

¹⁹⁷ Глубокая, О.А. Внешнее измерение как панацея? Сотрудничество Италии с третьими странами (Ливия, Тунис, Албания) в управлении миграционными потоками (2022–2024) // Политика и Общество. 2025. № 2. С. 99-113. DOI: 10.7256/2454-0684.2025.2.74748 EDN: ZMWIBU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74748 (дата обращения: 11.08.2025).

¹⁹⁸ Irregular Migration in the Mediterranean: Down, but for How Long? [Electronic resource] // ISPI Online. – 2023. – URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/irregular-migration-in-the-mediterranean-down-but-for-how-long-184880> (accessed: 02.05.2025).

пиковые показатели достигли 166 тыс. человек, то за 12 месяцев они упали до 70 тыс., что контрастирует с устойчивым ростом с 2019 г. (11 тыс. → 158 тыс.). Подобная динамика частично компенсировалась увеличением потока в Испанию, однако общее число морских прибытий из Африки в Европу снизилось на 40% (со 230 тыс. до 140 тыс.), повторяя паттерн 2017 г., когда сотрудничество ЕС с ливийскими ополченцами временно сократило транзит через Ливию¹⁹⁹.

Ключевым фактором нынешнего спада стала смена миграционных коридоров. В 2020–2022 гг. основными странами исхода были Тунис и Египет, тогда как выходцы из стран Африки к югу от Сахары составляли менее 27%. Экономические последствия пандемии COVID-19 способствовали «регионализации» потоков: тунисцы и египтяне, потерявшие доходы от туризма, стали доминировать среди прибывающих в Италию. Однако к 2023 г. ситуация изменилась: Ливия, ранее служившая главным транзитным узлом для мигрантов из стран Африки южнее Сахары, стала восприниматься как чрезмерно опасная из-за системных нарушений прав человека, вынудив их искать альтернативы. Тунис, где получил развитие нелегальный рынок контрабанды, стал новым ключевым транзитным хабом: за г. прибытия из Туниса в Италию утроились (до 97 тыс.), причём 80 тыс. из них составили мигранты из стран Африки южнее Сахары, использовавшие Тунис как перевалочный пункт.

Значительное снижение наступило в 2024 г. после ужесточения миграционной политики Туниса. Подписание Меморандума о взаимопонимании с ЕС в июле 2023 г., предусматривающего меры по борьбе с нерегулярной миграцией в обмен на финансовую помощь (€165 млн), привело к репрессивным действиям властей Туниса против мигрантов из стран Африки южнее Сахары.

Власти Туниса начали массовые задержания с последующей депортацией в приграничные пустынные зоны, что резко снизило привлекательность страны как транзитного узла. Италия, в рамках «плана Маттеи», дополнительно выделила €100 млн на укрепление сотрудничества с Тунисом, однако непоследовательность

¹⁹⁹ Глубокая, О.А. Внешнее измерение как панацея? Сотрудничество Италии с третьими странами (Ливия, Тунис, Албания) в управлении миграционными потоками (2022–2024) // Политика и Общество. 2025. № 2. С. 99–113. DOI: 10.7256/2454-0684.2025.2.74748 EDN: ZMWIBU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74748

туниССкого руководства (возврат €60 млн ЕС в 2023 г.) ставит под вопрос устойчивость таких мер.

Исторический опыт показывает, что репрессивные меры в странах транзита дают временный эффект. После сокращения потока через Ливию в 2017–2019 гг. миграция возобновилась, сменив географию маршрутов. Нынешний спад может оказаться аналогичной «передышкой», особенно на фоне роста социально-экономической напряжённости в странах Африки южнее Сахары и усугубляющихся климатических кризисов (сильные засухи, опустынивание в Сахеле), подталкивающих население к миграции. Кроме того, политика принудительного возврата мигрантов (реадмиссии), продвигаемая ЕС, усиливает напряжение в отношениях с африканскими странами, не готовыми принимать депортированных.

Таким образом, снижение нерегулярной миграции через Центральное Средиземноморье в 2024 г. обусловлено тактическим ужесточением контроля со стороны Туниса при поддержке ЕС и Италии, но не устраняет глубинных структурных причин миграционного давления. Демографический рост в Африке, глубокое социально-экономическое неравенство и последствия климатических изменений сохраняют мощный потенциал для новых волн миграции, что ставит под сомнение долгосрочную эффективность исключительно репрессивных мер. Опыт 2017–2019 г. свидетельствует: без масштабных инвестиций в устойчивое развитие стран происхождения миграции и создания легальных каналов миграции временное снижение потоков может смениться новым кризисом, ещё более масштабным и сложным для управления.

Италия разработала комплекс национальных мер для решения этих взаимосвязанных кризисов. Их можно разделить на целевые (направленные преимущественно на одну проблему) и комплексные (нацеленные на решение нескольких проблем одновременно).

1. Целевые меры:

- а. Против терроризма и ОПГ: усиление национальных спецслужб и правоохранительных органов для борьбы с транснациональной преступностью и

предотвращения террористических атак на территории Италии и против ее интересов за рубежом²⁰⁰ (на основании Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 г.²⁰¹, принятой в Палермо, которая призывает государства-участники укреплять потенциал своих правоохранительных органов для противодействия глобальным угрозам).

б. Для снижения энергозависимости: диверсификация источников поставок энергоносителей (поиск альтернатив алжирскому и нигерийскому газу) и ускорение перехода на возобновляемые источники энергии в рамках национальных планов. После начала СВО на территории Украины правительство Драги осуществило быстрый энергетический поворот на юг при ключевой роли ENI: соглашения с Алжиром (апрель 2022), Анголой, Конго и Египтом, сделав Алжир главным поставщиком газа²⁰². Правительство Мелони продолжает эту линию.²⁰³

с. Против гибридных угроз: развитие национальных киберпотенциалов и структур для противодействия дезинформации, когнитивным атакам и защите критической инфраструктуры.

д. Против нерегулярной миграции: заключение двусторонних соглашений со странами транзита (Ливия в 2017 г., Тунис) о блокировке миграционных маршрутов и финансировании местных береговых охраны/сил безопасности. Реализация этих соглашений, однако, сопровождается систематическими нарушениями прав человека (насильственные возвраты мигрантов - pushbacks, соучастие в

²⁰⁰ Balsamo A. - Mattarella A. - Tartaglia R., *La Convenzione di Palermo: il futuro della lotta alla criminalità organizzata transnazionale*, giappichelli, 2020, ISBN 9788892134140.

²⁰¹ Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности [Электронный ресурс] : (принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН). – URL: <https://www.unodc.org/documents/treaties/UNTOC/Publications/TOC%20Convention/TOCebook-r.pdf> (дата обращения: 20.10.2023).

²⁰² Шибкова, М. О., Малинина О. В. Новая энергетическая стратегия Италии как следствие антироссийских санкций ЕС // Власть. 2023. Том 31. № 5. С. 251-257. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i5.9826>.

²⁰³ Глубокая, О.А. Африка во внешней политике Италии: между популизмом и прагматизмом // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2024. №3. С. 19–30. DOI: 10.15211/vestnikieran320241930.

нарушениях в ливийских центрах задержания), вызывая международную критику²⁰⁴²⁰⁵²⁰⁶. Финансирование операций типа "Mare Nostrum" (2013-2014) - пример гуманитарного подхода (спасено более 150,000 мигрантов за 10 месяцев²⁰⁷), позже подвергнувшегося критике за «эффект притягивания» и замененного европейскими операциями («Triton», «Sophia»).

Здесь нужно дать пояснение, что операция «Mare Nostrum», запущенная после трагедии у острова Лампедуза (погибло более 360 мигрантов), финансировалась исключительно Италией. После передачи полномочий ЕС в рамках операции «Triton» (Frontex) акцент сместился на сдерживание потоков. Переломным моментом стало подписание в 2017 г. соглашения с Ливией, по которому итальянское правительство начало финансировать ливийские береговые охранные силы для перехвата мигрантов в территориальных водах.

Несмотря на сокращение числа прибывших (с 180 тыс. в 2016 г. до 32 тыс. в 2020 г., что было связано в том числе с ограничениями периода пандемии COVID-19), эта политика вызвала резкую критику правозащитников. Доклады ООН²⁰⁸ и Amnesty International²⁰⁹ фиксируют систематические нарушения прав человека в ливийских центрах задержания, что поставило Италию перед сложной дилеммой поиска баланса между требованиями безопасности (защита границ) и соблюдением гуманитарных норм и международных обязательств.

Приход к власти правительства Джорджии Мелони в октябре 2022 г. ознаменовал стратегический поворот, сделавший ключевым приоритетом так

²⁰⁴ L'Italia dal governo Draghi al governo Meloni. Rapporto sulla politica estera italiana. Edizione 2022. [Текст]: аналитический отчет / IAI. – 2022. – URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/9788893682800.pdf> (accessed: 01.05.2025).

²⁰⁵ Il governo Meloni alla prova. Rapporto sulla politica estera italiana. Edizione 2023. [Текст]: аналитический отчет / IAI. – 2023. – URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/9788893683128.pdf> (accessed: 01.05.2025).

²⁰⁶ FitzGerald, D.S. *Refuge beyond Reach: How Rich Democracies Repel Asylum Seekers* [Текст] / D.S. FitzGerald. – Oxford University Press, 2019. – 328 p. – ISBN 9780190874172.

²⁰⁷ *Mediterranean Transitions from the Gulf to the Sahel. The Role of Italy and the EU* / G. Daga, M. L. Fantappiè, M. Haghirian [et al.] ; ed. by G. Daga, P. P. Raimondi. – Rome : Nuova Cultura, 2024. – 139 p. – (IAI Research Studies ; iss. 11). – ISBN 978-88-3365-701-1. – DOI: 10.4458/7011. P – 106.

²⁰⁸ Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. Доклад S/2021/752 [Электронный ресурс]. 2021. URL: <https://undocs.org/S/2021/752> (дата обращения: 01.10.2023).

²⁰⁹ "No one will look for you": Forcibly returned from sea to abusive detention in Libya. Amnesty International. London: Amnesty International, 2021, 15 July. Available at: https://www.amnesty-international.be/sites/default/files/bijlagen/15072021_report_libya_forcibly_returned_from_sea_to_abusive_detention.pdf (accessed: 01.10.2023).

называемое «внешнее измерение» миграционного контроля – активный перенос ответственности за сдерживание потоков на третьи страны. Эта стратегия реализовывалась через три основных направления: продленное сотрудничество с Ливией, новый альянс с Тунисом (оформленный как Соглашение ЕС-Тунис в июле 2023 г.) и радикальный эксперимент по созданию центров обработки убежищ в Албании (ноябрь 2023 г.)²¹⁰.

«Сравнение трех основных направлений экстернализации выявляет их принципиальные различия по ключевым параметрам (см. Таблицу 3). Сотрудничество с Ливией, основанное на продлении Меморандума 2017 г., представляет собой традиционную модель, фокусирующуюся на перехвате мигрантов в море и их возврате. Его вклад в общее снижение прибытий в 2024 г. был значительным, но во многом парадоксальным: он связан с возвращением Ливии как главного транзитного узла и развитием «гибридной миграции», которую само это сотрудничество не может эффективно контролировать. Главный риск этой модели – глубокое и системное соучастие в грубейших нарушениях прав человека.

Соглашение с Тунисом, оформленное как Протокол ЕС в 2023 г., – это пример новой общеевропейской инициативы, нацеленной на сдерживание отплывов у берегов. Италия сыграла ключевую роль в его продвижении. Его вклад в снижение прибытий в 2024 г. можно оценить как умеренный, в основном за счет возросшей активности тунисской береговой охраны по перехвату лодок. Однако эта модель несет двойной груз рисков: крайнюю непредсказуемость тунисского партнера и сохраняющиеся серьезные нарушения прав мигрантов при поддержке ЕС/Италии.

Эксперимент с Албанией, закрепленный двусторонним соглашением 2023 г., является радикальной попыткой билатеральной инновации, направленной на перенос процедур обработки запросов о защите за пределы ЕС под итальянскую юрисдикцию. Его реальный вклад в снижение прибытий в 2024 г. был ничтожным из-за юридических блокировок и операционной неготовности. Его главная

²¹⁰ Глубокая, О.А. Внешнее измерение как панацея? Сотрудничество Италии с третьими странами (Ливия, Тунис, Албания) в управлении миграционными потоками (2022–2024) // Политика и Общество. 2025. № 2. С. 99–113. DOI: 10.7256/2454-0684.2025.2.74748 EDN: ZMWIBU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74748.

уязвимость – фундаментальные вопросы о юридической совместимости с правом ЕС и международными стандартами в области убежища, ответ на которые даст только грядущее решение Суда ЕС. С политической и экономической точек зрения эта модель оказалась наименее устойчивой и эффективной.

Таблица 3. Сравнительная оценка моделей сотрудничества

Критерий	Ливия	Тунис	Албания
Тип соглашения	Продленный меморандум (с 2017)	Новый протокол ЕС (2023)	Радикальное билатеральное (2023)
Главная цель	Перехват в море/возврат	Сдерживание отплывов	Ускоренная обработка/снижение нагрузки
Вклад в спад-2024	Высокий (возврат маршрута, гибридная миграция)	Средний (рост перехватов)	Минимальный/нулевой (блокировка)
Ключевой риск	Системные нарушения прав человека	Непредсказуемость партнера/нарушения прав	Юридическая несовместимость с ЕС
Политическая устойчивость	Низкая (нестабильность)	Очень низкая (непредсказуемость партнера)	Под вопросом (зависит от суда ЕС)
Экономическая эффективность	Средняя (поддержка инфраструктуры)	Низкая (зависимость от ЕС выплат)	Низкая (высокие затраты, нулевая отдача)

Источник: составлено автором.

Таким образом, стратегия экстернализации принесла правительству Мелони тактическую победу в 2024 г. в виде резкого снижения морских прибытий. Однако этот успех в значительной степени обусловлен изменением миграционных паттернов (возврат к Ливии и развитие «гибридной миграции») и ограниченным эффектом давления на Тунис, а не реализацией прорывных или устойчивых решений, особенно в случае Албании. Цена этой победы оказалась высокой: систематическое соучастие в нарушениях прав человека в Ливии и Тунисе, эрозия системы убежища как внутри Италии, так и через юридически сомнительный албанский эксперимент, а также растущая зависимость от нестабильных партнеров. Юридическая хрупкость модели, особенно ярко проявившаяся в албанском кейсе, и ее неспособность решать структурные причины миграции или адекватно отвечать на потребности итальянской экономики в рабочей силе, ставят под серьезное сомнение ее статус как «панацеи». Снижение числа прибытий в 2024 г. выглядит скорее как временная пауза или результат смещения проблемы, чем как признак обретения долгосрочного и устойчивого решения миграционного давления на Италию.»²¹¹

Возвращаясь к рассмотрению мер, отметим следующий тип.

2. Комплексные меры (пересекающиеся проблемы):

а. «План Маттеи» на данный момент представляет собой ключевую гуманитарно-инвестиционную инициативу, нацеленную на снижение миграционного давления через инвестиции в африканскую инфраструктуру, образование и возобновляемую энергетику. План также призван укрепить экономическое присутствие Италии в Африке, противодействуя влиянию Китая и России, и косвенно способствовать стабильности, снижая корневые причины миграции и создавая условия для обеспечения энергетической безопасности. Однако эффективность плана зависит от стабильности стран-партнеров и долгосрочности финансирования.

б. Укрепление оборонного потенциала: масштабные инвестиции в обновление вооружений – направляется свыше 9,4 млрд евро, что составляет около 42%

²¹¹ Глубокая, О.А. Внешнее измерение как панацея? Сотрудничество Италии с третьими странами (Ливия, Тунис, Албания) в управлении миграционными потоками (2022–2024) // Политика и Общество. 2025. № 2. С. 99-113. DOI: 10.7256/2454-0684.2025.2.74748 EDN: ZMWIBU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74748.

от общего объема в 22,5 млрд евро (Eurofighter F-2000, F-35, программа истребителей 6-го поколения GCAP - совместная с Великобританией и Японией²¹², модернизация ПВО SAMP/T, наземных систем, фрегатов FREMM EVO), заложенные в документе *Programmatico Pluriennale della Difesa 2024-2026*²¹³²¹⁴²¹⁵. Эти инвестиции направлены на повышение оперативной автономии (включая способность проводить ограниченные высокоинтенсивные совместные операции - L-SJO) и сдерживание угроз в условиях геополитической конкуренции и региональной нестабильности. Бюджет обороны на 2024 г. составляет 29,18 млрд евро (1,54% ВВП), с планом роста до 1,60% к 2027 г., что, однако, ниже целевого показателя НАТО (2%).

с. Попытка институциональной реформы: анонсировано создание Комитета по координации внешней политики и обороны (*Tavolo Esteri-Difesa*) в феврале 2023 г. под руководством вице-премьера и министра иностранных дел Антонио Таяни и министра обороны Гвидо Крочетто. Этот орган символизирует переход к интегрированной модели управления кризисами, где дипломатия и оборона выступают взаимодополняющими элементами. Его цель — обеспечить тесную координацию и единообразие действий в условиях сложных взаимосвязанных угроз (от традиционных военных до киберугроз и дезинформации) в Средиземноморье, Африке и Индо-Тихоокеанском регионе. Как подчеркнул Таяни, «в нынешнем контексте кризисов тесная координация и обмен информацией между ведомствами крайне необходимы для укрепления способности влиять на военно-политические решения в международных институтах»²¹⁶. Крочетто акцентировал прагматичный подход:

²¹² Mediterranean Transitions from the Gulf to the Sahel. The Role of Italy and the EU / G. Daga, M. L. Fantappiè, M. Haghirián [et al.] ; ed. by G. Daga, P. P. Raimondi. – Rome : Nuova Cultura, 2024. – 139 p. – (IAI Research Studies ; iss. 11). – ISBN 978-88-3365-701-1. – DOI: 10.4458/7011. P – 110.

²¹³ Ministero della Difesa della Repubblica Italiana. DOCUMENTO PROGRAMMATICO PLURIENNALE DELLA DIFESA PER IL TRIENNIO 2024-2026 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.difesa.it/assets/allegati/30714/dpp_2024-2026_final_firmato.pdf (дата обращения: 10.07.2024).

²¹⁴ “Priorities and Objectives of Defence in the 2024–2026 Programmatic Document” [Electronic resource]. AffariInternazionali. URL: <https://www.affarinternazionali.it/priorita-e-obiettivi-della-difesa-nel-documento-programmatico-2024-2026/> (Accessed: 10.07.2024).

²¹⁵ “Italy’s DPP 2024–2026: Strengthening of Italian Navy and Maritime-Related Programmes” [Electronic resource]. Naval News. URL: <https://www.navalnews.com/naval-news/2024/10/italys-dpp-2024-2026-strengthening-of-italian-navy-and-maritime-related-programmes/> (Accessed: 10.07.2024).

²¹⁶ Tajani-Crosetto: primo tavolo Esteri-Difesa della XIX Legislatura // Ministero della Difesa. URL: <https://www.difesa.it/primopiano/tajani-crosetto-primo-tavolo-esteri-difesa-della-xix-legislatura/38319.html> (accessed: 03.02.2023).

«Обороноспособность и внешняя политика должны действовать за рубежом сообща, в интересах Италии. Сегодняшние вызовы требуют немедленных, согласованных решений»²¹⁷, указав на необходимость «стратегической перспективы на 20–30 лет», включающей диверсификацию энергопоставок, управление миграционными потоками и укрепление связей с ключевыми партнёрами, указывает на долгосрочные цели правительства Джорджии Мелони. В центре обсуждения Tavolo Esteri-Difesa оказались вопросы европейской и трансатлантической безопасности: подготовка к саммиту НАТО в Вильнюсе, безопасность восточного и южного флангов альянса, поддержка Украины, развитие европейской оборонной политики, а также роль Италии в Африке и концепция «Расширенного Средиземноморья», что подчёркивает стремление Рима позиционировать себя как медиатора между ЕС и странами Южного Средиземноморья. Однако инициатива осталась на уровне заявлений и институционально не была оформлена.

d. Комплексная разведывательная оценка: как отражено в Разведывательном отчете Италии (*La Relazione Annuale sulla Politica dell'Informazione per la Sicurezza*) за 2024 г.²¹⁸, Италия переходит к интегрированному анализу взаимосвязанных рисков (геополитическая нестабильность, гибридные угрозы, энергетика, миграция, технологические вызовы, климат) для защиты стратегических интересов. Отчет фокусируется на стратегическом анализе растущей сложности международной обстановки, где кризисы взаимосвязаны, а угрозы приобретают многомерный характер, пересекая традиционные операционные границы. Согласно отчету, усиление нестабильности связано с эрозией послевоенного мирового порядка, попытками пересмотра глобального управления и атаками на либеральные демократии. В ходе председательства Италии в «Большой семерке» (G7) в 2024 г. повестка саммита была расширена за счет включения вопросов, связанных с искусственным интеллектом.

²¹⁷ Ibid.

²¹⁸ *La Relazione Annuale sulla Politica dell'Informazione per la Sicurezza 2025* // Sicurezza Nazionale. 2025. URL: <https://www.sicurezzanazionale.gov.it/contenuti/relazione-al-parlamento-2025> (accessed: 10.04.2025).

В рамках обеспечения безопасности Италия реализует многоуровневый подход, сочетая национальные операции с миссиями ключевых международных организаций. Обеспечение безопасности акватории Средиземного моря осуществляется комплексно. Национальная операция «Mediterraneo Sicuro» по патрулированию вод, борьбе с нелегальной миграцией и преступностью дополняется участием в миссиях ЕС и НАТО. Италия задействована в миссии EUNAVFOR MED Irini (контроль эмбарго на поставки оружия в Ливию) и операции НАТО Sea Guardian. С 2024 г. её вклад расширен за счёт миссии EUNAVFOR ASPIDES в Красном море, защищающей судоходство от атак хуситов.²¹⁹

Сухопутное развёртывание и тренировочные миссии подчёркивают роль Италии как активного оператора безопасности. Страна наращивает контингенты в Северной Африке и на Африканском Роге: в Ливии (MIASIT), Джибути (постоянная база), Нигере (где она остаётся единственным контингентом ЕС) и регионе Гвинейского залива. Параллельно Италия участвует в тренировочных миссиях ЕС в Сомали (EUTM Somalia) и Мозамбике (EUTM Mozambique), а также в операции «Atalanta» по борьбе с пиратством. На Ближнем Востоке усилия сосредоточены в Ираке (борьба с ИГИЛ) и Ливане (миссия UNIFIL и двусторонняя миссия MIBIL), с готовностью присоединиться к возможной миссии ООН в Газе.²²⁰

В рамках ЕС Италия активно формирует миграционную политику, участвуя в операциях Frontex и лоббируя принцип солидарности и перераспределения ответственности за беженцев. Однако единый подход блокируют внутриевропейские противоречия, особенно в миграционной сфере, где новый Пакт 2024 г. выявил ценностный и геополитический раскол между странами-членами. Несмотря на провозглашённый принцип «обязательной солидарности», подходы ключевых стран-членов остаются радикально различными: Италия при Мелони на практике совмещает

²¹⁹ Mediterranean Transitions from the Gulf to the Sahel. The Role of Italy and the EU / G. Daga, M. L. Fantappiè, M. Haghirián [et al.] ; ed. by G. Daga, P. P. Raimondi. – Rome : Nuova Cultura, 2024. – 139 p. – (IAI Research Studies ; iss. 11). – ISBN 978-88-3365-701-1. – DOI: 10.4458/7011. P – 114.

²²⁰ Алексеевская, Е.С. Ближний Восток и Северная Африка во внешней политике Италии: подходы к проблемам безопасности // Актуальные проблемы Европы. – 2025. – № 4. – С. 250-276. DOI: 10.31249/ape/2025.04.14 (дата обращения: 23.10.2025).

жёсткую риторику с экстернализацией границ и одновременно апеллирует к общеевропейской ответственности, в то время как Германия делает ставку на функциональную интеграцию и квоты, а Франция — на модель ассимиляции. Конфликт интересов проявился и в Ливии,²²¹ где противостояние Италии и Франции из-за поддержки разных фракций ослабило позиции ЕС и подчеркнуло отсутствие единой стратегии.²²²

Сотрудничество с НАТО остается краеугольным камнем безопасности. Участие в операциях Альянса, таких как Sea Guardian, и размещение ключевых баз США (Сигонелла, Неаполь) обеспечивают Италии значимую роль в архитектуре трансатлантической безопасности.

Представляют интерес новые форматы: недавние события — встреча Италии, Великобритании и Японии в рамках программы Global Combat Air Programme (GCAP) и участие авианосной ударной группы «Кавур» в учениях Pitch Black.

На оперативном уровне участие авианосца «Кавур» в учениях Pitch Black позволило впервые задействовать морскую авиацию в этих маневрах. Это демонстрирует готовность Италии к реальным военным операциям вдали от домашних вод, выходящую за рамки дипломатического жеста.

На стратегическом уровне переговоры по программе GCAP с Великобританией и Японией знаменуют углубление технологического и оборонного партнерства.

В совокупности эти шаги отражают постепенный переход концепции «расширенного Средиземноморья» к «глобальному Средиземноморью». Новая стратегия нацелена на укрепление экономических связей с регионом, подкрепленное военным присутствием и стратегическим сотрудничеством.

Вышеописанные меры показали двойственный результат.

Во-первых, временное сокращение потоков нерегулярной миграции через отдельные маршруты (например, после соглашений с Ливией в 2017 г. и Тунисом

²²¹ Противоречия между Францией и Италией не позволяют урегулировать конфликт в Ливии / ИИМЭМО РАН. 2018. URL: <http://www.iimes.ru/?p=47566> (дата обращения: 18.05.2025)

²²² Libya and the Franco-Italian rivalry / GIS Reports Online. 2021. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/italy-france/> (accessed: 18.05.2025)

в 2023/24 гг.), номинальная попытка уследить за координацией внешней и оборонной политики через Tavolo Esteri-Difesa, шаги по модернизации вооруженных сил, продвижение инвестиционной повестки в Африке через «план Маттеи», улучшение комплексности оценки угроз разведкой. Быстрая переориентация энергопоставок с России на Алжир и другие африканские страны после 2022 г.

Во-вторых, систематические нарушения прав человека при реализации миграционных соглашений с третьими странами, подрывающие моральный авторитет Италии; временный характер успехов в сдерживании миграции; зависимость энергобезопасности от нестабильных регионов; сохраняющиеся сложности в противодействии глубоко укорененным террористическим сетям и ОПГ; ограниченность оборонного бюджета (ниже цели НАТО 2%); сложность реализации долгосрочных планов («план Маттеи», GCAP) в условиях бюджетных ограничений и политической нестабильности в странах-партнерах; внутренняя политизация вопроса миграции, ослабляющая единый ответ. Гипертрофированный фокус на экстернализации контроля (соглашения с Ливией, Тунисом, Албанией) отвлекает значительные ресурсы и политическое внимание от развития столь необходимых легальных каналов трудовой миграции, соответствующих потребностям стареющей итальянской экономики (сельское хозяйство, туризм, уход), и от глубокого реформирования системы убежища и интеграции внутри самой Италии²²³. Стратегия борется преимущественно со следствиями, игнорируя глубинные причины миграции и внутренние потребности страны.

Опыт 2022-2024 гг. наглядно демонстрирует, что ставка правительства Мелони на экстернализацию миграционного контроля как на «панацею» способна принести краткосрочный тактический выигрыш в виде снижения цифр прибытий, но достигается он ценой системной уязвимости (зависимость от нестабильных партнеров, смещение маршрутов), глубокого этического кризиса (соучастие в нарушениях прав человека в Ливии и Тунисе) и фундаментальных правовых рисков (юридическая несостоятельность албанского эксперимента). Снижение 2024 г.

²²³ Глубокая, О.А. Внешнее измерение как панацея? Сотрудничество Италии с третьими странами (Ливия, Тунис, Албания) в управлении миграционными потоками (2022–2024) // Политика и Общество. 2025. № 2. С. 99-113. DOI: 10.7256/2454-0684.2025.2.74748 EDN: ZMWIBU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74748.

представляет собой не триумф политики, а скорее паузу, обусловленную изменением структуры потока ('гибридная миграция' через Ливию) и порождающую новые вызовы²²⁴. Устойчивое управление миграцией требует перехода к подлинно сбалансированной стратегии, сочетающей жесткие условия соблюдения прав человека в соглашениях с третьими странами, реформу системы убежища и интеграции внутри Италии/ЕС, и кардинальное расширение легальных каналов трудовой миграции.

Таким образом, Италия сталкивается с комплексом вызовов: сложно контролируемая миграция (через Ливию, Тунис), энергетическая зависимость (Алжир, Нигерия), геополитическая конкуренция (Россия, Китай, США) и гибридные угрозы. Стратегия Рима сочетает жесткие меры контроля границ с гуманитарными инициативами. Однако репрессивные методы и внутриевропейские противоречия ослабляют эффективность миграционной политики. Снижение миграционных потоков носит временный характер, требуя долгосрочных решений через инвестиции в Африку и поиск баланса между требованиями безопасности и гуманитарными обязательствами, к чему и стремится нынешнее руководство. Акцент лишь на силовые меры и закрытие границ не решает системных проблем, корнящихся в неравенстве, климатических изменениях и последствиях внешней интервенции. Усиление роли ЕС в выработке единой, устойчивой миграционной политики, реализация инвестиций в устойчивое развитие Африки («план Маттеи») и создание многосторонних платформ с участием других государств могли бы стать шагами к стабилизации. Однако Средиземноморье рискует остаться зоной перманентного кризиса, где гуманитарные катастрофы и геополитическая конкуренция будут подрывать безопасность Италии и Европы в целом.

Подход Италии к безопасности в регионе отражает её двойственную роль: с одной стороны, страна, реализующая гуманитарные миссии по спасению жизней в море, с другой — активный проводник жесткой политики ЕС по сдерживанию

²²⁴ Глубокая, О.А. Внешнее измерение как панацея? Сотрудничество Италии с третьими странами (Ливия, Тунис, Албания) в управлении миграционными потоками (2022–2024) // Политика и Общество. 2025. № 2. С. 99-113. DOI: 10.7256/2454-0684.2025.2.74748 EDN: ZMWIBU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=74748.

миграции, стремящийся переложить ответственность на третьи страны. Этот парадокс продолжает влиять на её внешнеполитический имидж и отношения с партнёрами.

2.3. НАПРАВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ ИТАЛИИ В РЕГИОНЕ

Экономика Италии характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, госдолг остаётся высоким (137% ВВП²²⁵), что связано с накопленными дефицитами прошлых десятилетий. С другой — страна сохраняет устойчивый профицит торгового баланса с 2012 г., а в 2024 г. впервые обогнала Японию, став четвёртым мировым экспортёром (€626 млрд в 2023 г.). Рост экспорта (прогноз — €700 млрд к 2026 г.) и низкий частный долг (на фоне других стран ОЭСР) указывают на конкурентоспособность промышленности. При этом первичный дефицит бюджета (без учёта долговых выплат) оставался нулевым с 1992 г. до пандемии, что опровергает стереотипы о «жизни не по средствам»²²⁶. Однако эти макроэкономические успехи омрачаются серьёзной структурной проблемой — крайней неравномерностью географического распределения экспорта.

С учетом общего экспорта Италии в \$674,87 млрд в 2024 г.²²⁷, средиземноморский регион (включая ЕС) формирует значительную долю в около 22,6%, однако ключевой дисбаланс сохраняется: на одну Германию (\$76,8 млрд) приходится почти столько же, сколько на все ключевые страны Ближнего Востока и Северной Африки вместе взятые (\$53,3 млрд), что подчеркивает стратегическую зависимость от рынков ЕС и существенный потенциал для диверсификации в сторону южных и восточных экономик Средиземноморья.

²²⁵ The Italian economy and its European outlook. Robert Schuman Foundation. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/781-the-italian-economy-and-its-european-outlook> (accessed: 26.02.2025).

²²⁶ Di Battista A. Alessandro Di Battista: "L'Italia deve dire no al Mes. Senza di noi la Ue si scioglie" – L'intervento sul Fatto Quotidiano. il Fatto Quotidiano, 19 Apr. 2020. Available at: <https://www.ilfattoquotidiano.it/in-edicola/articoli/2020/04/19/litalia-deve-dire-no-al-mes-senza-di-noi-la-ue-si-scioglie/5774896/> (accessed: 04.08.2025).

²²⁷ Trading Economics. Italy Exports By Country. – URL: <https://tradingeconomics.com/italy/exports-by-country> (accessed: 15.10.2025).

Этот структурный перекос и риски чрезмерной зависимости от традиционных партнёров стали ключевым драйвером новой внешнеэкономической стратегии Рима. Ответом стал целенаправленный курс на укрепление партнёрств со странами Глобального Юга, который был резко ускорен в 2025 г. на фоне угрозы таможенной войны с США. В рамках этой стратегии Италия не только наращивает товарооборот, но и выстраивает новую модель отношений, ориентированную на совместные проекты в энергетике, логистике и высоких технологиях.

Италия расположена на перекрёстке четырёх трансевропейских транспортных коридоров. Данные Евростата²²⁸ позволяют сделать вывод, что Италия обладает развитой инфраструктурой, включающей 62 порта, 24 грузовых терминала (7 из которых входят в топ-15 Европы) и 39 аэропортов. Ключевыми конкурентными преимуществами являются лидерство в ЕС по каботажным перевозкам (15% от общего тоннажа) и второе место по морским пассажирским перевозкам (более 53 млн пассажиров ежегодно), что подтверждает эффективность интегрированной логистической системы страны, обслуживающей 121 промышленный кластер и генерирующей рыночную стоимость сектора в 90 млрд евро.

Морской сектор играет колоссальную экономическую роль, обеспечивая 52,4 млрд евро валового внутреннего продукта (ВВП) или 3,3% национального ВВП и создавая 1 млн рабочих мест — 3,6% от всего занятого населения Италии. При этом около 60% всей внешней торговли Италии осуществляется морским путем, а половина всего экспорта движется через национальные порты.²²⁹ Это делает итальянскую портовую инфраструктуру критически важным элементом национальной экономики и стратегическим ресурсом.

Италия укрепляет позиции в круизном секторе (34,3% мирового судостроения) и ро-ро перевозках²³⁰, где три из четырёх ведущих операторов —

²²⁸ Transport in the European Union: Current Trends and Issues / EU. – Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2024. – ISBN 978-92-68-17676-4. – DOI 10.2832/131741. (accessed: 15.04.2025).

²²⁹ Rethinking Italy's 'Enlarged Mediterranean' // ISPI. – 2024. – 11 June. – URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/rethinking-italys-enlarged-mediterranean-176932> (accessed: 15.10.2024).

²³⁰ Прим. Ро-ро (от англ. roll-on/roll-off) — тип морских перевозок, при котором груз (автомобили, техника, трейлеры) заезжает на судно своим ходом или с помощью погрузчиков, а не вертикально поднимается кранами.

итальянские²³¹. Даже в контейнерном сегменте, наиболее пострадавшем от блокады Баб-эль-Мандебского пролива в 2024 г., наблюдается адаптация: трафик перераспределяется через транзитные хабы у Гибралтара (Танжер, Барселона) с последующей перевалкой на фидерные суда в восточную часть моря.

Ключевую роль играют вертикально интегрированные логистические компании, такие как MSC и CMA CGM, которые, используя прибыли периода пандемии, усилили контроль над терминалами, что способствует локализации потоков. Например, стратегия MSC в Джоя-Тауро (Италия) смягчила последствия снижения трафика через Суэц.

Италия активизирует морскую торговлю, фокусируясь на сотрудничестве с Африкой, чей демографический перевес над Европой к 2047 г. станет четырёхкратным. Развитие Магриба как производственного хаба может усилить конкурентные преимущества итальянских портов в ро-ро перевозках, нейтрализуя доминирование контейнеровозов на длинных дистанциях, поскольку ро-ро перевозки эффективны на маршрутах до 1,000–1,500 км, где скорость обработки груза критична. Производственные центры в Магрибе расположены в 300–600 км от итальянских портов. Это позволяет доставлять грузы за 24–48 часов, тогда как контейнеровозы из Азии требуют 20–30 дней, включая перевалку в хабах типа Танжер-Мед²³².

Средиземноморье всё чаще рассматривается аналитиками в трёхмерной перспективе: подводная инфраструктура (кабели+трубопроводы) и контроль над морским дном становятся критичными²³³. Прогнозы роста контейнерного трафика (3,4% в Средиземноморье, 3,7% в Северной Африке) подтверждают устойчивость региона, несмотря на кризисы. Таким образом, Средиземноморье, путем

²³¹ The Mediterranean: A Timeless Strategic and Logistics Hub? [Electronic resource] // ISPI Online. – 2024. – 5 Dec. – URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/the-mediterranean-atimeless-strategic-and-logistics-hub-191215> (accessed: 02.12.2024).

²³² Laroche, F. An Overview of Maritime and Terrestrial Infrastructures in the Mediterranean Basin. In: IEMed Mediterranean Yearbook 2010. Barcelona: European Institute of the Mediterranean (IEMed); 2010. Available at: <https://www.iemed.org/publication/an-overview-of-maritime-and-terrestrial-infrastructures-in-the-mediterranean-basin/?lang=es> (accessed: 04.08.2025).

²³³ The Mediterranean: A Timeless Strategic and Logistics Hub? [Electronic resource] // ISPI Online. – 2024. – 5 Dec. – URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/the-mediterranean-atimeless-strategic-and-logistics-hub-191215> (accessed: 02.12.2024).

адаптивных стратегий и внедрения инновационных решений, укрепляет свою роль как многомерного стратегического узла, где экономические, демографические и технологические тренды формируют новую парадигму взаимодействия между континентами.

В концепции «расширенного», а затем и «глобального» Средиземноморья ключевым элементом стратегии Италии становится активное участие в создании и контроле новых экономических коридоров, призванных перестроить глобальные логистические цепочки. Многосторонним ответом на этот вызов долгое время назывался амбициозный проект трубопровода EastMed, предполагавший поставки газа в Грецию и Италию.

Однако проект столкнулся с комплексом проблем: высокая стоимость (примерно 6,7 млрд долл.²³⁴), сложный рельеф, вопросы окупаемости в условиях энергоперехода и, что ключевое, неразрешенные геополитические противоречия, в первую очередь конфликт между Грецией, Кипром и Турцией. Это привело к его фактической заморозке и отзыву поддержки со стороны США.

Позиция Италии в отношении EastMed остается амбивалентной, «в силу внутренней политической повестки Италия не может определить позицию относительно проекта: Рим то поддерживает EastMed, то отказывается от него»²³⁵. С одной стороны, проект соответствует стратегической цели Рима по диверсификации источников энергоснабжения. С другой, Италия вынуждена балансировать между солидарностью с партнерами по ЕС (Греция, Кипр) и необходимостью выстраивать прагматичные отношения с Турцией, чья последовательность в отстаивании своих интересов делает ее ключевым игроком в регионе.

Таким образом, несмотря на стратегическую привлекательность, реализация крупных инфраструктурных проектов, подобных EastMed, в текущих

²³⁴ Eastern Mediterranean pipeline project. URL: <https://www.nsenergybusiness.com/projects/eastern-mediterranean-pipeline-project/> (дата обращения: 11.03.2025).

²³⁵ Власова, К. В. Восточно-средиземноморский трубопровод (EASTMED) как элемент диверсификации региональных поставок // Современная Европа. – 2024. – выпуск №1 (122) с. 117-128 . С. 117-128. doi: 10.31857/s0201708324010091. С. 125.

региональных условиях крайне сложна. Фокус смещается в сторону более гибких форматов сотрудничества.

На данный момент центральное место отводится проекту IMEC (India-Middle East-Europe Economic Corridor), представленному на саммите G20 в 2023 г. Акцент, который Джорджия Мелони делает на «ключевой роли Италии в запуске данной инициативы»²³⁶, не случаен. Это позволяет Италии позиционировать себя не как периферийного участника, а как архитектора одной из важнейших инфраструктурных инициатив, альтернативных китайскому «ОПОП». Участие в ИМЕС трансформирует географическое положение Италии из пассивного фактора в активный стратегический актив, позволяя стране претендовать на роль незаменимого логистического узла в системе «Восток – Запад».

Показательно в этом контексте упоминание в речи порта Триест. Характеристика его как «самого северного порта Средиземноморья и исторических морских ворот в Центральную и Восточную Европу» содержит глубокий геоэкономический подтекст. Триест в данной логике становится конечным западным терминалом коридора, точкой, где морские пути из Азии и Ближнего Востока трансформируются в сухопутные и речные маршруты, ведущие в промышленные центры Германии, Австрии, Словении и Венгрии. Таким образом, Италия через инфраструктуру Триеста стремится получить рычаги влияния на товаропотоки вглубь европейского континента, усиливая свою переговорную позицию как в рамках ЕС, так и на глобальной арене. Это прямая материализация тезиса о стране-«мосте», где мост понимается не как метафора, а как конкретная инфраструктурная и экономическая реальность. Параллельно с укреплением логистического суверенитета, Италия вынуждена решать и другой ключевой вызов — обеспечение энергетической безопасности.

На фоне развивающейся ситуации вокруг Украины в Европе актуален вопрос ускорения перехода на «зеленые» технологии и отказа от импорта российских газа и нефти. Страны предпринимают все усилия для обеспечения скорейшего перехода

²³⁶ President Meloni's speech at Rome MED Dialogues 2024. (2024) / Governo Italiano. – Roma. – 27.11. – URL: <https://www.governo.it/en/articolo/president-melonis-speech-rome-med-dialogues-2024/27243> (accessed: 23.01.2025).

на возобновляемые источники энергии, но как показывает история, быстро отказаться от давно используемых источников не получится²³⁷. Италия активно использует не только относительно традиционные ресурсы – геотермальную энергию, ветрогенерацию, но и нацелена на внедрение и развитие новых источников, таких как офшорные ветряные системы²³⁸.

Италия далеко не единственный игрок, стремящийся воспользоваться возможностями, представленными сектором возобновляемых источников энергии в Средиземноморье. Россия, Китай, США, ОАЭ, Германия и Иран уже инвестировали миллиарды долларов в проекты возобновляемой энергетики по африканскому континенту. Сотрудничество с партнерами в области возобновляемых источников энергии является одним из ключевых внешних аспектов Европейского зеленого курса, толчком к переходу к энергетике, который должен быть ускорен или, по крайней мере, не остановлен нынешним энергетическим кризисом²³⁹.

Наглядным является стратегическое партнёрство Италии с ОАЭ, включающее инвестиции в 40 млрд долларов в «зелёную» энергетику и искусственный интеллект, а также создание совместного предприятия по строительству военно-морских судов.²⁴⁰

Показательным проектом является создание трехстороннего энергетического альянса Италия-ОАЭ-Албания. В рамках данного формата планируется строительство в Албании генерирующих мощностей на основе ВИЭ объемом до 3 ГВт с последующей частичной передачей выработанной электроэнергии в Италию по новому подводному кабелю.²⁴¹ Данная инициатива не только направлена на диверсификацию энергоснабжения Италии, но и позиционирует ОАЭ в качестве

²³⁷ Овакимян, М.С. Возобновляемые источники энергии в Италии // Мировое и национальное хозяйство. 2022. № 2 (59). С. 52-61. С. 59.

²³⁸ Захаров, А.Н., Игнатян Д.А. Достижения Италии в сфере развития альтернативных источников энергии и применение итальянского опыта в России // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 11. С. 64-75. С.69.

²³⁹ Шакурова, Н.Е. Взаимоотношения России и Европейского Союза в современных условиях // Вопросы политологии. 2023. Т. 13. № 5 (93). С. 2058-2063. С.2061.

²⁴⁰ Авилова, А.В. Италия расширяет сотрудничество с Глобальным Югом // Актуальные комментарии ИМЭМО РАН. 2025. 20 марта. – URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/italiya-rasshiryaet-sotrudnichestvo-s-globalynim-yugom> (дата обращения: 20.09.2025).

²⁴¹ Там же.

глобального инвестора и технологического партнера в секторе энергетического перехода, выходя далеко за рамки традиционной роли экспортера углеводородов.

Проблема обеспечения энергетической безопасности достаточно остро стоит перед современной Италией, правительство которой стремится к максимальной диверсификации энергетических ресурсов, идущих в страну.

Заявление Мелони о намерении стать «главным хабом для энергопотоков между Европой, Африкой и Средиземноморьем»²⁴² является стратегическим ответом на структурный кризис энергобезопасности ЕС, обострившийся после 2022 г. Данная цель выходит далеко за рамки краткосрочных коммерческих выгод; она направлена на кардинальное изменение роли Италии в общеевропейской энергетической архитектуре – от страны-транзитёра и потребителя к стране-распределителю и стратегическому гаранту.

Конкретным инструментом реализации этой амбиции выступают два ключевых инфраструктурных проекта, упомянутых в ранее рассмотренной речи. Во-первых, это проект ELMED – подводный кабель электропередачи постоянного тока между Италией и Тунисом. Его значение заключается в создании первого прямого энергомоста между энергосистемами Северной Африки и континентальной Европы, открывающего путь для импорта «зелёной» электроэнергии из Сахары. Во-вторых, это проект South H2 Corridor – специализированный трубопровод для транспортировки водорода из Северной Африки через Италию в Центральную Европу. Этот проект является краеугольным камнем в стратегии по позиционированию Италии в качестве центра будущей водородной экономики ЕС.

Необходимость диверсификации энергоснабжения (с использованием как ископаемого топлива, так и экологически чистых источников энергии) подтолкнула Италию к укреплению старых и созданию новых партнерских отношений со странами южного побережья Средиземного моря, а также к

²⁴² President Meloni's speech at Rome MED Dialogues 2024. (2024) / Governo Italiano. – Roma. – 27.11. – URL: <https://www.governo.it/en/articolo/president-melonis-speech-rome-med-dialogues-2024/27243> (accessed: 23.01.2025).

сотрудничеству со странами Африки к югу от Сахары с целью превращения Италии в энергетический хаб и достижения автономии от России.

Главной инициативой, объединившей многие экономические сегменты, стал «план Маттеи».

Для стимулирования инвестиций выделено €5,5 млрд (€3 млрд – Климатический фонд, €2,5 млрд – программы развития).

План направлен на преодоление исторической недооценки африканского рынка итальянским бизнесом. Несмотря на значительный потенциал роста, доля Африки в итальянской внешней торговле остаётся маргинальной: согласно *Rebooting Italy's Africa Policy: Making the Mattei Plan Work*, выпущенной аналитиками ISPI²⁴³, представившими данные 2023 г., Северная Африка обеспечивает 2,2% экспорта и 5% импорта Италии, а страны к югу от Сахары — 1% и 1,6% соответственно. Общий товарооборот (€59,5 млрд в 2023 г.) демонстрирует дефицит в €18 млрд, обусловленный зависимостью от импорта энергоресурсов — 64% закупок приходится на газ (35,2%, €13,8 млрд) и нефть (28,8%, €11,3 млрд) из Алжира и Ливии. При этом итальянский экспорт ограничен узким набором секторов, включая нефтепродукты (€3 млрд), что подчёркивает сырьевой дисбаланс.

Существует ряд структурных проблем итальянского присутствия в Африке. Среди них ограниченная вовлечённость бизнеса: число итальянских компаний в Африке остаётся стагнирующим (1 378 в 2021 г.), а их оборот сократился с €38,6 млрд (2017) до €34 млрд (2021). Прямые инвестиции застыли на уровне €26 млрд, что отражает осторожность бизнеса из-за искажённого восприятия рисков и недостатка знаний о локальных рынках. А также географическая концентрация: 90,6% торговли приходится на 10 стран (65,7% африканского ВВП), что игнорирует потенциал Западной Африки и Сахеля.

«План Маттеи», делая ставку на интеграцию с Африканской зоной свободной торговли (AfCFTA), предполагает устранение 97% тарифов к 2030 г. и открытие

²⁴³ Carbone, G., Ragazzi L. *Rebooting Italy's Africa Policy: Making the Mattei Plan Work* // ISPI. 2025. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/rebooting-italys-africa-policy-making-themattei-plan-work-190978> (accessed: 25.02.2025).

доступа к рынку с 1,3 млрд потребителей. Однако успех этой амбициозной цели напрямую зависит от способности итальянских компаний адаптироваться к новым условиям, что осложняется сохраняющимся информационным барьером. Недостаток знаний о разнообразии африканских рынков, особенно среди малого бизнеса, создаёт риски концентрации инвестиций в традиционные секторы, такие как энергетика, усиливая сырьевую зависимость и ограничивая потенциал диверсификации. Для преодоления этих вызовов необходимы не только образовательные программы и углублённый анализ рисков, но и эффективное использование инструментов вроде GRAf и Plafond Africa, призванных расширить участие Италии в несырьевых отраслях. Их результативность, однако, будет определяться способностью сочетать экономические интересы с социально-экологической устойчивостью, а также наладить координацию с местными партнёрами, чьё понимание региональных особенностей критически важно для долгосрочной конкурентоспособности итальянских проектов в условиях динамично меняющихся африканских экономик.

Оценка реальной эффективности плана возможна лишь через призму анализа его конкретных проектов и их прогресса (см. Приложение А, где представлены основные проекты с разбивкой по странам и секторам, а также фиксацией партнеров по проектам и статуса реализации на июнь 2025 г.). Официальные отчеты демонстрируют активную деятельность и расширение проектного портфеля, однако внешняя экспертиза выявляет системные проблемы, ставящие под сомнение глубину и устойчивость достигаемых результатов.

Сравнительный анализ Второй ежегодной отчетности (июль 2025 г.)²⁴⁴ с Первой (ноябрь 2024 г.)²⁴⁵ показывает значительное количественное расширение проектной деятельности. Если в 2024 г. отчет описывал 21 проект, то к середине

²⁴⁴ Relazione sullo stato di attuazione del Piano Mattei - aggiornata al 30 giugno 2025 - Doc. CCXXXIII, n. 2 [Electronic resource] : submitted by the Government to the Chambers on July 9, 2025. – Electron. data. – [B. m.], 2025. – 11 p. – Available at: <https://temi.camera.it/leg19/dossier/OCD18-20828/relazione-sullo-stato-attuazione-del-piano-mattei-aggiornata-al-10-ottobre-2024-doc-ccxxxiii-n-1.html> (accessed: 23.09.2025). – Title from screen.

²⁴⁵ Relazione sullo stato di attuazione del Piano Mattei - aggiornata al 10 ottobre 2024 - Doc. CCXXXIII, n. 1* [Electronic resource] // Camera dei Deputati, Senato della Repubblica. - 2024. - URL: <https://documenti.camera.it/Leg19/Dossier/Pdf/ES0242.Pdf> (accessed: 23.09.2025). - 7 p

2025 г. их число возросло до 64 инициатив, распределенных по шести ключевым направлениям (см. Таблицу 4).

Таблица 4. Динамика реализации проектов «плана Маттеи» по секторам

Сектор	Кол-во проектов (2024)	Кол-во проектов (2025)	Ключевые примеры и статус (на 2025 г.)
Образование/ Формирование/ Культура	5	24	Панафриканский центр по ВИЭ в Марокко (запущен), программа подготовки госслужащих (1500 чел., запуск), Africa Champion Program (SACE).
Энергетика	4	14	«Южный водородный коридор» (SouthH2, стадия соглашения), биотопливо в Кении (реализация), СЭС в Египте (планирование).
Вода/ Инфраструктура	4	12	Коридор Лобито (Италия: взнос 250 млн €), водоснабжение Браззавиля (стадия изучения), кабель Blue Raman (реализация).
Агропром	4	10	Проект в Алжире (7000 га, реализация), центры в Кот-д'Ивуаре и Конго (планирование).
Здравоохранение	4	4	Отделение неонатологии в Кот-д'Ивуаре (стадия изучения), программа в Тыграй, Эфиопия (разработка).

Источник: (составлено автором на основе официальных отчетов за 2024 и 2025 гг.).

Официальная отчетность акцентирует внимание на «успешных кейсах», которые подаются как доказательство операционной эффективности. Наиболее часто приводимым примером является проект сельского хозяйства в Алжире, реализуемый компанией Bonifiche Ferraresi International: сообщается о начале орошения и первой посевной кампании, с планами обработать 7000 га к октябрю 2025 г. и достичь производства 40-45 тыс. тонн зернобобовых. Другим «флагманом» называется Панафриканский центр по ВИЭ в Марокко, где в октябре 2024 г. стартовали первые курсы для менеджеров.

Таблица 5. Противоречия в оценке ключевых проектов «плана Маттеи»

Проект	Официальная позиция (отчет 2025 г.)	Критический взгляд (экспертные оценки)
Коридор Лобито	Пример успешной международной кооперации. Италия внесла 250 млн €. Стратегический проект для развития региона и диверсификации цепочек поставок.	Финансовый вклад Италии скромен на фоне других участников. Отсутствуют ясные механизмы участия итальянских МСП, обеспечения экологических и социальных стандартов (ESG). Риск остаться символическим жестом.
Энерго-коридор Medlink	Перспективный проект по передаче «зеленой» энергии из Северной Африки. Подписаны декларации о намерениях.	Проект находится на концептуальной стадии. Нет утвержденной дорожной карты, анализа затрат, решения регуляторных вопросов. Яркий пример разрыва между риторикой и реальностью.
Водоснабжение Браззавиля (Р.Конго)	Ведутся технические обсуждения проекта (SAEP DJOUE II).	Проект упоминается с 2024 г., но так и не вышел из стадии «изучения» и «диалога». Нет информации о сроках или гарантиях финансирования.

Источник: составлено автором на основе официальных отчетов и аналитики IAI.

Однако критический анализ, представленный в экспертных публикациях (например, IAI²⁴⁶, Info-cooperazione²⁴⁷), указывает, что за количественным ростом скрываются качественные проблемы. Большинство из 64 инициатив находятся на ранних, подготовительных стадиях. Так, из 64 проектов лишь 29 классифицируются как «операционные» (подписание соглашений, публикация тендеров, выделение средств), в то время как остальные 35 остаются на уровне «инициации», «обсуждения» или «оценки осуществимости». Это указывает на то, что план пока в большей степени является машиной по генерации соглашений, нежели по реализации завершенных проектов (см. в Таблицу 5).

Анализ операционной деятельности плана выявляет глубокий разрыв между количественными показателями и качеством реализации. С одной стороны, официальная отчетность демонстрирует значительное расширение географии и тематического охвата, акцентируя успехи отдельных, в основном агропромышленных, проектов. С другой стороны, экспертные оценки указывают на системные проблемы: непрозрачность, отсутствие измеримых результатов, доминирование крупного корпоративного капитала и риски простого «ребрендинга» старых инициатив.

План пока не смог перейти от стадии политических заявлений и подписания соглашений к стадии реализации комплексных, трансформационных проектов, способных оказать долгосрочное положительное воздействие на развитие стран-партнеров. Преодоление этого разрыва является ключевым вызовом для итальянских властей, если они стремятся доказать, что «план Маттеи» – это не просто внешнеполитический нарратив, а реально работающий инструмент партнерства.

Финансовая составляющая является ключевым элементом, определяющим реалистичность амбиций плана. Официальная отчетность представляет сложную и

²⁴⁶ Good Intentions in Need of Good Governance: The Unclear State of the Mattei Plan [Electronic resource] / D. Caballero-Vélez, F. Simonelli // Istituto Affari Internazionali (IAI). – 2025. – 25 July. – URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c05/good-intentions-need-good-governance-unclear-state-mattei-plan> (accessed: 20.08.2025).

²⁴⁷ Cosa dice il secondo stato di avanzamento del Piano Mattei [Электронный ресурс] // Info Cooperazione. – 2025. – 9 luglio. – URL: <https://www.info-cooperazione.it/2025/07/cosa-dice-il-secondo-stato-di-avanzamento-del-piano-mattei/> (accessed: 20.08.2025).

многоуровневую систему финансовых инструментов, призванную мобилизовать значительные ресурсы. Однако критический анализ ставит вопрос о том, является ли эта архитектура действительно новой, или же она, в значительной степени, основана на перераспределении и ребрендинге существующих финансовых потоков, не соответствующих заявленным масштабам.

«План Маттеи» позиционируется как инициатива, способная привлекать капиталы из различных источников. Вторая ежегодная отчетность подробно описывает несколько ключевых инструментов (см. Таблицу 6).

Таблица 6. Ключевые финансовые инструменты «плана Маттеи» (по состоянию на июнь 2025 г.)

Инструмент	Управляющий/ Партнер	Объем/Статус	Основная цель
Plafond Africa	Cassa Depositi e Prestiti (CDP)	500 млн евро	Финансирование итальянских компаний, работающих в Африке.
Гарантии SACE	SACE	2 млрд евро (для ~200 компаний)	Страхование рисков итальянских инвестиций в странах плана.
Misura Africa	SIMEST	200 млн евро (50 млн уже освоено)	Поддержка инвестиций итальянских МСП, включая обучение персонала.
Mattei Plan Facility	Африканский банк развития (АБР)	~140 млн евро (Италия) + 25 млн \$ (ОАЭ)	Софинансирование суверенных проектов в сфере инфраструктур, водных ресурсов.

Платформа GRAf	CDP, АБР	400 млн евро (цель – 750 млн)	Поддержка частного сектора (безопасность питания, МСП, инфраструктуры).
Средства Климатического фонда	Технический комитет (Правительство), CDP	~265 млн евро (одобрено на проекты)	Финансирование «зеленых» проектов в странах плана.

Источник: составлено автором на основе официальных отчетов.

Несмотря на впечатляющий перечень инструментов, подвергается сомнению новизна финансовой модели плана. Существует два ключевых момента.

Отсутствие новых крупных ассигнований. Знаменитая цифра в 5,5 млрд евро, часто упоминаемая как бюджет плана, при детальном рассмотрении оказывается не новыми деньгами, а комбинацией уже существующих финансовых пулов. Как отмечалось еще в ранних анализах, около 3 млрд евро поступают из Итальянского климатического фонда (средства которого были заложены еще при правительстве Марио Драги), а 2,5 млрд евро – из традиционного бюджета сотрудничества в целях развития, управляемого AICS. Таким образом, план Маттеи в значительной степени является механизмом перераспределения и реприоритизации ранее запланированных расходов, а не генератором дополнительных финансовых ресурсов для развития Африки.

Двойственность «зеленого» финансирования. Заявленная приверженность «зеленому» росту вступает в противоречие с практикой. Хотя часть средств Климатического фонда направляется на проекты в области ВИЭ, итальянские компании (в первую очередь ENI) продолжают активно инвестировать в проекты, связанные с ископаемым топливом в Африке. Это создает системное противоречие и риски для стран-партнеров, которые могут оказаться заложниками устаревающей энергетической инфраструктуры.

Одним из наиболее заметных нововведений, анонсированных на саммите в июне 2025 г., стала инициатива по конвертации двустороннего долга. Правительство Италии заявило о намерении в течение 10 лет списать 100% долга наименее развитых стран и 50% долга стран с доходом ниже среднего, что эквивалентно примерно 235 млн евро, с условием направления этих средств на проекты развития.

Эта инициатива, безусловно, имеет позитивный потенциал и соответствует передовой практике в сфере развития. Однако и здесь возникает ряд вопросов. Во-первых, относительно масштаба. Сумма в 235 млн евро (распределенная на 10 лет) достаточно скромна в контексте общих потребностей континента и даже в рамках самого плана. Во-вторых, интересуют механизмы, т.к. отсутствуют детали относительно того, как будет осуществляться конвертация, какие проекты будут приоритетными и как будет обеспечиваться прозрачность использования этих средств. В-третьих, в этом шаге просматривается политическая мотивация как попытка завоевать политическую благосклонность стран-должников и улучшить имидж Италии на международной арене, в частности, в рамках председательства Италии в G7 в 2024, европейских выборов.

Финансовая архитектура «плана Маттеи» представляет собой сложную, но не революционную конструкцию. Она опирается в основном на адаптацию и переориентацию существующих финансовых институтов и потоков, а не на создание принципиально новых источников финансирования. Это ставит под сомнение способность плана мобилизовать ресурсы, адекватные его амбициозным целям.

Эффект левериджа через многосторонние фонды (АБР) является позитивным шагом, но его практическая результативность еще должна быть доказана. В то же время, внутреннее противоречие между «зеленой» риторикой и продолжающимися инвестициями в ископаемые виды топлива подрывает доверие к плану и создает стратегические риски.

Таким образом, финансовое обеспечение «плана Маттеи» на данном этапе характеризуется скорее постепенными улучшениями и тактическими маневрами,

нежели кардинально новой моделью финансирования развития, которая была бы способна конкурировать с масштабами инвестиций таких игроков, как Китай.

Таким образом, финансовые и операционные противоречия «плана Маттеи» ставят вопрос о его способности изменить суть партнерств Италии в регионе. Ярче всего этот разрыв между риторикой и реальностью проявляется не в статистике по новым проектам, а в отношениях с ключевым партнером Рима — Алжиром. Это наиболее репрезентативный пример реализации средиземноморской стратегии Италии, который демонстрирует, как на практике сочетаются энергетический прагматизм, военно-техническое сотрудничество и декларируемое «равное партнерство».

Энергетическая дипломатия служит ярким примером инструментализации экономических рычагов. После отказа от российского газа компания ENI заключила стратегические контракты с Алжиром, демонстрируя использование экономического потенциала для обеспечения энергетической безопасности и укрепления позиций в регионе. Однако парадокс концепции заключается в противоречии между риторикой о «ведущей роли» Италии и ее реальной зависимостью от трансатлантической солидарности в рамках НАТО и политики Европейского Союза, особенно с учетом «Стратегического компаса» ЕС²⁴⁸, предполагающего усиление европейской автономии в сфере безопасности к 2030 г. Изучение этих аспектов позволяет критически оценить потенциал средних держав в формировании региональной повестки в условиях глобальной трансформации миропорядка.

Сотрудничество в энергетической сфере носит характер стратегического симбиоза, составляя основу партнёрских отношений. Алжир, благодаря трубопроводу Transmed и наращиванию поставок после 2022 г., закрепился как главный поставщик газа в Италию (34% импорта)²⁴⁹. Это обеспечило Риму жизненно важную диверсификацию от российских ресурсов, а Алжиру —

²⁴⁸ A Strategic Compass for Security and Defence // European External Actions Service // URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/strategic-compass-security-and-defence-0_en (accessed: 29.04.2022)

²⁴⁹ Roggero, C. Algeria and Italy: A New Era, Scattered with Challenges. ISPI, 4 Sep. 2024. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/algeria-and-italy-a-new-era-scattered-with-challenges-183086> (accessed: 04.08.2025).

беспрецедентный рост доходов (€18 млрд от сделок по углеводородам в 2022 г.)²⁵⁰ и политический капитал. Успех был закреплен новыми соглашениями, подписанными Дж.Мелони уже в январе 2023 г. (ее первый зарубежный визит как премьера), включая возобновление проекта газопровода Galsi (Алжир-Сардиния) и сотрудничество в области зеленого водорода (проект SouthH2 Corridor)²⁵¹.

Однако эта взаимозависимость порождает уязвимость: Италия не могла себе позволить разрыв отношений даже на фоне геополитической оппозиции Алжира, которая выражалась в отказе осуждать начало СВО и в безусловной поддержке палестинского сопротивления — позиции, проводившей прямые параллели с алжирской войной за независимость. Уязвимость усугублялась и ужесточением внутреннего политического курса Алжира. В 2019 г. протесты «Хирак» против пятого срока А. Бутефлики при поддержке военных привели к его отставке. Переход власти под контролем армии завершился избранием А. Теббуна, что положило конец эпохе внешнеполитической пассивности Алжира. Однако низкая явка и недовольство протестующих ослабили позиции нового президента. Активизация внешней политики страны в 2020-х связана не только с внутренними изменениями, но и с глобальными трансформациями, сделавшими традиционные принципы Алжира востребованными на международной арене. Политика президента Теббуна, временно усиливающая милитаризацию управления (например, указ 2024 г. о допуске военных к гражданским должностям), создаёт дополнительные сложности для публичной риторики Италии, вынужденной балансировать между прагматизмом и артикуляцией демократических норм.

Представляет интерес мифологизация истории. Энрико Маттеи как инструмент мягкой силы стал уникальной чертой итало-алжирского сближения. Фигура основателя ENI, погибшего в 1962 г., была активно использована для легитимации партнерства в глазах алжирского общества и элит. Торжественное присвоение имени Маттеи парку в престижном районе Алжира Хайдра во время

²⁵⁰ Talbot, V. Italy's Renewed Activism in the "Wider Mediterranean": A Bet for the Future. ISPI, 4 Oct. 2023. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/italys-renewed-activism-in-the-wider-mediterranean-a-bet-for-the-future-146369> (accessed: 04.08.2025).

²⁵¹ Ibid.

визита президента Серджо Маттареллы в ноябре 2021 г. не было случайным. Правление Теббуна, чья легитимность поддерживается сохранением памяти о войне за независимость (1954-1962), охотно поддержал нарратив о Маттеи как о «друге алжирского народа», якобы отказавшемся сотрудничать с колониальной Францией и поддерживавшем ФНО. Хотя исторические исследования (например, работы Леонардо Пампалони) показывают, что роль Маттеи была менее значительной и более прагматичной²⁵², этот миф стал мощным символическим инструментом. Он позволил:

1. Смягчить восприятие энергетической зависимости как продолжения «прогрессивного» курса Маттеи.
2. Обосновать «план Маттеи» как наследника «антиколониальных» традиций ENI.
3. Создать эмоциональную связь, маскирующую прагматизм сделок.

Военно-техническое сотрудничество развивалось параллельно энергетике, отражая взаимные интересы в безопасности, но не была так ярко подсвечена. Соглашение 2003 г. легло в основу регулярных заседаний двустороннего комитета (2022, 2024)²⁵³. Ключевым проектом стал завод в Сетифе по сборке 70 вертолётов AW139 (совместное предприятие Leonardo и Министерства обороны Алжира). Этот проект для Алжира важен как укрепление обороноспособности и технологического суверенитета (53 вертолета для своих нужд), легитимировал военную элиту. Для Италии – гарантировал многолетние контракты Leonardo, углубляет вовлеченность в региональную безопасность (особенно в Сахеле), создает точки влияния.

Визиты высокопоставленных итальянских оборонных чиновников (Генсека МО Лучано Портоланго в мае 2023, министра обороны Гвидо Крозетто в сентябре 2023) подчеркивали стратегическое значение этого направления. Подписание соглашения о полицейском сотрудничестве в январе 2024 г. (Пиантедози,

²⁵² Roggero C. Algeria and Italy: A New Era, Scattered with Challenges. ISPI, 4 Sep. 2024. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/algeria-and-italy-a-new-era-scattered-with-challenges-183086> (accessed: 04.08.2025).

²⁵³ Ibid.

Чириелли), направленного на борьбу с нелегальной миграцией, наркотрафиком и киберпреступностью, расширило рамки сотрудничества в сфере безопасности, хотя и вызвало озабоченность правозащитников относительно усиления репрессивного аппарата²⁵⁴.

Проекты «плана Маттеи» выглядят как символические жесты на фоне энергетики. Алжир был включен в число девяти приоритетных стран Плана, но конкретные проекты для него (исследовательский центр в Алжире, «пустынное земледелие» Bonifiche Ferraresi в Тимимуне) носили скорее демонстрационный характер. Их масштаб и финансирование (в рамках общего скромного бюджета Плана €5.5 млрд) были несопоставимы с многомиллиардными энергетическими сделками ENI. Это подчеркивало ключевую дилемму Плана в Алжире: невозможность быстро сместить фокус от углеводородов к диверсифицированному партнерству в заявленных приоритетах (агро, вода, образование). План здесь скорее дополнял, а не трансформировал основу отношений.

Алжирский опыт наглядно демонстрирует модель итальянского подхода в Средиземноморье: абсолютный приоритет энергобезопасности оправдывает геополитические и моральные компромиссы (авторитаризм, конфликтные позиции); военно-промышленный комплекс выступает важным стабилизатором отношений и инструментом влияния; инструментализация исторического нарратива (миф о Маттеи) служит для легитимации прагматизма; «план Маттеи» играет вспомогательную, а не системообразующую роль, не меняя энергоцентричной сути партнерства.

Эта модель обеспечила Италии жизненно важные поставки газа, но сделала ее уязвимой к внутренней нестабильности в Алжире и региональным конфликтам, а также воспроизвела асимметрию, которую декларируемое «равное партнерство» «плана Маттеи» призвано преодолеть.

Несмотря на противоречия, наблюдается прагматический подход: даже на фоне войны в Газе (2023-н.в.) стороны продолжили экономическое

²⁵⁴ Roggero, C. Algeria and Italy: A New Era, Scattered with Challenges. ISPI, 4 Sep. 2024. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/algeria-and-italy-a-new-era-scattered-with-challenges-183086> (accessed: 04.08.2025).

сотрудничество, открыв завод FIAT в Оране. В итоге, сотрудничество между Италией и Алжиром можно охарактеризовать как утилитарный альянс, обусловленный совпадением экономических и энергетических интересов. Успех этого партнёрства будет зависеть от способности Алжира диверсифицировать экономику, снижая зависимость от углеводородов, и от готовности Италии учитывать геополитические риски в Северной Африке, включая влияние России и конкуренцию с Марокко.

Марокко также развивает свой сектор возобновляемых источников энергии с момента публикации Национальной энергетической стратегии 2009 г, и Италия, а также другие европейские страны считают эту страну надежным и перспективным партнером по энергопереходу. Итальянские энергетические компании, как крупные (такие как Enel Green power, ENI и Snam), так и малого и среднего бизнеса, уже инвестируют в марокканские возобновляемые источники энергии. Рабат открыто стремится стать средиземноморским и африканским центром в этой области, работая над производством, местным использованием и экспортом солнечной и ветровой энергии, а также, в долгосрочной перспективе, экологически чистого водорода. Развитие рынка экологически чистого водорода и инфраструктуры в Северной Африке чрезвычайно интересно для Рима, о чем свидетельствует инвестиционный план Snam, целью которого является превращение Италии в центр распределения экологически чистого водорода из Северной Африки в Европу в среднесрочной перспективе²⁵⁵.

На уровне высших политических эшелонов власти Итальянской Республики давно ведутся переговоры о начале стратегического партнерства с Марокко, основанного на ряде политических, экономических и культурных инициатив. При этом акцент делается именно на такие области, как энергетический сектор и развитие малого и среднего бизнеса, в которые Италией осуществляются значительные инвестиции²⁵⁶.

²⁵⁵ Ермакова, Е.П. «Солнечные» споры: может ли выход Италии из договора к энергетической хартии привести к его краху? // Государство и право. 2022. № 3. С. 150-163.

²⁵⁶ Гаврилова, С.М. Политика Италии в Средиземноморье: основные партнеры // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021. № 4 (30). С. 71-87. С.81.

Имея очень ограниченные запасы угля, нефти и газа и не производя ядерную энергию, Италия исторически была чистым импортером энергии. Долгая история энергетической зависимости Италии²⁵⁷ неразрывно связана с Ливией и Египтом — двумя ключевыми странами, обеспечивающими её потребности в углеводородах.

Согласно оценкам 2011 г., Ливия располагала крупнейшими в Африке доказанными запасами нефти (до 46,4 млрд баррелей) и находилась на четвёртом месте на континенте по разведанным запасам природного газа (1,6 трлн куб. м).²⁵⁸ Италия стремилась обеспечить прочное экономическое присутствие в Ливии после обретения страной независимости, и это означало, в первую очередь, присутствие нефтяных компаний. Однако если учесть, что после событий 2011 г. нефть и газ представляют собой практически единственный функционирующий сектор ливийской экономики и что бюджет страны полностью зависит от доходов от контрактов, подписанных до смены правительства в стране, следует сделать вывод, что ливийский бюджет в конечном счете в значительной степени зависит от деятельности итальянской компании ENI в этом регионе. Гражданская война в Ливии, однако, не только стала катализатором миграционного кризиса, но и усложнила ситуацию с точки зрения инвестиций. Это еще больше тормозит и без того фрагментированную логистику ливийских энергетических запасов. Крупнейшие запасы нефти и газа распределены по всей стране. В современных рыночных условиях важнейшую роль играют механизмы, способствующие инвестированию в сооружение новых объектов генерации через долгосрочные ценовые сигналы, такие как договоры купли-продажи электроэнергии и рынок мощности, что на данный момент затруднительно²⁵⁹.

С тех пор, как в 2014 г. разразилась вторая гражданская война, нефтяные и газовые месторождения оказались в центре борьбы различных группировок за власть, так как контроль над углеводородной инфраструктурой является важным

²⁵⁷ Спартак, А.Н., Французов В.В. Влияние антироссийских санкций на европейскую экономику // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 12. С. 7-17. С.16.

²⁵⁸ Чем богата Ливия [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 2011. — 22 окт. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1801654> (дата обращения: 01.01.2024).

²⁵⁹ Феррарис, Л. Энергосистема Италии: новые энергоресурсы и рыночные технологии // Электроэнергия. Передача и распределение. 2019. № 3 (54). С. 136-141. С.139.

рычагом для переговоров. Хотя отрасль в основном управляется Ливийской национальной нефтяной корпорацией, государственной компанией, которая работает на совместных предприятиях с международными компаниями, разделение между базирующимся в Тобруке Советом депутатов (возглавляемым Абдуллой ат Тани и поддерживаемым международной коалицией) и базирующимся в Триполи Всеобщим национальным конгрессом привело к созданию альтернативных институтов.

ENI, однако, стремилась сохранить свое стратегическое преимущество в стране, утверждая принцип невмешательства в международные деловые контракты и политические события. На юге страны вся деятельность была приостановлена в течение 2015 и 2016 гг., поскольку месторождения постоянно подвергались нападениям со стороны ополченцев. Тем не менее, вдоль северо-западного побережья близ Меллиты и в оффшорных зонах ENI не только продолжила добычу, но и осуществила новые исследовательские инвестиции в соответствии с соглашениями, заключенными до 2011 г. Будущие перспективы Ливии на данный момент более чем неопределенны. В то время как общий консенсус, которого придерживается итальянское правительство, заключается в поддержке процесса национального воссоединения, параллельно с официальной повесткой осуществляется анализ альтернативных сценариев и ведется ряд закрытых переговоров.. Крупнейший энергетический холдинг Италии – компания ENI – на сегодняшний день является как важным экономическим партнером, так и основным актором энергетической и экономической дипломатии Италии в Ливии²⁶⁰. Однако, Ливия не входит в число стран, для которых предполагается «план Маттеи», можно предположить, что это связано с имиджевыми издержками, поскольку плану нужны хорошие показатели реализации, которых трудно добиться на конфликтной территории. С другой стороны, возможно, Италии достаточно заключенных ранее договоренностей в сфере миграции, что делает избыточным расширения плана на Ливию.

²⁶⁰ Маслова, Е.А., Ушакова Н.В. Средиземноморская политика Италии (окончание) // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 2 (36). С. 107-116. С.110.

Региональные и международные проекты по разработке и коммерциализации газа сопровождаются, особенно в последнее время, эскалацией напряженности и конфликтов на региональном уровне. В частности, Турция, возвращаясь к своему историческому спору о суверенитете с Кипром, претендует на право исследовать греко-кипрские воды, накаляя отношения с Грецией по поводу разграничения соответствующих морских районов. Конкуренция между Италией и Турцией, двумя важными энергетическими игроками Средиземноморья, обостряется из-за их взаимных амбиций по становлению «энергетическим хабом».

Средиземноморская стратегия Италии требует комплексного подхода к энергетической безопасности и устойчивому развитию всего региона, включая разрешения острых вопросов миграции, терроризма и военно-политических противоречий отдельных стран. Усилия Италии по диверсификации энергоснабжения и укреплению международных партнерств направлены на обеспечение долгосрочной энергетической безопасности и устойчивого развития, что является ключевым приоритетом в условиях текущих геополитических и экономических вызовов.

Проведенный анализ позволяет заключить, что архитектура политики Италии в Средиземноморье представляет собой сложный компромисс между амбициями регионального лидерства и системными ограничениями. Стратегия «Расширенного Средиземноморья» служит не столько отражением реального влияния, сколько инструментом легитимации растущих претензий Рима в условиях многополярности и представляет собой многоуровневую систему, включающую, в частности, символическую дипломатию через дискурс «державы-моста» и «цивилизационного посредника». Однако ее практическая реализация обнажает фундаментальные противоречия. «План Маттеи», будучи знаковой инициативой, демонстрирует разрыв между риторикой о равноправном партнерстве и прагматикой, ориентированной на решение внутренних проблем Италии — энергозависимости и миграционного давления. Это воспроизводит традиционную асимметрию в отношениях «Север-Юг», несмотря на декларируемый разрыв с прошлым.

В сфере безопасности стремление к роли стабилизирующей силы наталкивается на дилемму между требованиями безопасности и соблюдением прав человека, что ярко проявляется в политике экстернализации границ. Тактические успехи в сокращении миграционных потоков достигаются ценой стратегической уязвимости — зависимости от нестабильных правительств и эрозии морального авторитета.

Экономически, несмотря на объективный потенциал стать логистическим и энергетическим хабом, Италия остается заложником структурных дисбалансов: ее экспортная мощь сосредоточена в ЕС, а диверсификация на юг сталкивается с жесткой конкуренцией и недостатком ресурсов. Таким образом, основной вызов для Рима заключается не в создании новых концепций, а в преодолении глубокого разрыва между масштабной внешнеполитической нарративой и ограниченной операционной способностью трансформировать нестабильную региональную среду.

ГЛАВА 3: ВЛИЯНИЕ ВНЕРЕГИОНАЛЬНЫХ АКТОРОВ НА ВНЕШНЮЮ ПОЛИТИКУ ИТАЛИИ В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

3.1. ФАКТОР РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СРЕДИЗЕМНОМОРСКОМ ВЕКТОРЕ ИТАЛИИ

Средиземноморский регион всегда был центром геополитических интересов множества держав, и в настоящее время влияние внешних акторов на внешнюю политику стран региона, включая Италию, стало особенно заметным. В этой главе мы рассмотрим, как ключевые игроки на международной арене — Российская Федерация, Соединённые Штаты Америки и Китайская Народная Республика — формируют динамику Средиземноморья и влияют на стратегические решения Италии.

Российская политика в Средиземноморье представляет собой комплексную стратегию, направленную на укрепление геополитических позиций страны, обеспечение национальной безопасности и расширение экономического влияния. Данный раздел посвящен анализу этой политики, её стратегических целей и влияния на региональную динамику. Особое внимание уделяется эволюции российского присутствия в регионе, энергетической политике и восприятию российской стратегии итальянскими экспертами.

Статус Российской Федерации, как глобального актора мировой политики, самостоятельной многонациональной державы и консолидирующей силы, накладывает определенные обязательства в сфере глобального управления и безопасности. Особую ответственность Россия несет перед своими гражданами, проживающими на территории страны и за её пределами. В этой связи перед Россией стоит задача в поддержании стабильного мирового развития и достаточного уровня управляемости, чтобы оградить себя и мировое сообщество от негативных последствий сегодняшнего дня и будущих катаклизмов, в том числе «черных лебедей», каким стала пандемия.

Современная внешнеполитическая стратегия России формируется в контексте фундаментальных изменений мировой архитектуры, где на смену доминированию однополярной модели приходит система с множеством центров силы. Этот переход, сопровождающийся кризисом глобализации, перераспределением экономического влияния и трансформацией международных институтов, определяет ключевые ориентиры российской дипломатии.

Контент-анализ Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г. выявил ключевую направленность желаемого будущего нашего государства-цивилизации – самыми часто используемыми словами стали развитие и безопасность. Красной нитью проходит запрос на справедливость: консенсус, верховенство права и партнерство. Полицентричный миропорядок и демонополизация мировой экономики могут стать реальной альтернативой, однако их достижение в краткосрочной и среднесрочной перспективе потребует больших вложений от нас и наших единомышленников.

Российская Федерация не является исключением в стремлении к усилению своего влияния в рассматриваемом стратегически значимом пространстве. Исторически Россия проявляла интерес к Средиземноморью, начиная со времен Российской империи, когда контроль над проливами и выход к тёплым морям был одной из главных целей внешней политики.

Российская империя, а затем и Советский Союз, всегда пристально наблюдали за процессами, протекающими в Средиземноморье, рассматривая его как важный регион для обеспечения национальной безопасности и расширения геополитического влияния. Этому способствовали как военно-стратегические интересы, так и экономические и культурные связи с регионами Южной Европы, Северной Африки и Ближнего Востока.

Во времена Холодной войны Средиземноморье являлось ключевой ареной стратегического соперничества между Западом и СССР. С тех пор многое изменилось, но этот регион по-прежнему остается важным узлом мировой политики, где пересекаются и взаимодействуют, конкурируют и конфликтуют различные культуры, традиции и интересы.

В современной эпохе этот интерес приобретает новые формы и аспекты.

Сегодня Россия ставит перед собой более скромные цели в Средиземноморье по сравнению с амбициями Советского Союза, который стремился поддерживать военно-стратегический и политический паритет с Западом. В отличие от советской внешней политики, насыщенной идеологическими компонентами, российский подход в отношении средиземноморских стран является прагматичным и направлен на сохранение исторических связей и контактов с различными силами, действующими в регионе.

Россия обладает рядом преимуществ перед другими участниками в Средиземноморье. Будучи единственным постоянным членом Совета Безопасности ООН, который не зависит от ближневосточных энергоресурсов и не имеет колониального прошлого, Россия занимает особое положение. Кроме того, Россия активно позиционирует себя как защитница восточных христиан, ставших жертвами насилия со стороны радикальных и террористических группировок²⁶¹.

Россия стремится обрести новый статус в Средиземноморском регионе, соответствующий меняющейся геополитической обстановке.

Основными векторами заинтересованности России в регионе выделяются:

1. стратегическое присутствие и военно-политическая стабильность;
2. относительная близость Восточного Средиземноморских стран до границ СНГ;
3. ограничение притока террористов и религиозных фундаменталистов из региона до территории Северного Кавказа;
4. достижения стабильности в области экономического и торгового сотрудничества;
5. дипломатическая поддержка полицентричного мироустройства.

Средиземное море занимает важное место в стратегических планах страны. В 2017 г. был обнародован документ под названием «Основы государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года», который требует обеспечения постоянного военно-морского

²⁶¹ Малышева, Д.Б. Россия в Средиземноморье: геополитика и современные интересы [Текст] / Д.Б. Малышева // Международная жизнь. – 2015. – № 11. – С. 111 – 123.

присутствия России в Средиземном море и «других стратегически важных районах Мирового океана, в том числе в районах прохождения основных морских транспортных коммуникаций»²⁶². Это свидетельствует о долгосрочных планах России по укреплению своего влияния в регионе.

В Морской доктрине Российской Федерации от 2022 г. подчеркивается необходимость развития отношений с государствами Ближнего Востока и Северной Африки, прилегающими к Средиземному и Красному морям. В документе также отмечается целенаправленный курс на обеспечение военно-политической стабильности в Ближневосточном регионе и укрепление партнёрства с Сирийской Арабской Республикой, включая всестороннее содействие урегулированию региональных конфликтов. Одним из ключевых аспектов является обеспечение постоянного военно-морского присутствия России в Средиземном море через пункт материально-технического обеспечения Военно-Морского Флота на территории Сирии, а также создание и развитие аналогичных пунктов в других государствах региона. Доктрина акцентирует внимание на развитии экономического и военно-технического сотрудничества с государствами Средиземноморского бассейна, а также на продвижении туристического круизного судоходства из портов Средиземного моря в порты Крыма и Краснодарского края. Кроме того, важным элементом является проведение морских научных исследований, направленных на сохранение и укрепление позиций Российской Федерации в регионе.²⁶³

Военная кампания в Сирии, начатая в 2015 г., стала ярким свидетельством внимания Российской Федерации к региону. Однако сближение Москвы с Дамаском представляло собой лишь один аспект гораздо более широкого и амбициозного стратегического курса. Активизация действий России в регионе была вызвана, прежде всего, соображениями национальной безопасности, которые

²⁶² Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года : указ Президента Российской Федерации от 20 июля 2017 г. № 327 // Администрация Президента России. 2021. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42117/page/2> (дата обращения 15.02.2020).

²⁶³ Указ президента Российской Федерации об утверждении Морской доктрины Российской Федерации, 31.07.2022. // Официальный сайт МИД России URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1688734/ (Дата обращения: 01.08.2022).

требовали противодействия угрозам, исходящим из этого района. Усиление российской военной активности происходило на фоне непрерывного ухудшения отношений с Западом.²⁶⁴

10 лет спустя, в июне 2025 г., уход российского военно-морского флота из Средиземного моря ознаменовал свертывание военно-морского присутствия России в регионе. Ключевой причиной стала утрата пункта материально-технического обеспечения в Тартусе (Сирия) после расторжения договора аренды новыми сирийскими властями в декабре 2024 г. Это лишило российские корабли возможности проводить обслуживание и ремонт, сделав длительное оперативное присутствие невозможным.

Геополитическая изоляция усугубила ситуацию. Стратегия западных стран, направленная на вытеснение России, включала предложения снятия санкций сирийской оппозиции в обмен на вывод российских баз. Параллельно США и НАТО наращивали в регионе группировку, демонстрируя превосходство. Попытки России найти альтернативные точки базирования в Ливии или Судане были заблокированы дипломатическим и экономическим давлением Вашингтона.

Стратегическую уязвимость усилила блокада Босфора Турцией, действующая с 2022 г. Это исключило прямую связь Черноморского флота со Средиземноморьем. После потери Тартуса логистическая цепочка растянулась до портов Балтики, что резко повысило сложность и стоимость поддержания кораблей на удаленном театре.

Техническое состояние флота также сыграло негативную роль. Корабли, в основном унаследованные от советской эпохи, требовали регулярного ремонта. Длительное развертывание без ротации, как в случае с фрегатом «Адмирал Григорович», вело к физическому износу и истощению экипажей. Экономические ограничения и перераспределение ресурсов на другие направления окончательно подорвали возможности флота.

²⁶⁴ Сурков, Н.Ю. Региональные приоритеты и партнёры России в Восточном Средиземноморье. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 4. С. 84-89.

Эскалация ближневосточного кризиса в 2025 г. продемонстрировала сложность оказания влияния на ситуацию в регионе. Лишенная инфраструктуры и союзников, Россия вытесняется США и НАТО, стремящимися играть доминирующую роль. Таким образом, уход флота стал следствием совокупности факторов: потери базы, геополитического давления, логистических барьеров и ресурсных ограничений.

Вероятно, этот шаг знаменует собой переход к новой фазе российской политики в Средиземноморье, которая будет определяться в основном дипломатическими и экономическими инструментами. Военная составляющая, ранее игравшая ключевую роль в обеспечении безопасности, уступает место другим формам взаимодействия с региональными акторами. Таким образом, произошла стратегическая адаптация российской политики к изменившимся внешним условиям и ресурсным возможностям.

Однако выполнение этой задачи в настоящее время значительно затруднено из-за резкого ухудшения отношений с США и евроатлантическим сообществом в связи с событиями на Украине. Ухудшение отношений привело к беспрецедентной со времен Холодной войны кампании санкционного давления и попытки международной изоляции России. Эти меры носят комплексный и целенаправленный характер, стремятся подорвать экономические и стратегические основы российской внешней политики.

Основной удар пришелся на финансовую систему и ключевые сектора экономики. Ведущие российские банки были отключены от международной системы межбанковских расчетов SWIFT, а активы Центрального банка РФ в юрисдикциях стран «коллективного Запада» — заморожены. Это создало серьезные трудности для международной торговли и поддержки курса национальной валюты²⁶⁵. Параллельно были введены масштабные ограничения на поставки высокотехнологичной продукции — от микрочипов и комплектующих для оборонной промышленности до оборудования для энергетического и

²⁶⁵ Российский «пояс соседства» в условиях санкционной войны: Научный доклад / Под ред. Л.Б. Вардомского (отв. ред.), И.А. Коргун, Н.В. Куликовой, А.Г. Пылина. — М.: Институт экономики РАН, 2022. — 118 с. — С.13.

высокотехнологичного секторов. Цель — замедлить технологическое развитие страны и подорвать потенциал ее военно-промышленного комплекса. Особое внимание было уделено энергетическому сектору, исторически бывшему основой российского экспорта: Европейский союз взял курс на поэтапный отказ от российской нефти, газа и угля, лишая Москву критически важного источника доходов.

На международной арене Россия столкнулась с усилением дипломатического давления. Даже в рамках ООН, Россия сталкивается с регулярными препятствиями²⁶⁶ и ветируемыми резолюциями²⁶⁷. Была развернута кампания по ограничению возможностей российской "мягкой силы": закрытие культурных центров, приостановка программ академических обменов и ужесточение визового режима затруднили неформальные контакты, что может подорвать имидж страны за рубежом.

Эта изоляция напрямую затруднила выполнение Россией ее задач в Средиземноморье. Санкции осложнили финансовые расчеты и логистику для совместных проектов. США и их союзники стали оказывать системное давление на страны региона, требуя сократить сотрудничество с Москвой.

Несмотря на эти вызовы, Россия продолжает искать пути для укрепления сотрудничества и взаимодействия в регионе, стремясь укрепить свои позиции и способствовать стабилизации международной обстановки.

Российские энергетические компании начали активно искать партнеров для работы в Средиземноморье ещё в начале XXI века. Важным шагом стало заключение в ноябре 2006 г. соглашения о стратегическом партнерстве между ENI и "Газпромом". Это соглашение открыло возможности для реализации совместных

²⁶⁶ Российским дипломатам вновь не дали визы США для участия в мероприятиях по линии ООН [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. — 2023. — 6 марта. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5862837> (дата обращения: 14.04.2025).

²⁶⁷ Интервью директора Департамента международных организаций МИД России К. М. Логвинова информационному агентству ТАСС, 23 сентября 2025 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. — 2025. — 23 сент. — Режим доступа: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/2048233/ (дата обращения: 23.09.2025).

проектов в области переработки и сбыта газа (midstream и downstream), а также разведки и добычи (upstream) и технического сотрудничества²⁶⁸.

Дальнейшее расширение российского присутствия в энергетическом секторе региона произошло в 2017 г., когда «Роснефть» приобрела у ENI 30-процентную долю в египетском месторождении Зохран. В том же г. консорциум, включающий НОВАТЭК, ENI и Total, выиграл тендер на два шельфовых участка в Ливане. Эта стратегия приобретения миноритарных долей позволяет России минимизировать политические риски и прямую конкуренцию с Западом, сохраняя при этом значимое присутствие в регионе²⁶⁹.

Современная мировая энергетика переживает глубокую структурную трансформацию, вызванную как последними геополитическими потрясениями, так и долгосрочными трендами, включая фрагментацию рынков и движение к многополярной мировой архитектуре. В этом контексте роль Российской Федерации как глобального энергетического игрока претерпевает стратегическую переориентацию, что имеет непосредственное значение и для Средиземноморского региона.

Несмотря на беспрецедентное внешнее давление, российский топливно-энергетический комплекс (ТЭК) демонстрирует высокую устойчивость²⁷⁰. Отрасль, сохраняющая ключевое значение для национальной экономики, успешно адаптируется к новым условиям, стабилизировав производственные показатели и осуществив масштабную переориентацию экспортных потоков. Это подтверждает статус России как надежного поставщика энергоресурсов, который остается активным участником международного энергетического сотрудничества.

Стратегические основы энергетической политики, включая взаимодействие с внешними партнерами, закреплены в ряде обновленных ключевых документов:

²⁶⁸ «Газпром» и итальянская ENI подписали Соглашение о стратегическом партнерстве // Газпром. 2006. 14 нояб. URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2006/november/article55943/> (дата обращения 11.12.2021).

²⁶⁹ Сурков, Н.Ю. Региональные приоритеты и партнёры России в Восточном Средиземноморье. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 2021. № 4. С. 84-89.

²⁷⁰ Конопляник, А. А. Великий перелом в мировой энергетике [Текст] // Эксперт. 2023. № 4. С. 54–55.

Энергетической стратегии до 2035 г.²⁷¹, Доктрине энергобезопасности²⁷² и обновленной Концепции внешней политики 2023 г.²⁷³. Последняя вводит дифференцированный подход к международным отношениям, что напрямую влияет на энергетическую дипломатию. Акцент смещается на укрепление связей с конструктивно настроенными странами, к которым относятся и многие государства Средиземноморского бассейна, не присоединившиеся к санкционному режиму.

Ответом на ограничительные меры Запада стал стратегический «разворот на Восток» и активизация сотрудничества со странами «глобального Юга». В рамках этой переориентации Средиземноморский регион, находящийся на стыке Европы, Азии и Африки, приобретает новое стратегическое значение. Он рассматривается как потенциальный узел сотрудничества и логистический хаб в выстраивании новых, деполитизированных цепочек поставок энергоресурсов.

Россия должна выйти из сложившегося кризиса с наименьшими потерями, воспользовавшись узким коридором возможностей, представленным переориентированием на первостепенное сотрудничество с Незападными странами.

«Разворот на Восток», акцентирующий усиление связей с азиатскими странами, является важной стратегией в условиях текущей глобализации и сдвига экономической активности в сторону Азии.

Однако это не должно означать полный уход от взаимодействия с европейскими и средиземноморскими странами. Политическая ситуация изменяется с высокой динамикой, что требует от России гибкости в формировании внешней политики.

Сотрудничество с государствами Средиземноморья по широкому спектру вопросов позволяет России более эффективно продвигать свою концепцию полицентричного и справедливого мирового порядка. Традиционно Россия

²⁷¹ Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года [Текст]: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 1523-р.

²⁷² Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации [Текст]: утв. Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 216.

²⁷³ Концепция внешней политики Российской Федерации [Текст]: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229.

воспринимается в ряде стран Средиземноморского региона, особенно в его южной части, как значимый противовес западной экспансии. Такая роль России обусловлена её историческими, культурными и политическими связями с этими государствами, а также её стремлением предложить альтернативные подходы к вопросам международной политики и безопасности.

Это восприятие усиливается благодаря активной дипломатической деятельности России, её участия в миротворческих инициативах и поддержке суверенитета государств региона. Россия также предлагает экономическое сотрудничество и инвестиции в инфраструктурные проекты, что способствует укреплению двусторонних отношений.

Кроме того, Россия активно продвигает культурные и гуманитарные обмены, которые способствуют взаимопониманию и укреплению дружеских связей между народами. В результате, многие страны Средиземноморья видят в России надёжного партнёра, способного предложить альтернативные решения и поддерживать баланс сил в регионе.²⁷⁴

Итальянские исследователи по-разному оценивают роль и влияние России в Средиземноморье. Тиберио Грациани, президент Института высоких исследований в области геополитики и вспомогательных наук (IsAG), подчеркивает кооперативный характер российской политики в регионе. По его мнению, Россия стремится к активизации дипломатических каналов и поиску общих решений в области геостратегической и военной безопасности²⁷⁵.

С другой стороны, Федерика Фазанотти из GIS рассматривает российскую стратегию в Средиземноморье как способ противостоять давлению Запада. Она отмечает, что внимание России все больше переключается на Африку, в частности на Ливию²⁷⁶. Интересно отметить историческую перспективу: «Средиземноморье и Черное моря исторически рассматривались многими российскими элитами как

²⁷⁴ Малышева, Д.Б. Россия в Средиземноморье: геополитика и современные интересы [Текст] / Д.Б. Малышева // Международная жизнь. – 2015. – № 11. – С. 111 – 123.

²⁷⁵ Santi, T. Il ruolo della Russia nel Mediterraneo // SPUTNIK. 04.12.2017. URL: <https://www.europamediterraneo.com/quale-ruolo-della-russia-nel-mediterraneo/> (accessed 11.12.2022).

²⁷⁶ Fasanotti, F. The Russian strategy in the Mediterranean // GIS. 25.06.2024. URL: <https://www.gisreportsonline.com/r/russia-mediterranean/> (accessed: 25.06.2024).

единый водоем»²⁷⁷. Это восприятие помогает понять долгосрочные стратегические интересы России в регионе.

Несмотря на это, историческая база сотрудничества остаётся значимой:

- Экономика: Италия — 8-й торговый партнёр России (2023), сохраняется деятельность итальянских компаний в РФ, роль Итало-Российской торговой палаты.
- Энергетика: преемственность с советскими проектами (контракт 1969 г. на поставки газа).
- Культура и наука: работают совместные программы в археологии, истории, искусстве (выставки, концерты, кинопоказы), хотя академические обмены и исследования ограничены санкциями (с 2022 г.).
- Межрегиональные связи: более 40 соглашений между субъектами РФ и итальянскими регионами.

Институциональная основа (Договор о дружбе 1994 г., План действий 1998 г.) и исторические прецеденты восстановления отношений (после 1944 г.) указывают на потенциал диалога. Однако текущая динамика определяется внешнеполитической конъюнктурой: даже в гуманитарной сфере, несмотря на помощь, оказанную Италии во время пандемии в 2020 г., сотрудничество носит эпизодический характер.

Российско-итальянские отношения, обладающие многовековой историей и глубоким культурно-экономическим взаимодействием, переживают системный кризис на фоне геополитической конфронтации Запада с Россией. Присоединение Италии к санкциям ЕС (с 2014 г.), поддержка Киева в рамках украинского конфликта, включая военно-техническую помощь и заморозку российских активов, а также ограничение дипломатического диалога (массовые высылки дипломатов, денонсация парламентских соглашений), участие в гибридной войне²⁷⁸ привели к

²⁷⁷ Goldstein, L. J. and Zhukov, Y. M. A Tale of Two Fleets---A Russian Perspective on the 1973 Naval Standoff in the Mediterranean // Naval War College Review. 2004. Vol. 57. No. 2. Article 4. P. 4. Available at: <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol57/iss2/4>.

²⁷⁸ Глубокая, О.А. Итальянский фронт европейской гибридной войны против России Блог Лаборатории аналитики ИАМП РСМД <https://russiancouncil.ru/blogs/laiamp/italyanskiy-front-evropeyskoy-gibridnoy-voyny-protiv-rossii/> (дата обращения: 24.05.2024).

свёртыванию ключевых двусторонних механизмов: приостановлены межгосударственные консультации (МГК), формат «два плюс два», деятельность Экономсовета и гражданских форумов.

Противоречие между структурной взаимозависимостью в областях энергетики культуры и политической конфронтацией формирует асимметричную модель отношений, где прагматичные интересы сталкиваются с идеологическими барьерами коллективного Запада. Это создаёт вызовы для восстановления доверия, но оставляет ниши для точечного взаимодействия через негосударственные каналы. В сложившейся ситуации найти общие точки соприкосновения становится непростой, но критически важной задачей.

С 2022 г. наблюдается практически синхронная активизация России и Италии на африканском направлении, ставшем приоритетом в итальянском понимании «расширенного Средиземноморья». Для России это сближение обусловлено стремлением диверсифицировать свои внешнеэкономические связи и укрепить связи с мировым большинством. Африка представляет собой важный рынок для российских энергоносителей, вооружений и технологий, а также потенциальный источник стратегических ресурсов. Италия, в свою очередь, рассматривает Африку как ключевой регион для обеспечения энергетической безопасности и диверсификации поставок энергии. Итальянские компании активно участвуют в инфраструктурных и строительных проектах на африканском континенте.

Синхронная активизация России и Италии на африканском направлении создает ситуацию, когда национальные интересы Италии и России, ранее не пересекающиеся, центрируются на Африке. Это приводит к конкуренции в регионе. Дальнейшее исследование этой темы может быть сосредоточено на анализе долгосрочных последствий российской политики в Средиземноморье для региональной стабильности и международных отношений в целом.

Италия, как и любая другая страна, имеет в своей внешнеполитической практике примеры как успешных, так и неудачных решений. России важно внимательно изучить и учесть как позитивный, так негативный опыт Италии в Средиземноморском регионе, чтобы избежать аналогичных ошибок.

Наиболее рельефно точки соприкосновения проявляются в трёх смежных сферах: африканской политике, подходах к регулированию миграции и использовании инструментов «мягкой силы». Анализ этих аспектов позволяет выявить разность подходов.

1) Африканский вектор.

Современная Африка, континент огромных возможностей, остается регионом сложных вызовов — от политических конфликтов и терроризма до слабости государственных институтов. Как отмечают эксперты, многие страны здесь с благодарностью вспоминают поддержку СССР в борьбе за независимость в 60–80-е гг. XX века, однако после его распада и переориентации Африки на Запад российское присутствие почти исчезло²⁷⁹. Тридцатилетний интервал, ознаменовавшийся ослаблением российского влияния, сменился фазой активной внешнеполитической переориентации и позиционирования в качестве союзника в борьбе с неокOLONIALИЗМом и защитника суверенитета, выступающего за многополярный мир, в отличие от западной концепции «правил», которую критикуют многие африканские государства. Это показывает, что в ближайшем будущем намечается конфликт африканских векторов внешних политик.

Безопасность континента требует совместных усилий, и ключевые игроки демонстрируют разнообразие подходов. США, перейдя от миротворчества времен холодной войны, теперь фокусируются на сдерживании России и Китая, называя их «ревизионистскими силами».

Китай, активно внедряясь через ОПОП, сочетает экономическую экспансию с военно-политическими инструментами — от миротворчества ООН до борьбы с пиратством.

Европейский союз, а также Италия, большую часть времени двигающаяся в формате общего курса опирается на экономическое сотрудничество и безопасность, которые часто доминируют в дискуссиях, их связь простирается дальше, охватывая, как минимум в дискурсе, четыре ключевых направления:

²⁷⁹ Западные и незападные акторы в обеспечении безопасности в Африке : доклад No 89 / 2023 / [А.Р. Андропова, Т.С. Богдасарова, С.А. Бокерия и др.; под ред. Е.О. Карпинской, Т.С. Богдасаровой, С.М. Гавриловой]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2023. — 72 с.

дипломатия, многосторонность и глобальное влияние; устойчивый экономический рост, развитие и финансовая стабильность; коллективная безопасность и оборона; климатические изменения и миграция²⁸⁰. Эти многогранные проблемы требуют целостного понимания, поскольку они определяют не только настоящее, но и будущее отношений ЕС и Африки.

Партнерство ЕС и Африки выходит за рамки исторических связей, укорененных в современных и будущих вызовах, которые объединяют континенты общими интересами и взаимосвязанными судьбами.

Эксперты подчеркивают: корень проблем — в слабости африканских институтов и внутренних противоречиях, но их решение зависит прежде всего от самих африканцев. При этом каждая внешняя сила — будь то Россия, Китай, США или страны ЕС — предлагает уникальные механизмы, отражающие её интересы. Однако общий вывод остается неизменным: устойчивая безопасность в Африке возможна лишь через баланс суверенитета, международного сотрудничества и отказа от имперских амбиций прошлого.

Осознание глубины этой взаимозависимости критически важно для всех сторон, чтобы сформировать общее видение и совместные действия. Например, климатические кризисы усугубляют миграционные потоки, а экономическое неравенство влияет на безопасность, создавая сложную сеть взаимосвязей, где решение одной проблемы зависит от прогресса в другой.

Россия рассчитывает на долгосрочное партнерство со странами Африканского континента, поэтому важно стремиться к равноправному взаимодействию с африканскими странами. Это подход, который предполагает взаимное уважение интересов и нужд обеих сторон, что может стать основой для устойчивых и продуктивных отношений.

В контексте итальянской внешней политики в Африке можно наблюдать другой подход. Итальянская стратегия часто критикуется за неравноправность, особенно в экономических и торговых отношениях. Италия имеет тенденцию

²⁸⁰ Europe-Africa: A Special Partnership [Электронный ресурс] / Institut Montaigne. – 2019. – URL: <https://www.institutmontaigne.org/en/publications/europe-africa-special-partnership> (дата обращения: 05.07.2024).

использовать свои экономические и политические рычаги для достижения национальных интересов, что иногда воспринимается партнерами как эксплуатация или несбалансированность. Это может проявляться в форме навязывания условий, которые преимущественно выгодны итальянской стороне, например, в контрактах на разработку природных ресурсов или в инфраструктурных проектах, что в очередной раз было выявлено по итогам Саммита Италия-Африка 2024.

Продолжающаяся конкуренция подходов может привести к дальнейшей фрагментации политического ландшафта Африки, где одним странам-партнёрам будет отдан приоритет Россией, а другим — Италией и ЕС, что создаёт риски формирования новых разделительных линий.

2) Миграционная политика.

В сфере миграции подходы двух сторон также демонстрируют принципиальные различия, хотя и имеют общую цель — снижение миграционного давления. Италия пришла к выводу, что необходимо решать первопричину миграции, а не только её последствия. Этот подход может быть полезен для России, особенно в контексте управления миграционными потоками из нестабильных регионов.

Италия столкнулась с массовыми миграционными кризисами, когда мигранты прибывали на её берега в поисках убежища или лучшей жизни, часто из стран Северной Африки и Ближнего Востока. В ответ на это итальянское правительство начало активно работать со странами происхождения мигрантов, вкладывая средства в их экономическое развитие, образование и инфраструктуру, чтобы уменьшить причины, побуждающие людей покидать свои дома.

«С учетом имеющихся у России проблем с миграцией из государств Центральной Азии, где внутривнутриполитическая ситуация оставляет желать лучшего, ни в коем случае и ни при каких обстоятельствах нельзя допустить втягивания РФ

в европейские проблемы с мигрантами, поскольку это может привести к непредсказуемым по тяжести, сложности и масштабности последствиям».²⁸¹

Российский взгляд на проблему, формирующийся в контексте миграционных потоков из Центральной Азии, может быть адаптирован с учётом итальянского опыта, но имеет свою специфику. Для Москвы приоритетом является стабилизация ситуации в странах исхода через инвестиционные проекты и политическое взаимодействие, что коррелирует с итальянской логикой. Однако, в отличие от Италии, для которой мигранты — это внешний вызов, для России они являются также и внутренним фактором, требующим интеграционной политики. Это формирует у российского подхода двойную направленность: помощь в развитии стран исхода параллельно с созданием в России условий для профессиональной и социальной адаптации мигрантов. Таким образом, конфликтность проявляется не в прямой конкуренции за один и тот же объект влияния, а в продвижении принципиально разных моделей взаимодействия.

3) «Мягкая» сила.

Инструменты «мягкой силы» становятся ещё одним полем соперничества. Италия исторически опирается на мощь своего культурного и исторического наследия, используя научную и культурную дипломатию для укрепления имиджа и связей в Средиземноморье. Культурная, научная дипломатия и педагогика играют значительную роль в формировании мягкой силы Италии на международной арене²⁸².

Анализ методов и принципов итальянской публичной дипломатии в Средиземноморском регионе позволяет выявить ряд эффективных практик, потенциально применимых для адаптации в российских условиях. В этой связи, актуальной задачей для отечественной исследовательской мысли становится формирование и разработка современных подходов, направленных на усиление

²⁸¹ Новые вызовы и угрозы национальным интересам России в Средиземноморском регионе / А. А. Михлин, В. В. Молочный, С. Н. Охремчук [и др.] // Военная мысль. – 2020. – № 6. – С. 24-42. – EDN VYUMWL. С. – 40.

²⁸² Глубокая, О. А. Образование как инструмент публичной политики Италии в Средиземноморском регионе / О. А. Глубокая // "Мягкая сила" в Черноморско-Средиземноморском регионе : Доклады Института Европы № 398 / Институт Европы Российской академии наук. – Москва : Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Европы Российской академии наук, 2023. – С. 46-53.

позиций Российской Федерации в сфере образования и популяризации русского языка за рубежом. Данная задача приобретает особую значимость в контексте усиливающегося санкционного давления, требующего поиска асимметричных инструментов мягкой силы. Представляется целесообразным проведение аналогии с региональными миграционными процессами на постсоветском пространстве, в частности, в республиках Центральной Азии, где образовательная и языковая политика может быть напрямую увязана с долгосрочными миграционными трендами и потребностями в адаптации.

На данный момент в мире возрастает напряженность, как глобального, регионального, так и вовсе точечного характера. Привычные центры силы не способны её снизить, при этом зачастую сами накаляют обстановку до предельных значений. Находящаяся на стадии формирования современная система международных отношений может не справиться с глубоким кризисом, поскольку среди её элементов преобладают соперничающие, а главные акценты ставятся не на вопросы развития и процветания, поскольку на первый план выходят проблемы безопасности.

Сохранение Россией сбалансированного подхода во внешней политике создаёт основу для её устойчивого участия как в восточных, так и в западных геополитических процессах. Углубление взаимодействия с европейскими и средиземноморскими обществами потенциально ведёт к укреплению региональной стабильности и создаёт благоприятные условия для реализации многосторонних инициатив. Такой курс не только открывает прямые экономические выгоды, но и опирается на исторически сложившийся культурный диалог, что в совокупности может усилить позиции России в регионе. Активное участие в диалоге со странами Средиземноморья, в свою очередь, способно позитивно повлиять на урегулирование локальных конфликтов и повысить уровень коллективной безопасности.

Для защиты своих внешнеполитических интересов и отстаивания модели многополярного мира России требуется тщательный и непрерывный анализ международной обстановки. Изучение политических доктрин, экономических стратегий и военных планов ключевых игроков позволяет строить более точные прогнозы

относительно их реакции на те или иные международные события. Без такой аналитической работы любые шаги, направленные против установления однополярного миропорядка, могут оказаться недостаточно эффективными и привести к непредсказуемым последствиям.

Таким образом, сочетание курса на укрепление восточных связей с постоянным мониторингом и анализом действий западных стран формирует комплексную стратегию. Такой многофакторный подход позволяет России гибко адаптироваться к изменениям в Средиземноморье, минимизируя риски и извлекая возможности для укрепления своих позиций.

Таким образом, реализация задач в Средиземноморье осложняется последствиями украинского кризиса 2014-2022 гг., приведшего к ухудшению отношений с Западом, и необходимостью находиться между противоречивыми интересами региональных игроков. Несмотря на сокращение масштабов присутствия по сравнению с советским периодом, Россия сохраняет потенциал для укрепления позиций в Средиземноморье, опираясь на исторические связи, энергетические активы и военно-технические возможности, что позволяет рассматривать регион как важный элемент формирования полицентричной международной системы.

С точки зрения Италии, роль России в Средиземноморье за последнее десятилетие претерпела кардинальную трансформацию. От восприятия Москвы как возрождающегося стратегического игрока, способного бросить вызов западному влиянию, Рим перешел к видению ее как актора, чье влияние сужается и смещается в дипломатическую и экономическую плоскость. Изначально итальянские эксперты и политики рассматривали Россию как прагматичного партнера, с которым можно выстраивать кооперацию по принципу «снижения напряженности» - особенно в сферах энергетики через партнерство ENI и «Газпрома» и урегулирования региональных конфликтов. Однако украинский кризис, особенно после 2022 г., радикально изменил эту парадигму.

Присоединение Италии к санкциям ЕС привело к системному кризису в двусторонних отношениях: ключевые диалоговые площадки были свернуты, стратегическое сотрудничество - заморожено. Особую остроту ситуации придает синхронная активизация обеих стран в Африке, где Рим теперь видит в Москве прямого геополитического и экономического конкурента. Несмотря на сохраняющуюся структурную взаимозависимость в энергетике и историко-культурные связи, Россия для Италии перестала быть самостоятельным вектором внешней политики, уступив приоритет трансатлантической солидарности. В современном итальянском восприятии Россия эволюционировала от потенциального партнера по обеспечению стабильности до фактора, осложняющего внешнеполитическое маневрирование Рима в Средиземноморье и за его пределами.

Сохранение дипломатической и экономической деятельности России в регионе, хотя и в измененном формате, продолжает оставаться фактором, который необходимо учитывать при формировании итальянской внешней политики, особенно на африканском направлении.

3.2. ВОЗДЕЙСТВИЕ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ НА СРЕДИЗЕМНОМОРСКУЮ ПОЛИТИКУ ИТАЛИИ

Соединённые Штаты Америки, как глобальный актор и ключевой союзник Италии по НАТО, оказывают значительное влияние на формирование и реализацию итальянской внешней политики в Средиземноморском регионе.

Италия, как субъект международных отношений, демонстрирует уникальный парадокс, обусловленный её национальным архетипом, сочетающим исторически сложившееся чувство «неполноценности» и стремление к укреплению статуса через союзничество с великими державами. Этот дуализм проявляется в двух взаимодополняющих стратегиях: концепции «средней державы», подразумевающей

усиление влияния через интеграцию в западные институты (НАТО, ЕС) и кооперацию с США, и концепции «самости», выражающейся в попытках отстаивания независимой позиции даже в ущерб трансатлантической солидарности²⁸³.

Отношения между Италией и США в контексте Средиземноморья характеризуются сложным переплетением совпадающих и порой противоречащих интересов. С одной стороны, обе страны объединены общими целями в рамках НАТО, борьбой с терроризмом и стремлением к стабильности в регионе. С другой стороны, Италия имеет свои уникальные интересы и приоритеты, не всегда тождественные интересам Соединенных Штатов.

В этих условиях ключевой задачей итальянской дипломатии становится поиск баланса между сохранением стратегического партнерства с США и отстаиванием собственных национальных интересов в Средиземноморье. Этот баланс проявляется в различных аспектах внешней политики: от вопросов безопасности и экономического сотрудничества до миграционной политики и отношений с ключевыми региональными игроками.

Данный раздел посвящен рассмотрению влияния США на средиземноморскую политику Италии через призму необходимости балансирования между союзническими обязательствами и национальными приоритетами. Для понимания этой динамики необходимо рассмотреть ключевые области, в которых интересы двух стран пересекаются, а иногда и сталкиваются.

После Второй мировой войны США стали гарантом безопасности Италии, что заложило основу стратегического партнёрства. Журналистка Мелисса де Тэффе, аккредитованная при Госдепартаменте США для издания START InSight, высказывает мнение²⁸⁴, что влияние Вашингтона эволюционировало от грубого вмешательства в прошлом до изощренной модели стратегического партнерства в настоящем. Она напоминает, что исторически давление оказывалось напрямую, как в 1950-е гг., когда посол США Клэр Бут Льюс активно вмешивалась во внутренние

²⁸³ Маслова, Е.А., Шебалина, Е.О. США как фактор итальянской политики. Современная Европа, 2022, № 1, с. 35–48. DOI: 10.31857/S020170832201003X С. – 36.

²⁸⁴ de Teffe, M. (2025). L'ITALIA CHE SERVE A TRUMP. START InSight. [online] Available at: <https://www.startinsight.eu/litalia-che-serve-a-trump/> (accessed 11.06.2025).

дела, укрепляя прозападные и антикоммунистические правительства Италии, чтобы гарантировать ее лояльность в качестве средиземноморского плацдарма Вашингтона во времена Холодной войны. В 1950–1980-е гг. размещение американских ядерных ракет («Юпитер» в 1958 г., «Першинг II» в 1979 г.) также символизировало лояльность Рима Вашингтону, а участие в НАТО позволило минимизировать военные расходы, сосредоточившись на экономическом развитии. В 1980-е гг. премьер Б. Кракси продвигал идею «grande paese», балансируя между атлантизмом и риторикой суверенитета, что ярко проявилось во время кризиса на базе Сигонелла в 1985 г.

В современный период США сохраняют влияние через военно-политическое сотрудничество, делая Италию ключевой «логистической площадкой» НАТО (базы Сигонелла, Авиано) и вовлекая её в санкции против России после 2014 г. и операции в Ливии (2011 г.).

На данный момент Италия является одним из наиболее значимых участников Североатлантического альянса. Военнослужащие этой страны активно участвуют в различных учениях и операциях НАТО. Например, в недавних миссиях НАТО в Косово, Афганистане, коалиции желающих в Ираке и было задействовано около шести с половиной тысяч итальянских солдат. Корабли ВМС Италии принимали участие в морской операции НАТО «Активные усилия», а затем в операции «Страж моря» в Средиземном море. В начале военной кампании в Ливии Италия предоставила НАТО третью по численности авиационную группировку. Эта страна занимает пятое место по объему инвестиций в Североатлантический союз.²⁸⁵

На территории Италии расположено несколько десятков военных баз и полигонов США и НАТО, а также ряд командных структур альянса. Среди них штаб Совместного военного командования (ШСВК) и Командование морскими силами под управлением ШСВК в Неаполе. Также в Италии находятся несколько учебных заведений и исследовательский центр НАТО, такие как Военный колледж

²⁸⁵ Аквилянов, Ю., Сизов, В. Итальянцы по стандартам НАТО // Военные комиссариаты России : информ.-аналит. и метод. журн. Минобороны России. 2022. 10 нояб. URL: <https://limited-voenkom.ric.mil.ru/Stati/item/441941/> (дата обращения: 20.05.2024).

в Риме, Школа связи и информационных систем в Латине и Центр подводных исследований в Ла Специи²⁸⁶.

Политика безопасности и обороны представляет собой область наиболее плотной и институционализированной кооперации между Италией и США. Членство обеих стран в НАТО создает основу для совместных действий, но также ставит перед Италией задачу согласования национальных приоритетов с общей стратегией альянса. Поскольку США являются лидером НАТО, это косвенно, но весомо, указывает на их влияние на оборонную политику Италии в регионе. Присутствие американских военных баз на итальянской территории, с одной стороны, усиливает стратегическое значение Италии, а с другой – создает определенные внутривластные и дипломатические вызовы.

В сфере безопасности и обороны итальянская дипломатия демонстрирует особую осторожность. Показательным примером является участие Италии в операциях НАТО в Средиземноморье. В 2011 г. во время ливийского кризиса Италия, несмотря на первоначальные колебания, предоставила свои военные базы для операции союзников. Однако в последующие годы Рим занял более сдержанную позицию, стремясь к дипломатическому урегулированию конфликта. Это иллюстрирует стремление Италии сохранять союзнические обязательства, одновременно продвигая собственное видение региональной стабильности.

Не менее важной сферой взаимодействия являются экономические интересы. Здесь Италия стремится балансировать между развитием торговых отношений со странами Средиземноморья и учетом экономических приоритетов США в регионе. Особую роль играет энергетическая политика, где Италия пытается диверсифицировать свои источники и партнерства, нередко сталкиваясь с геополитическими интересами США.

Экономические зависимости, такие как статус США как крупнейшего внеевропейского торгового партнера (10% итальянского экспорта), усиливают подчинение стратегическим интересам Вашингтона, включая ограничение сотрудничества

²⁸⁶ Взаимодействие Италии и НАТО / НАТО.рф информационно-аналитический портал, URL: <https://нато.рф/ru/italy.html> (дата обращения: 11.02.2021).

с Китаем и охлаждение в отношениях с Россией. Внутриполитическое лобби в лице проамериканских сил в партиях («Демократическая партия», «Лига», «Братья Италии») обеспечивает преемственность курса.

В экономической сфере также можно наблюдать попытки Италии действовать более автономно и маневрировать между своими национальными интересами и стратегическими интересами крупных мировых игроков. В марте 2019 г. Италия стала первой и единственной страной G7, подписавшей меморандум о взаимопонимании с Китаем об участии в ОПОП, несмотря на критику такого решения со стороны Соединенных Штатов, для привлечения китайских инвестиций в итальянскую экономику, особенно в инфраструктурные проекты, а также для улучшения перспектив итальянских компаний на китайском рынке. Однако участие в инициативе не принесло желаемых результатов, «мы хотим продолжать интенсивное сотрудничество с Китаем», но необходимо также «проанализировать экспорт: если проанализировать Шёлковый путь, то он не дал ожидаемых нами результатов. Экспорт Италии в Китай в 2022 г. составил 16,5 млрд евро, Франции – 23 млрд евро, а Германии – 107 млрд евро»²⁸⁷. Об этом заявил министр иностранных дел Антонио Таяни в своём выступлении на Форуме Амброзетти осенью 2023 г.. И уже в конце 2023 г. Италия объявила о своём официальном выходе из инициативы. Как отмечают эксперты²⁸⁸, этот шаг, помимо неоправданных экономических ожиданий от сотрудничества с Китаем, был напрямую связан с курсом на укрепление «особого партнерства» с США.

Стоит отметить, что некоторые исследователи считают присоединение и выход Италии из инициативы ОПОП только символическим жестом²⁸⁹. Также существует мнение, что «Мелони и её партия с самого начала последовательно выступали против Меморандума о взаимопонимании с Китаем, решение,

²⁸⁷ Tajani: 'No ad un'Europa a trazione di due o tre Paesi' / ANSA, 02.09.2023. URL: https://www.ansa.it/sito/notizie/economia/2023/09/02/tajani-no-ad-uneuropa-a-trazione-di-due-o-tre-paesi_167fd364-932c-4e3a-8894-5ce772ce770c.html (accessed 24.01.2024)

²⁸⁸ Алонци, Р. Любин, В.П. Италия: зазоры внешней политики правительства Мелони (между атлантизмом, европеизмом и поисками самоопределения) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2024. Т. 17. № 1. С. 54–68.

²⁸⁹ Mazzocco, I., Palazzi A.L. Italy Withdraws from China's Belt and Road Initiative / CSIS, 14.12.2023. URL: <https://www.csis.org/analysis/italy-withdraws-chinas-belt-and-road-initiative> (accessed 24.01.2024)

возможно, также было связано с предполагаемой необходимостью укрепить репутацию партии как надёжного партнёра в глазах Вашингтона — как в случае с явной поддержкой Украины задолго до победы на сентябрьских выборах»²⁹⁰.

Таким образом, затруднение контактов с внерегиональными торговыми партнерами наблюдается и в контексте отношений с Россией. В данном случае итальянские лидеры при возникновении разногласий с США подчеркивали, что данные отношения носят сугубо экономический характер.²⁹¹

Хотя миграционная проблема является для Италии непосредственным и гуманитарным вызовом, связанным с ее географией страны «первого въезда», подход США к этому вопросу зачастую является более опосредованным и стратегическим, что и создает область потенциального расхождения. Для Италии миграция — это вопрос национальной безопасности и социальной стабильности, требующий решения на границах ЕС. В то же время США, как лидер НАТО, рассматривают неконтролируемую миграцию через Средиземное море как угрозу региональной стабильности, которая может подрвать безопасность их союзников и стать каналом для перемещения террористов и контрабанды. Это различие в перспективе проявляется на практике: исследователи отмечают²⁹², что вовлеченность США сосредоточена в основном на военно-морском сотрудничестве и учениях, таких как недавние «Phoenix Express», целью которых является повышение «осведомленности о морской обстановке» и возможностей по «перехвату» нелегальной деятельности. Таким образом, Вашингтон оказывает влияние, поощряя и помогая Италии взять на себя роль «пограничного патруля» Европы, в то время как бремя непосредственного приема, размещения и интеграции мигрантов ложится почти исключительно на Рим и его европейских партнеров. Это создает для Италии сложную дилемму: она вынуждена балансировать между

²⁹⁰ Insisa, A. Timing Is Everything: Italy Withdraws from the Belt and Road Initiative / IAI. 19.12.2023. URL: https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c05/timing-everything-italy-withdraws-belt-and-road-initiative#_ftn3 (accessed 24.01.2024)

²⁹¹ Маслова, Е. А., Шебалина, Е. О. США как фактор итальянской политики // Современная Европа. 2022. №1 (108). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ssha-kak-faktor-italyanskoj-politiki> (дата обращения: 26.06.2023).

²⁹² Prentice M., Bosna, U., Yul, K. Mediterranean Security: Italian, United States, NATO, and North African National Interests from a Geopolitical Perspective. — 2024. — URL: <https://www.liberty.edu/government/faculty/mary-prentice/> (accessed: 21.05.2024).

выполнением ожиданий США в сфере безопасности, соблюдением европейских миграционных квот и решением острых внутренних социально-экономических проблем, порождаемых миграционными потоками.

В вопросах миграции Италия часто оказывается между двух огней: необходимостью контролировать миграционные потоки и гуманитарными обязательствами. Операция «Mare Nostrum», начатая Италией в 2013 г. для спасения мигрантов в море, первоначально не получила существенной поддержки со стороны США и ЕС. Однако настойчивость Италии в продвижении комплексного подхода к решению миграционного кризиса постепенно привела к большему вовлечению международного сообщества в решение этой проблемы.

Наконец, отношения с ключевыми региональными акторами, такими как Ливия, Турция и страны Ближнего Востока, требуют от Италии особой дипломатической гибкости. Это обуславливает необходимость для Италии интегрировать собственные исторические и экономические приоритеты в рамки стратегических интересов своего трансатлантического союзника. США намерены играть роль главного внешнего арбитра в ближневосточных процессах. Позиция Италии по палестинскому вопросу и отношениям с арабскими странами де-факто должна учитывать и часто подстраиваться под дипломатические маневры Вашингтона, несмотря на возможные расхождения в подходах.

В каждой из этих сфер Италия применяет различные механизмы балансирования, стремясь сохранить свою автономию и продвигать национальные интересы, не вступая в прямое противоречие с позицией США. Рассмотрим подробнее, как это проявляется в конкретных аспектах средиземноморской политики Италии.

Показательным примером балансирования Италии между собственными национальными интересами и партнерскими обязательствами с США является позиция Рима в отношении сирийского конфликта. Данный кейс наглядно демонстрирует эволюцию итальянской внешней политики в Средиземноморье и её способность к гибкому маневрированию в сложных геополитических условиях.

На начальном этапе сирийского кризиса в 2011 г. Италия, следовала общей линии западных стран и выполняла союзнические обязательства в рамках НАТО, поддержала оппозиционные силы против правительства Башара Асада. Однако по мере эскалации конфликта и усложнения ситуации в регионе итальянская позиция начала приобретать более нюансированный характер, всё больше отличаясь от жёсткого курса, проводимого США²⁹³.

Ключевым фактором, повлиявшим на трансформацию итальянского подхода, стал миграционный кризис, напрямую затронувший страну. Масштабный наплыв беженцев из Сирии и других стран региона поставил перед Италией серьёзные социально-экономические и политические вызовы. В этих условиях Рим стал активнее продвигать идею мирного урегулирования конфликта, даже если это не полностью совпадало с позицией Вашингтона. Итальянская дипломатия начала настаивать на необходимости более инклюзивного подхода к решению сирийской проблемы, включая диалог со всеми заинтересованными сторонами, в том числе с Россией и Ираном.

При этом Италия продолжала участвовать в международной коалиции против ИГИЛ (запрещена в РФ), возглавляемой США, демонстрируя приверженность союзническим обязательствам. Однако характер этого участия отражал стремление Рима к балансу: итальянский вклад сосредоточился преимущественно на невоенных аспектах, таких как обучение местных сил безопасности и оказание гуманитарной помощи. Такой подход позволил Италии сохранить конструктивные отношения с США, одновременно избегая прямого военного вовлечения в конфликт, что могло бы негативно сказаться на её положении в регионе.

Важным аспектом итальянской политики в отношении сирийского кризиса стало активное участие страны в различных международных форматах по урегулированию конфликта. Рим стремился играть роль посредника, продвигая идею дипломатического решения и выступая против военного вмешательства,

²⁹³ Кутырев, Г. Позиция Италии в сирийском кризисе: между Западом и Россией // Россия и мусульманский мир. 2017. №9 (303). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsiya-italii-v-siriyskom-krizise-mezhdu-zapadom-i-rossiey> (дата обращения: 26.09.2020).

пытаясь сблизить позиции Москвы и Вашингтона. Так, например, в декабре 2016 г. министр иностранных дел Италии Паоло Джентилони организовал в Риме встречу с министром иностранных дел России Сергеем Лавровым и госсекретарем США Джоном Керри, с целью обсуждения ситуации в Сирии, Ираке, Ливии, на Украине.

Экономические интересы также играли существенную роль в формировании итальянской позиции. Стремясь сохранить возможности для экономического сотрудничества с Сирией в постконфликтный период, Италия зачастую занимала более сдержанную позицию в отношении санкционной политики, продвигаемой США. Это демонстрирует прагматичный подход Рима к защите своих национальных интересов в регионе.

Особо следует отметить гуманитарный аспект итальянской политики в отношении сирийского кризиса. Став одним из крупнейших доноров гуманитарной помощи Сирии²⁹⁴, Италия продемонстрировала свою приверженность ценностям международной солидарности. Этот шаг позволил Риму сохранять влияние и присутствие в Сирии, несмотря на сложную политическую ситуацию и смену властей. Премьер-министр Джорджия Мелони в ходе 80-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке провела встречу с временным президентом Сирийской Арабской Республики Ахмедом аш-Шараа. Согласно официальному сообщению²⁹⁵, Мелони подтвердила готовность Италии содействовать восстановлению «стабильной и суверенной» Сирии, в том числе через инвестиции итальянских компаний в различные секторы, представляющие взаимный интерес. При этом она отметила значительные обязательства Италии в сфере сотрудничества для развития страны.

Кроме того, в ходе встречи премьер-министр подчеркнула важность интеграции и защиты всех групп сирийского общества, включая такие меньшинства, как христиане, а также выразила поддержку усилиям по обеспечению добровольного и безопасного возвращения сирийских беженцев на родину.

²⁹⁴Syrian Crisis: Italy allocates almost 19 million euros for humanitarian operations / Relif web, 19.07.2016, URL: <https://reliefweb.int/report/syrian-arab-republic/syrian-crisis-italy-allocates-almost-19-million-euros-humanitarian> (accessed 20.02.2021).

²⁹⁵ UNGA, incontro bilaterale con il Presidente della Repubblica Araba Siriana [Электронный ресурс] // Governo Italiano. – 2025. – 23 settembre. – Режим доступа: <https://www.governo.it/it/articolo/unga-incontro-bilaterale-con-il-presidente-della-repubblica-araba-siriana/29829> (accessed: 23.09.2025).

Таким образом, Рим демонстрирует способность маневрировать между выполнением союзнических обязательств перед США и НАТО, защитой собственных национальных интересов в сферах безопасности, экономики и миграционной политики, а также стремлением к утверждению независимой и влиятельной роли в регионе. Этот пример показывает, как Италия адаптирует свою внешнюю политику к меняющимся геополитическим реалиям, сохраняя при этом стратегическое партнерство с США и отстаивая свои уникальные интересы в Средиземноморье.

В контексте анализа балансирования Италии между собственными интересами и партнерскими обязательствами с США особый интерес представляет кейс ливийского конфликта. В отличие от ситуации в Сирии, где Италии удалось достаточно эффективно маневрировать, ливийский кризис продемонстрировал ограничения и сложности итальянской стратегии балансирования.

Ливия исторически играет ключевую роль во внешней политике Италии в Средиземноморье. Географическая близость, экономические интересы, особенно в энергетическом секторе, и проблемы нелегальной миграции делают стабильность в Ливии критически важной для Рима. Однако события, развернувшиеся после падения правительства Муаммара Каддафи в 2011 г.у, поставили Италию перед сложным выбором между защитой собственных интересов и следованием курсу своих западных союзников, прежде всего США.

Изначально Италия заняла осторожную позицию в отношении военного вмешательства в Ливию, опасаясь дестабилизации региона и потери своих экономических позиций. Однако под давлением США и других союзников по НАТО Рим был вынужден поддержать операцию, предоставив свои военные базы для проведения воздушных ударов. Это решение, принятое вопреки первоначальным намерениям, показало ограниченность возможностей Италии в отстаивании собственной позиции в рамках альянса²⁹⁶.

²⁹⁶ Глубокая, О. А. Внешняя политика Италии в странах Южного Средиземноморья: «цивилизаторская миссия 2.0.» VS «диалог цивилизаций» / О. А. Глубокая // Русская политология. – 2023. – № 4(29). – С. 67-73.

Последующее развитие событий в Ливии, характеризующееся затяжным конфликтом и фрагментацией страны, наглядно продемонстрировало негативные последствия для итальянских интересов. Нестабильность в Ливии привела к резкому увеличению потока нелегальных мигрантов через Средиземное море, что создало серьезные проблемы для Италии как страны первого въезда. Кроме того, итальянские энергетические компании, в частности ENI, столкнулись с серьезными трудностями в продолжении своей деятельности в Ливии.

В попытке исправить ситуацию Италия предприняла ряд дипломатических инициатив, направленных на мирное урегулирование конфликта. Рим стремится позиционировать себя как ключевого посредника между различными ливийскими фракциями.²⁹⁷ Однако эти усилия часто наталкивались на противодействие со стороны других внешних игроков, включая некоторых европейских партнеров Италии, включая Францию, что подчеркивало сложность балансирования между различными международными интересами²⁹⁸.

Особенно показательной стала ситуация, сложившаяся вокруг противостояния между Правительством национального согласия (ПНС) в Триполи и силами маршала Халифы Хафтара. Италия первоначально поддерживала ПНС, признанное международным сообществом, в том числе США. Однако по мере усиления позиций Хафтара, поддерживаемого рядом арабских стран и Россией, Рим скорректировал свою позицию, пытаясь наладить диалог с обеими сторонами.

Кроме того, активизация роли Турции в ливийском конфликте поставила Италию перед новыми вызовами. Поддержка Анкарой ПНС, с одной стороны, соответствовала официальной позиции Италии и США, но с другой – открывала Турции путь к пересмотру сложившихся экономических правил в регионе, что в свою очередь создавало риски для итальянских экономических интересов и влияния в регионе. Это ещё раз подчеркнуло сложность балансирования между различными факторами в рамках средиземноморской политики.

²⁹⁷ Italy Bolsters Mediating Role in Libya, Focuses on Migration Management / libya update, 14.03.2024 URL: <https://libyaupdate.com/italy-bolsters-mediating-role-in-libya-focuses-on-migration-management/> (accessed: 14.03.2024).

²⁹⁸ Ilardo, M. The Rivalry between France and Italy over Libya and its Southwest Theatre / AIES Focus 5/2018, URL: https://www.aies.at/download/2018/AIES-Fokus_2018-05.pdf (accessed: 23.10.2022).

Попытки Италии проводить независимый курс через механизмы «военной дипломатии» — масштабные двусторонние программы подготовки ливийских сил безопасности, миссию MIASIT, поддержку береговой охраны — наталкиваются на жёсткие региональные реалии, во многом сформированные политикой других держав. Даже сегодня, при значительных финансовых и операционных вложениях, «итальянская помощь Правительству национального согласия (ПНС) Ливии менее масштабна по сравнению с той, которую предоставляет Турция... или с той, которую Франция оказывает силам Х. Хафтара»²⁹⁹. Таким образом, политическое пространство Ливии оказывается ареной соперничества других игроков, чьи действия либо согласуются, либо входят в противоречие с общей линией США. В этой сложной конфигурации у Италии не хватает веса.

Стратегия балансирования Италии между собственными интересами и обязательствами перед США и другими союзниками не всегда приводит к желаемым результатам. Сложность геополитической ситуации, множественность акторов и динамично меняющаяся обстановка в Ливии показали ограниченность возможностей Италии в реализации независимой политики в регионе.

Этот пример подчеркивает необходимость для Италии разработки более гибких и эффективных механизмов защиты своих национальных интересов в Средиземноморье, при одновременном сохранении конструктивных отношений с США и другими ключевыми партнерами.

Действуя в русле стратегических интересов США в Средиземноморье, Италия выработала комплексный подход к защите собственных приоритетов. Вместо прямой конфронтации с Вашингтоном Рим использует многостороннюю дипломатию как ключевой механизм.

«Премьер-министр Джорджия Мелони избрала тактику личной дипломатии для смягчения трансатлантических противоречий»³⁰⁰. Во время визита в Вашингтон в апреле 2025 г. ей удалось добиться от президента Дональда Трампа публичного

²⁹⁹ Щёкин, А.С. Вооружённые силы в политике Италии в Большом Средиземноморье // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. №3. С. 45-55. DOI: 10.15211/vestnikieran320234555.

³⁰⁰ Goretti, L., Simonelli, F. Italy's Foreign Policy in 2023: Challenges and Perspectives [Электронный ресурс] // Documenti IAI. 2024. No 24|01 (February). URL: <https://www.iai.it/en/node/18059> (accessed: 01.06.2025).

заявления о стопроцентной уверенности в достижении торговой сделки с Европой, что создало политическую основу для возобновления переговоров между Европейским союзом и Соединенными Штатами. Ключевым предложением Рима стало использование предстоящего визита Трампа в Италию на похороны Папы Франциска для организации многосторонней встречи с лидерами ЕС, включая председателя Еврокомиссии Урсулу фон дер Ляйен. Этот шаг направлен на преодоление дипломатического тупика, возникшего из-за систематического игнорирования Вашингтоном запросов Брюсселя»³⁰¹.

Внутри страны итальянское правительство также балансирует между различными политическими силами и общественным мнением. Например, Италия приняла решение возглавить миссию НАТО в Ираке в 2022 г. «Ирак, который в течение примерно года с 2021 по 2022 г. находился во внутривластическом тупике, характеризующемся ожесточенными столкновениями и активным иностранным вмешательством, был и будет оставаться краеугольным камнем итальянской и европейской внешней и оборонной политики»³⁰². Правительство, с одной стороны, подтвердило союзнические обязательства перед США, а с другой – подчеркнуло гуманитарный характер итальянского участия, что помогло смягчить критику внутри страны.

Все эти механизмы и инструменты позволяют Италии проводить гибкую и многовекторную политику в Средиземноморье. Рим стремится максимально использовать свое географическое положение и исторические связи в регионе, одновременно сохраняя прочные отношения с США и играя активную роль в европейской политике.

Рассмотрев ключевые механизмы, используемые Италией для балансирования своих интересов и влияния США в Средиземноморье, важно обратить внимание на современные тенденции и перспективы развития этих

³⁰¹ Глубокая, О. А. Внешнеполитическое балансирование Италии / О. А. Глубокая // Русская политология. – 2025. – № 2(35). – С. 54-60.

³⁰² Deiana, F. Iraq: perno della politica estera e di difesa italiana in Medio Oriente / F. Deiana // Fondazione Med-Or. – 2023. – 5 maggio. – URL: <https://www.med-or.org/news/iraq-e-kurdistan-perno-della-politica-estera-e-di-difesa-italiana-in-medio-oriente> (accessed: 20.05.2024).

отношений. Геополитическая ситуация в регионе продолжает эволюционировать, создавая новые вызовы и возможности для итальянской внешней политики.

Одной из ключевых тенденций последних лет является постепенное снижение непосредственного военного присутствия США в некоторых частях Средиземноморья в связи с растущим приоритетом, придаваемым Индо-Тихоокеанскому региону³⁰³. Тенденция ярко проявилась в начале 2025 г., когда в регионе впервые с 2022 г. не осталось ни авианосной, ни десантной группы. Это снижение стало следствием системного кризиса ВМС США: хронической нехватки кораблей и перегруженности флота, вынужденного одновременно реагировать на кризисы в Красном море и Индо-Тихоокеанском регионе.³⁰⁴ Это создает своеобразный «вакуум влияния», который Италия стремится заполнить, усиливая свою дипломатическую и экономическую активность в регионе. Например, в Ливии Рим всё активнее выступает в роли посредника, стремясь стабилизировать ситуацию в стране, критически важной для итальянских интересов.

Одновременно с этим наблюдается рост влияния новых игроков в регионе, прежде всего Китая и России. Италия оказывается в положении, требующем проведения многовекторной политики: как развивать отношения с этими странами, не вступая в противоречие с интересами США и сохраняя свою роль ключевого партнера Вашингтона в регионе.

Ещё одной важной тенденцией является растущее значение вопросов энергетической безопасности и перехода к «зеленой» экономике. Италия стремится позиционировать себя как ключевого игрока в развитии возобновляемых источников энергии в Средиземноморье, что может изменить геополитическую динамику в регионе и создать новые возможности для сотрудничества как с США, так и с другими странами.

³⁰³ Schiavi F.S. (2021). In Iraq, Italy and France are looking for a primary role to play/ Istituto per gli studi di politica internazionale (ISPI). – Milano. – 12.10. – URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/iraq-italy-and-france-are-looking-primary-roleplay-31955> (accessed: 22.02.2023).

³⁰⁴ Eased tensions and only so many ships: Navy reduces patrol presence in Mediterranean [Электронный ресурс] / A. Bath // Stars and Stripes. – 2025. – 6 January. – URL: <https://www.stripes.com/branches/navy/2025-01-06/mediterranean-europe-russia-iran-16389467.html> (accessed: 09.01.2025).

Совокупность текущих тенденций позволяет выделить несколько ключевых перспектив развития итало-американских отношений в Средиземноморье, которые варьируются от тесной интеграции до растущей автономии.

На одном полюсе находится перспектива углубленного сотрудничества, при котором растущее влияние других глобальных игроков, таких как Китай и Россия, вынудит США усилить внимание к региону и сделать ставку на Италию как на ключевого партнера. Это может вылиться в расширение военно-стратегического сотрудничества, включая увеличение американского присутствия на итальянских базах, рост инвестиций в стратегические сектора экономики и активную поддержку Вашингтоном римских инициатив по стабилизации Ливии и контролю над миграционными потоками.

На другом полюсе формируется перспектива возрастающей автономии Италии, движимой внутренней политикой и общеевропейским трендом на стратегический суверенитет. В этом случае Рим будет проводить более независимую политику, даже если она не полностью совпадает с вашингтонской, активизируя связи с Турцией, Египтом и странами Северной Африки. Это может создать тактические трения с США, но без фундаментального разрыва отношений.

Промежуточную и, пожалуй, наиболее реалистичную позицию занимает перспектива стратегического балансирования. В ее рамках Италия будет стремиться не к конфронтации или полной зависимости, а к роли умелого посредника, диверсифицируя свои партнерства, в том числе с Китаем и странами Персидского залива, и одновременно усиливая свою роль в формировании единой средиземноморской политики ЕС как альтернативы исключительной ориентации на Вашингтон.

Параллельно существуют две контекстуальные перспективы. Первый — это сосредоточенность на внутренних проблемах, при которой экономические и политические трудности вынудят Италию снизить международную активность, что автоматически увеличит ее зависимость от США в вопросах региональной безопасности и ослабит ее позиции. Вторая — реагирование на новые вызовы, такие как климатический кризис или новая масштабная волна миграции, которые

могут как интенсифицировать сотрудничество в новых сферах, так и породить новые поводы для разногласий.

Наиболее вероятным представляется сценарий стратегического балансирования, поскольку он наилучшим образом отражает текущую внешнеполитическую линию Италии и структурные изменения в миропорядке. Перспектива тотального сближения маловероятна из-за растущего в ЕС запроса на автономию и интересы Рима к диверсификации партнерств. В то же время, полная стратегическая автономия пока недостижима в силу сохраняющейся зависимости от НАТО в вопросах безопасности и глубокой экономической интеграции с Западом.

Примечательна первая официальная встреча в Вашингтоне 18 апреля 2025 г. президента США Дональд Трамп и премьер-министр Италии Джорджии Мелони, ключевой задачей которой стало совмещение поддержки идеологии «Make America Great Again»-республиканцев, защиты итальянских экономических интересов и сохранения единства ЕС.

Италия столкнулась с рисками из-за введенных США тарифов на импорт из ЕС (20% с июля 2024 г. или сохранение 10% с дополнительными пошлинами на алюминий, сталь и автомобили³⁰⁵), что угрожало потерей значительной доли экспортных доходов, которые составили 64,7 млрд евро в 2024 г.³⁰⁶, и замедлением роста экономики в 2025 г., прогнозы по которой уже были снижены вдвое (до 0,6% от предполагаемых 1,2%).³⁰⁷

Мелони, назвав тарифы «ошибочными»³⁰⁸, выступила против ответных мер, сделав ставку на переговоры ЕС-США, несмотря на разногласия в коалиции: Лига

³⁰⁵ Barata da Rocha, M., Boivin, N., Poitiers N., “The Economic Impact of Trump’s Tariffs on Europe: An Initial Assessment”, in Bruegel Analysis, 17 April 2025, <https://www.bruegel.org/node/10843>. (accessed: 22.04.2025).

³⁰⁶ Italian Ministry of Foreign Affairs, Osservatorio economico: Statistiche relative all’import/export di merci italiane, updated on 18 April 2025, <https://www.infomercatiesteri.it/osservatorio-economico-intercambio-commerciale-italiano-mondo.php>. (accessed: 22.04.2025).

³⁰⁷ “Govt Halves 2025 Growth Forecast to 0.6%”, in Ansa, 9 April 2025, https://www.ansa.it/english/news/2025/04/09/govt-halves-2025-growth-forecast-to-0.6_f1a32a85-ef8a-4720-90af-19c58a577787.html. (accessed: 10.09.2025).

³⁰⁸ “Meloni Says Trump’s Tariffs on EU Goods Are ‘Wrong’”, in Ansa, 3 April 2025, https://www.ansa.it/english/news/politics/2025/04/03/meloni-says-trumps-tariffs-on-eu-goods-are-wrong_c16ae22f-2225-470e-b5ef-e8f063bad3aa.html. (accessed: 22.06.2025).

Маттео Сальвини настаивала на двустороннем формате³⁰⁹, а министр иностранных дел Антонио Таяни — на общеевропейском подходе³¹⁰.

Последний вариант стал единственно возможным, учитывая, что 50% итальянского экспорта ориентировано на ЕС, а интеграция в европейские цепочки создания стоимости критична для экономики³¹¹. Успехом Мелони стало заявление Трампа о вероятности сделки с ЕС³¹², подкрепленное визитом вице-президента США Дж.Д. Вэнса в Рим, где обсуждались переговоры по тарифам³¹³.

Однако выполнение американских требований — увеличение закупок СПГ, вооружений, ужесточение позиции по Китаю (поддержка Италией пошлин на электромобили в 2024 г.), ослабление цифровых и экологических регуляций — сталкивается с ограничениями³¹⁴. Расширение зависимости ЕС от США противоречит курсу на стратегическую автономию, а принятие Starlink или отмена запретов американскую продукцию с ГМО блокируются европейскими партнерами³¹⁵.

Мелони, сохраняя идеологическую близость с администрацией Трампа (акцент на «цивилизационной общности» Запада, критика глобализма³¹⁶), не девальвирует стратегические интересы Италии, связанные с усилением ЕС.

³⁰⁹ “Only Tariffs in Place Were Imposed by Brussels - Salvini”, in Ansa, 15 March 2025, https://www.ansa.it/english/news/general_news/2025/03/15/only-tariffs-in-place-were-imposed-by-brussels-salvini_0f3aea36-8ec9-40c6-ad52-041e932aa8f1.html. (accessed: 22.06.2025).

³¹⁰ “Italy Supports EU in Tariff Negotiations Says Tajani”, in Ansa, 7 April 2025, https://www.ansa.it/english/news/politics/2025/04/07/italy-supports-eu-in-tariff-negotiations-says-tajani_fc54179d-27b9-4dc0-894e-0c44f499dcfd.html. (accessed: 22.06.2025).

³¹¹ Alcaro R., Goretti L. Meloni’s US Dilemma: Balancing Ideology and Strategic Interest // Istituto Affari Internazionali (IAI). 2025. URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c05/melonis-us-dilemma-balancing-ideology-and-strategic-interest> (accessed: 10.05.2025).

³¹² Jessica Rawnsley and Laura Gozzi, “Trump and Meloni Talk Up Chances of US Trade Deal with Europe”, in BBC News, 17 April 2025, <https://www.bbc.com/news/articles/cdjlr3mnlero>. (accessed: 22.06.2025).

³¹³ “Meloni Meets US Vice President Vance in Rome”, in Ansa, 18 April 2025, https://www.ansa.it/english/news/politics/2025/04/18/meloni-meets-us-vice-president-vance-in-rome_a7631331-2263-4db9-bc9e-f5b2b844f153.html. (accessed: 22.06.2025).

³¹⁴ Alcaro R., Goretti L. Meloni’s US Dilemma: Balancing Ideology and Strategic Interest [Электронный ресурс] // Istituto Affari Internazionali (IAI). 2025. URL: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c05/melonis-us-dilemma-balancing-ideology-and-strategic-interest> (accessed: 10.05.2025).

³¹⁵ “Italy Backs EU’s Tariffs on Chinese Electric Cars”, in Reuters, 16 September 2024, <https://www.reuters.com/business/autos-transportation/italy-backs-eus-chinese-tariffs-foreign-minister-says-2024-09-16>. (accessed: 22.06.2025).

³¹⁶ Italian Government, Remarks by President Meloni with the President of the United States of America, Donald J. Trump, cit. <https://www.governo.it/en/node/28248> (accessed 11.06.2025).

Этот идеологический альянс породил новую модель взаимодействия. Как полагает де Теффе, в современный период при администрации Трампа и правительстве Мелони механизм кардинально изменился.³¹⁷ Она указывает, что Вашингтон теперь не диктует условия, а целенаправленно поддерживает и легитимирует суверенный внешнеполитический курс Рима, который идеологически совпадает с американской доктриной «Патриотизма против глобализма». Так, администрация Трампа, с ее скепсисом в отношении ЕС, видит в Мелони союзника, продвигающего модель Европы сильных национальных государств, что позволяет Италии действовать в Средиземноморье более автономно, но при этом в русле стратегических интересов США.

Видение евроатлантизма Мелони, в отличие послевоенной модели, основано на националистическом нарративе и европейской интеграции как единства истории, культуры, традиции и религии. Это создает противоречие: долгосрочное процветание Италии зависит от сплоченного ЕС, тогда как риторика Вэнса и Трампа направлена на ослабление блока через взаимодействие с отдельными странами.

Краткосрочные вызовы включают нехватку ресурсов для увеличения оборонных расходов до 2% ВВП и закупок дорогого СПГ, а долгосрочные — несовместимость идеологического курса Мелони и критики «слабости» ЕС Трампа с необходимостью укрепления наднациональных институтов. Перспективы устойчивого баланса между атлантизмом и европейской солидарностью остаются под вопросом, учитывая структурные противоречия в подходах США и ЕС.

Эта фундаментальная дилемма находит отражение в экспертных оценках. С точки зрения Мелиссы де Теффе,³¹⁸ это партнерство напрямую формирует ключевые направления средиземноморской политики Италии. Она отмечает, что именно в вопросах безопасности и контроля миграции из Африки совпадение подходов Рима и Вашингтона является наиболее полным. Однако де Теффе

³¹⁷ de Teffé, M. (2025). L'Italia che serve a Trump. START InSight. [online] Available at: <https://www.startinsight.eu/litalia-che-serve-a-trump/> (accessed 11.06.2025).

³¹⁸ de Teffé, M. (2025). L'ITALIA CHE SERVE A TRUMP. START InSight. [online] Available at: <https://www.startinsight.eu/litalia-che-serve-a-trump/> (accessed: 11.06.2025).

заключает, что это сближение порождает и серьезную дилемму: протекционизм США и их ставка на двусторонние отношения ставят Италию в сложное положение, вынуждая ее балансировать между обязательствами перед Европейским союзом и преимуществами привилегированного партнерства с Вашингтоном в жизненно важном для нее Средиземноморском регионе.

Эта дилемма была наглядно продемонстрирована во время первой официальной встречи в Вашингтоне 18 апреля 2025 г.. Согласно совместному заявлению³¹⁹, лидеры подтвердили курс на углубление стратегического альянса, охватывающего безопасность, экономику и технологии. Стороны выразили поддержку инициативам Трампа по урегулированию конфликта на Украине, включая достижение перемирия и справедливого мира, одновременно подчеркнув приверженность укреплению НАТО через наращивание оборонных бюджетов и развитие совместного военно-промышленного потенциала для противодействия текущим и будущим угрозам. В рамках борьбы с транснациональными вызовами США и Италия договорились активизировать сотрудничество в противодействии нелегальной миграции, организованной преступности и наркотрафику, особенно в части синтетических опиоидов, угрожающих безопасности граждан.

Экономическая повестка встречи включала согласование взаимовыгодных условий для торговли и цифровой трансформации, включая создание недискриминационной налоговой среды для IT-компаний. США объявили о планах инвестиций в искусственный интеллект и облачные технологии в Италии, укрепляя её роль как ключевого центра обработки данных для Средиземноморья и Северной Африки, а также анонсировали партнёрство в судостроении, где Италия поддержит модернизацию американской отрасли, а США рассмотрят возможности в новых специальных экономических зонах Италии. Энергетическое сотрудничество будет направлено на диверсификацию поставок, включая увеличение экспорта американского СПГ, а амбициозный Индо-Ближневосточно-Европейский экономический коридор

³¹⁹ The White House. United States – Italy Joint Leaders' Statement. 2025. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/2025/04/united-states-italy-joint-leaders-statement/> (accessed: 19.04.2025).

дор, соединяющий рынки от Индии до США через порты, железные дороги и подводные кабели, станет драйвером экономической интеграции. Опираясь на успех «Соглашений Авраама», стороны намерены развивать инфраструктурные проекты, включая потенциал «Плана Маттеи».

Технологический блок заявления акцентировал исключение «ненадёжных поставщиков» из критической инфраструктуры и планы по совместному освоению космоса, включая две марсианские миссии в 2026 и 2028 гг., участие в лунной программе «Артемиды», а также сотрудничество в разработке 6G, квантовых вычислений и биотехнологий с акцентом на защиту данных от кибератак. Завершая встречу, Трамп принял приглашение Мелони посетить Италию в ближайшее время, где может состояться диалог с лидерами ЕС для укрепления трансатлантических связей. Подписанные договорённости отражают стремление сторон к комплексной координации в условиях глобальных вызовов, сочетая военно-политическую солидарность, технологическую кооперацию и экономическую взаимозависимость.

Исходя из заявления, на данный момент перспектива углубления сотрудничества США и Италии получила мощный импульс. Договорённости по НАТО, совместным проектам в космосе, ИИ, судостроению и борьбе с миграцией/наркотрафиком показывают курс на интеграцию. Италия становится для США средиземноморским хабом: американские инвестиции в облачные технологии, СПГ и инфраструктурные коридоры усиливают Рим, а изоляция «ненадёжных поставщиков» ограничивает влияние Китая.

Перспектива реагирования на вызовы возможна как дополнение — например, новые миграционные волны или кибератаки потребуют адаптации сотрудничества через «План Маттеи» или кибербезопасность.

Балансирование Италии отступает на второй план: зависимость от американских инвестиций (\$1.5 млрд в технологии) и военной поддержки НАТО перевешивает потенциальную роль посредника. Автономия или фокус на внутренние проблемы почти исключены — Рим Дж. Мелони не рискнёт потерять статус ключевого союзника США и доступ к их ресурсам.

Таким образом, альянс взаимовыгоден: США усиливают позиции в Средиземноморье, Италия получает инвестиции и защиту. Угрозы — только резкая смена власти или раскол в ЕС, но текущие договорённости рассчитаны на долгий срок.

Парадокс современной политики Италии заключается в стратегической подчинённости США, несмотря на декларации о суверенитете. Правые популисты (М. Сальвини, Дж. Мелони) совмещают антиглобалистскую риторику с лоббированием интересов США, а технократические кабинеты (М. Драги, 2021–2023 гг.) усиливают атлантизм, жертвуя «особыми отношениями» с Россией и Китаем. Теоретическая рамка, основанная на архетипе «средней державы», объясняет стремление Италии компенсировать ограниченность ресурсов через многосторонние институты (ЕС, ООН) для усиления глобального голоса и двусторонние связи с США для получения «кредита доверия».

Анализ подтверждает двойственную природу внешней политики Италии: преобладание атлантизма обусловлено геополитической зависимостью и экономическими интересами, а риторика «самости» служит инструментом внутренней легитимации. Перспективы сохранения статуса «надёжного партнёра» США в НАТО остаются высокими, несмотря на рост евроскептицизма. Главный вызов для Рима — баланс между трансатлантической лояльностью и запросом на многовекторность в условиях полицентричного мира. Интеграция данного кейса иллюстрирует механизмы влияния великих держав на страны «второго эшелона» и роль исторических архетипов в формировании международного поведения государств.

Понимание того, как Италия маневрирует в этих сложных взаимоотношениях, имеет ключевое значение для оценки эффективности её внешней политики в Средиземноморском регионе в контексте меняющейся глобальной геополитической ситуации.

Важно отметить, что баланс, который стремится поддерживать Италия, не является статичным. Он постоянно корректируется в зависимости от меняющейся международной обстановки, внутривластной ситуации в самой Италии и эволюции политики США в регионе. Например, смена администрации в Вашингтоне может привести к пересмотру приоритетов США в Средиземноморье,

что, в свою очередь, потребует адаптации итальянской внешней политики. Итальянские авторы отмечают «начало фазы, в которой Вашингтон будет уделять первостепенное внимание безопасности своего собственного полушария, сохраняя при этом влияние на ключевых внешних театрах. Смена курса очевидна в возобновившемся интересе Трампа к Гренландии, Канаде и Панаме, что свидетельствует о его решимости укрепить свое влияние в Западном полушарии как стратегическом бастионе. Подкреплением этой ориентации на полушарие является Партнерство для атлантического сотрудничества, инициированное администрацией Байдена, которое служит основой для углубления отношений с Латинской Америкой и Западной Африкой. Хотя эта инициатива в настоящее время не имеет большого веса — как и большинство меморандумов о взаимопонимании, это пустая оболочка, ожидающая своего заполнения, — она служит разделительной линией. То есть, она предполагает, что будущая стратегия США будет предполагать более оборонительную позицию. Не отход, а переориентация»³²⁰. Тем не менее, как отмечают эксперты, несмотря на курс самих США «в политическом поле Италии всегда присутствовали проамериканские силы, вне зависимости от смены кабинета министров», а сама политика, несмотря на сменяемость, в этом отношении довольно стабильна³²¹.

Однако этот баланс постоянно подвергается испытаниям. Меняющаяся геополитическая ситуация, новые вызовы безопасности, экономические кризисы и внутривнутриполитические изменения как в самой Италии, так и в США требуют постоянной корректировки этой сложной системы взаимоотношений.

Таким образом, реальное развитие событий, вероятно, будет гибридным, сочетая элементы балансирования с ситуативным углублением сотрудничества с США по конкретным вызовам. Ключевым для Италии останется сохранение способности к гибкому маневрированию и эффективное использование своего уникального географического и культурно-исторического положения.

³²⁰ Roa, C. Visti dagli USA: l'Italia come ponte tra Atlantico e Indo-Mediterraneo // Limes - Rivista Italiana di Geopolitica. – 2025. – Mensile, n. 2/2025 (febbraio). – P. 248 (accessed 27.02.2025).

³²¹ Маслова, Е. А., Шебакина Е. О. США как фактор итальянской политики // Современная Европа. 2022. №1 (108). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ssha-kak-faktor-italyanskoj-politiki> (дата обращения: 26.08.2023).

Влияние США на средиземноморскую политику Италии носит комплексный и противоречивый характер, определяемый сочетанием стратегической зависимости Рима от Вашингтона в рамках НАТО и стремления Италии к защите национальных интересов. Италия демонстрирует способность к гибкому маневрированию, балансируя между выполнением союзнических обязательств и продвижением собственной региональной повестки, что ярко проявилось в подходах к сирийскому и ливийскому кризисам. Однако структурные ограничения — военно-политическая зависимость, экономические связи, давление в вопросах отношений с Китаем и Россией — сужают пространство для самостоятельной политики. Современная динамика указывает на усиление интеграции с США в сферах безопасности, технологий и энергетики, что минимизирует возможности для автономии, несмотря на декларируемые Римом цели суверенитета.

3.3. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ КИТАЯ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ КАК ВЫЗОВ ИНТЕРЕСАМ ИТАЛИИ

В последние десятилетия Средиземноморский регион стал свидетелем значительного усиления присутствия Китайской Народной Республики, что существенно повлияло на геополитическую и экономическую динамику этого стратегически важного пространства. Этот феномен представляет особый интерес в контексте анализа внешней политики Италии — страны, традиционно играющей ключевую роль в Средиземноморье.

Китай выступает в качестве одного из наиболее активных внерегиональных акторов. Его присутствие, реализуемое в первую очередь через инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП), охватывает широкий спектр направлений — от инвестиций в критическую инфраструктуру до развертывания инструментов «мягкой силы» и военно-политического взаимодействия.³²²

³²² Дейч, Т.Л. (2018) Китай в Африке: «неоколониализм» или «winwin» стратегия? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. Т. 11. № 5. С. 119–141. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141

Китай рассматривает регион как критически важный узел для интеграции Евразии и укрепления своего экономического присутствия в Европе. Эта стратегия приобретает особую актуальность в контексте геополитических сдвигов, в частности, блокирования наземных коридоров ОПОП из-за конфликта на Украине, что значительно повысило значение морских маршрутов через Средиземное море. В результате Китай активизировал свои усилия по закреплению контроля над ключевыми логистическими хабами и энергетическими проектами в регионе, стремясь не только к экономическому росту, но и к усилению своего стратегического влияния.³²³

Реализация ОПОП осуществляется поэтапно, начиная с 2012 г.. В период 2012–2017 гг. ключевой задачей стало формирование устойчивой инфраструктурной и финансовой базы проекта. Основные усилия были направлены на диверсификацию логистических систем, включая сотрудничество с регионом АСЕАН, Россией и Центральной Азией, а также использование существующих транспортных коридоров, таких как TRACECA, Суэцкий канал и Малаккский пролив³²⁴.

Финансовая основа ОПОП была заложена в 2013 г. с выделением стартового бюджета в 47млрд, а в 2014 г. — созданием Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) и Фонда Шёлкового пути.

К 2015 г. к инициативе присоединились 60 государств, что способствовало запуску 348 международных проектов.

К 2017 г. объём инфраструктурных инвестиций Китая достиг \$60 млрд, а их ежегодный рост в 2015 г. составил 37% по сравнению с 2014 г.³²⁵

С 2017 г. ОПОП вступил в фазу глобального расширения. Акцент сместился на трансконтинентальные транспортные коридоры, связывающие Китай с Европой

³²³ China's Eastern Mediterranean ambitions: a challenge to Europe's strategic autonomy [Электронный ресурс] // Bruegel. — URL: <https://www.bruegel.org/newsletter/chinas-eastern-mediterranean-ambitions-challenge-europes-strategic-autonomy> (accessed: 15.08.2024).

³²⁴ Киреева, А.А. Морской шелковый путь XXI века как новое измерение стратегического курса КНР / А.А.Киреева // Россия и Восточная Азия через 70 лет после окончания Второй мировой войны : доклады, представленные на III международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН (Москва, 11—12 ноября 2015 г.) / Совет молодых ученых ИДВ РАН. — М. : ИДВ РАН, 2016. — С. 14-19.

³²⁵ Китайская инициатива «Пояс и путь»: подробный анализ [Электронный ресурс] // PRC Today. — 2023. — URL: <https://prc.today/kitajskaya-inicziativa-royas-i-put-podrobnyj-analiz/> (дата обращения: 08.07.2024).

и Африкой, а также на масштабные прямые иностранные инвестиции в Центральную Азию, Закавказье, Восточную Европу и Ближний Восток. Это сопровождалось созданием новых рынков сбыта и пересмотром механизмов защиты инвестиций.

К 2017 г. товарооборот Китая со странами-партнёрами демонстрировал ежегодный прирост на 6%, а в Фонд Шёлкового пути было дополнительно вложено 15млрд³²⁶.

Прогнозируемый объём инвестиций в ОПОП может достичь \$4–8 трлн³²⁷.

Эволюция целей ОПОП отражает переход от первоначальной фокусировки на устойчивом развитии экономики Китая (2012–2017) к укреплению его позиций как регионального лидера (2017–2018), интеграции с соседними странами (2018–2020) и глобальной экспансии на три континента (с 2020 года). При этом неизменными остаются ключевые задачи: координация межправительственных стратегий, развитие «мягкой инфраструктуры» (торговые соглашения, стандартизация, финансовая интеграция) и укрепление культурно-образовательных связей.

Конечная цель ОПОП — формирование «Сообщества общей судьбы человечества», где Китай выступает центральным элементом новой глобальной системы взаимозависимостей в экономике, политике и безопасности.

Китай позиционирует ОПОП как проект развития, а не геополитики, избегая прямого военного сотрудничества в рамках инициативы и подчеркивая принципы широких консультаций, совместного вклада и совместного пользования выгодами.³²⁸

Однако его действия говорят о более сложных целях. Китай стремится усилить свое присутствие в Средиземноморье, используя экономические рычаги для получения стратегических преимуществ. Это включает обеспечение

³²⁶ Китайская инициатива «Пояс и путь»: подробный анализ [Электронный ресурс] // PRC Today. – 2023. – URL: <https://prc.today/kitajskaya-inicziativa-poyas-i-put-podrobnyj-analiz/> (дата обращения: 08.07.2024).

³²⁷ Инициатива "Один пояс, один путь": Китай готов к компромиссам [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 2023. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6282836> (дата обращения: 08.07.2024).

³²⁸ Gao X., Gouliamos K., Liu Z., Kassimeris C., eds. The Belt and Road Initiative: Past, Present, Future [Electronic resource]. – Springer, 2025. – 317 p. – ISBN 978-981-96-1128-7. – DOI: 10.1007/978-981-96-1128-7. – URL: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-96-1128-7> (дата обращения: 15.08.2025).

стабильных маршрутов для экспорта китайских товаров, контроль над критически важной инфраструктурой и сбор ценной разведывательной информации. В долгосрочной перспективе это может подорвать стратегическую автономию Европы, особенно в странах, пострадавших от экономических кризисов, которым Китай предлагает альтернативу европейской модели развития.

Общий объем китайских инвестиций в энергетику и инфраструктуру в Средиземноморье в период с 2015 по 2023 г. составил 54,488 млрд долларов США. При этом инвестиции в «зеленую» энергетику, включая солнечную, ветровую и гидроэнергетику, составили 5,815 млрд долларов США, что составляет 10,7% от общего объема инвестиций. Важно отметить, что в 2023–2024 гг. наблюдался значительный рост инвестиций в «зеленую» энергетику — на 63,6% . В Ближнем Востоке и Северной Африке объем вовлечения Китая в 2024 г. достиг 39 млрд долларов, что сделало регион крупнейшим получателем китайских инвестиций.³²⁹

Ядром китайской стратегии в Средиземноморье является контроль над транспортно-логистическими узлами, что позволяет Пекину обеспечить надежные маршруты для экспорта своих товаров в Европу и Африку. Ключевым элементом этой стратегии стало приобретение китайской государственной компанией COSCO контрольного пакета акций греческого порта Пирей. Этот проект, ставший флагманом ОПОП в Европе, превратил Пирей из порта, находившегося в упадке, в один из самых быстрорастущих контейнерных хабов на континенте, что наглядно демонстрирует эффективность китайской модели инвестиций.³³⁰

Аналогичная логика прослеживается и в отношении к другим портам региона. Китайские компании активно участвуют в управлении терминалами в Испании (Валенсия, Алхесирас), Италии (Вадо Лигуре) и других странах. По оценкам Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), на долю Китая приходится около 10% совокупной мощности европейских контейнерных

³²⁹ Nedopil, W. C. China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2024 [Electronic resource] / C. Nedopil Wang. – Shanghai : Green Finance & Development Center, 2025. – 35 p. – URL: <https://greenfdc.org/china-belt-and-road-initiative-bri-investment-report-2024/> (accessed: 15.08.2025).

³³⁰ Забелин, С.А. Греция – ключ к Средиземноморью? // Фактор Китая в Средиземноморье : [монография] / [А.В. Авилова и др.]; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы РАН. – М., 2022. – (Доклады Института Европы ; № 387). – С. 109–110.

терминалов, причем эта доля продолжает расти³³¹. Такая экспансия не ограничивается портами; она сопровождается инвестициями в железнодорожную инфраструктуру (например, проект высокоскоростной железной дороги Будапешт–Белград–Пирей), что создает сквозные транспортные коридоры, связывающие Средиземноморье с Центральной и Восточной Европой.³³²

Особое внимание Китай уделяет «синей экономике» — комплексному использованию морских ресурсов. Его инвестиции концентрируются в таких секторах, как морской транспорт, возобновляемая энергетика и судоремонт, что соответствует его собственным стратегическим интересам по обеспечению энергетической безопасности и продвижению «зеленых» технологий.³³³

Помимо экономических инструментов, Китай активно использует «мягкую силу» для укрепления своего имиджа и влияния в регионе. Основными каналами этой политики являются Институты Конфуция, которые функционируют в Греции, Турции, Египте, Марокко и других странах. В отличие от западных аналогов, эти центры часто ориентированы на подготовку специалистов в области бизнеса и инженерии, формируя прослойку элиты, позитивно настроенной к Китаю.³³⁴

Важным элементом китайской дипломатии стала «вакцинная дипломатия» в период пандемии COVID-19. Поставки китайских вакцин, медицинского оборудования и отправка врачебных миссий в страны региона (включая Сербию и арабские государства) позволили Пекину позиционировать себя как надежного

³³¹ Авилова, А.В. Испания и Китай в системе транспортных коммуникаций Средиземноморья // Фактор Китая в Средиземноморье : [монография] / [А.В. Авилова и др.]; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы РАН. – М., 2022. – (Доклады Института Европы ; № 387). – С. 27–28.

³³² Энтина, Е.Г. Роль КНР в структуре международного взаимодействия в регионе Юго-Восточной Европы // Фактор Китая в Средиземноморье : [монография] / [А.В. Авилова и др.]; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы РАН. – М., 2022. – (Доклады Института Европы ; № 387). – С. 97–98.

³³³ Пахомова, М.А. 50 лет дипломатических отношений КНР с Турецкой Республикой: анализ политического, экономического и делового сотрудничества // Фактор Китая в Средиземноморье : [монография] / [А.В. Авилова и др.]; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы РАН. – М., 2022. – (Доклады Института Европы ; № 387). – С. 118–130.

³³⁴ Фактор Китая в Средиземноморье = The China Factor in the Mediterranean : [монография] / [А.В. Авилова и др.]. – М. : Ин-т Европы РАН, 2022. – 200 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 387). – Парал. тит. л. англ. – Авт. указаны на об. тит. л. – DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report12022_387 ; ISBN 978-5-98163-182-5. С. – 148, 170, 176.

партнера в кризисных ситуациях, что контрастировало с первоначальной реакцией западных стран.³³⁵

На политическом уровне Китай стремится к формированию лояльного дискурса. Это проявляется в поддержке странами-партнерами позиции Пекина по чувствительным вопросам, таким как ситуация в Синьцзян-Уйгурском автономном районе или Южно-Китайское море. Например, Греция дважды блокировала заявления ЕС, критикующие Китай по вопросам прав человека и морских споров, что свидетельствует о растущем политическом влиянии Пекина на Афины.³³⁶

Традиционная китайская доктрина «невмешательства» постепенно уступает место более активной политике, обусловленной необходимостью защиты растущих экономических интересов и граждан за рубежом. Это проявляется в участии ВМС КНР в международных миссиях по борьбе с пиратством и проведении совместных учений, в том числе с Россией в Восточном Средиземноморье в 2015 г.³³⁷

Французские и американские эксперты все чаще высказывают опасения, что инвестиции в портовую инфраструктуру могут в будущем иметь двойное назначение и использоваться для создания военно-морских баз, по аналогии с базой в Джибути. Кроме того, усиление присутствия китайских телекоммуникационных гигантов, таких как Huawei, и их участие в строительстве подводных кабелей вызывают серьезные опасения в области кибербезопасности и рисков шпионажа.³³⁸

³³⁵ Тимакова, О.А. Отношения Китая со странами Средиземноморья: военные и политические аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 700—711. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-700-711.

³³⁶ Забелин, С.А. Греция – ключ к Средиземноморью? // Фактор Китая в Средиземноморье : [монография] / [А.В. Авилова и др.]; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы РАН. – М., 2022. – (Доклады Института Европы ; № 387). – С. 107.

³³⁷ Тимакова, О.А. Отношения Китая со странами Средиземноморья: военные и политические аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 700—711. DOI: 10.22363/2313-0660-2021-21-4-700-711.

³³⁸ Магадеев, И.Э. «Мягкая сила» Китая в странах Восточного Средиземноморья // Фактор Китая в Средиземноморье : [монография] / [А.В. Авилова и др.]; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы РАН. – М., 2022. – (Доклады Института Европы ; № 387). – С. 46-48.

Особое значение в рамках ОПОП отводится Африке — континенту, который рассматривается Пекином не только как рынок сбыта и источник природных ресурсов, но и как стратегический партнёр в формировании «Сообщества общей судьбы человечества».

Африка включена в «Морской Шелковый путь XXI века», проходящий через Индийский океан и охватывающий прибрежные государства от Джибути до ЮАР. Китай активно инвестирует в инфраструктурные проекты на континенте: строит железные и автомобильные дороги (например, магистраль Момбаса–Найроби), модернизирует порты (в Кении, Танзании, Намибии), развивает энергетику и создаёт промышленные парки и специальные экономические зоны, особенно в Эфиопии и Уганде. Как отмечает Дейч Т. Л., «под эгидой “пояса и пути” Китай разворачивает масштабную индустриализацию полупериферийных и периферийных государств, причем во многих из них обрабатывающая промышленность создается фактически с нуля».³³⁹

Однако сотрудничество не лишено противоречий. С одной стороны, африканские страны получают долгожданную инфраструктуру, рабочие места и инвестиции — по состоянию на 2019 г. объём торговли Китая со странами ОПОП превысил 6 трлн долларов, а африканские государства получили десятки миллиардов кредитов.

Эксперты подчеркивают, что «в мае 2021 г. член Госсовета и министр иностранных дел Китая Ван И отметил, что «даже в условиях пандемии COVID-19 Китай оставался главным торговым партнёром Африки 12 лет подряд, а китайско-африканское сотрудничество в рамках инициативы «Один пояс, один путь» продолжает углубляться, причём 46 африканских стран и Африканский союз подписали соглашения о сотрудничестве с Китаем в этой области».

За последние 20 лет Китай был крупнейшим источником занятости в странах «Чёрного континента», создавая ежегодно в среднем 18,6 тыс. новых рабочих мест,

³³⁹ Дейч, Т. Л. Место Африки в инициативе Китая “Один пояс, один путь” // Мировая экономика и международные отношения — 2020. — Том 64. — Выпуск №2 С. 118-127 [Электронный ресурс]. URL: <http://ras.jes.su/meimo/s013122270008999-9-1> (дата обращения: 22.10.2024). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-2-118-127. С. — 120.

против 12 тыс. позиций, сформированных США. Это чрезвычайно важный аспект развития, потому что именно подъём занятости остаётся лучшим способом борьбы с бедностью и содействия экономическому росту африканских стран»³⁴⁰.

С другой — растёт обеспокоенность по поводу «долговой ловушки», непрозрачности контрактов, доминирования китайских подрядчиков и рабочих (свыше 200 тыс. на 2019 г.³⁴¹), а также экологических и социальных последствий. В планах Пекина отмена импортных пошлин для африканских стран и запуск «Большой инвестиционной инициативы». Её потенциальный механизм — это переход от прямого финансирования к схеме, где китайские компании строят инфраструктуру в обмен на потенциальное право её долгосрочной эксплуатации.

Кроме экономических целей, ОПОП несёт и геостратегическую нагрузку: через контроль над портами (в Джибути, Гвадаре, Хамбантоте и др.) Китай обеспечивает себе военно-логистическое присутствие за пределами своих границ. Как пишет Дейч Т.Л., «результатами притока китайского капитала в такие порты... стали размещение там кораблей Народно-освободительной армии Китая и заключение военных соглашений»³⁴².

Тем не менее, большинство африканских государств воспринимают инициативу позитивно, видя в ней шанс на ускоренное развитие. По словам президента Эфиопии Хайлемариам Десаленя: «Мы рассматриваем Китай как успешную экономическую модель и надёжного союзника в борьбе с бедностью, а также в нашем стремлении к процветанию»³⁴³.

Таким образом, участие Африки в ОПОП — это сложный, многогранный процесс, сочетающий возможности для устойчивого развития с рисками

³⁴⁰ Сазонов, С.Л., Ильинская, И.Д. О некоторых аспектах китайской инициативы «Один пояс, один путь» // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 4. С. 47-55. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-4-47-55.

³⁴¹ Nantulya, P. Implications for Africa from China's One Belt One Road Strategy. Africa Center for Strategic Studies. Impact through Insight. 1999–2019. March 22, 2019. Available at: <https://africacenter.org/spotlight/implications-for-africa-chinaone-belt-one-road-strategy/> (accessed 13.02.2023).

³⁴² Дейч, Т. Л. Место Африки в инициативе Китая «Один пояс, один путь» // Мировая экономика и международные отношения – 2020. – Том 64. – Выпуск №2 С. 118-127. URL: <http://ras.jes.su/meimo/s013122270008999-9-1> (дата обращения: 22.10.2024). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-2-118-127. С. – 118.

³⁴³ Africa in the News: African leaders attend China's Belt and Road Summit. The Brookings. Africa in Focus, 19.05.2017. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2017/05/19/africa-in-the-news-african-leaders-attendchina-one-belt-one-road-summit-violence-escalates-in-central-african-republic-and-cote-divoire-mutiny-ends/> (accessed 27.02.2023)

зависимости и утраты суверенитета. Для Китая же Африка становится неотъемлемым звеном в стратегии переустройства глобального экономического порядка с центром в Пекине.

Для Италии, позиционирующей себя в качестве «моста» между Европой и отдельными частями Средиземноморья, в частности Африкой, эти процессы создают как новые возможности, так и серьезные вызовы.

Внутриполитический дискурс Италии в отношении Китая характеризуется сложностью и разнообразием мнений. Этот дискурс эволюционировал со временем и продолжает меняться в зависимости от внутренних и международных факторов.

В начале 2010-х гг. в итальянском политическом спектре преобладало в целом позитивное отношение к развитию отношений с Китаем. Многие политики рассматривали Китай преимущественно как источник потенциальных инвестиций и рынок для итальянского экспорта³⁴⁴. Это было особенно заметно в период экономического кризиса, когда Италия искала новые источники экономического роста.

Средиземное море в проекте «Морского Шёлкового пути XXI века», предложенным Китаем, является ключевой артерией для транспорта товаров и грузов из Китая в Европу. Власти быстро поняли, что в случае присоединения к проекту, Италия может приобрести особый «геостратегический» статус. Маттео Ренци (один из видных политиков Италии современного времени) обозначил вариант участия в ОПОП «шансом для развития национальной экономики республики, обеспечения развития итальянских портов»³⁴⁵. А Паоло Джентилони, являющийся представителем Большой семёрки, и вовсе посетил с личным визитом Форум международного сотрудничества в Пекине в 2017 г. В стороне не остался и президент Серджо Матарелла. Он выразил мнение о том, что плодотворное сотрудничество двух стран в рамках ОПОП обеспечит позиционирование Италии как «фундаментального игрока» в Средиземноморье.

³⁴⁴ Honghua, M. & Pengfei, J. (2021). The China-Italy Comprehensive Strategic Partnership: Overview and Pathways to Progress. *China Quarterly of International Strategic Studies*. 06. 1-23. 10.1142/S2377740020500153.

³⁴⁵ Renzi: bene la nuova Via della Seta, ma penso anche ai porti italiani [Электронный ресурс] // ANSA.it. – 2016. – URL: https://www.ansa.it/mare/notizie/portielogistica/news/2016/09/04/renzi-bene-la-nuova-via-seta-ma-penso-anche-ai-porti-italiani_c8381ce6-dfaf-4489-bed4-46dd8d2923ce.html (accessed: 08.07.2024).

Ключевым моментом в этом дискурсе стало подписание меморандума о взаимопонимании по инициативе «Один пояс, один путь» в 2019 г.³⁴⁶. Это решение, принятое правительством, в котором ведущую роль играло Движение пяти звезд, вызвало активные дебаты в итальянском обществе и политических кругах. Сторонники этого шага аргументировали его потенциальными экономическими выгодами, в то время как критики выражали озабоченность по поводу стратегических рисков и потенциальной зависимости от Китая. Подписание документа, хотя и носило символический характер, было продиктовано стремлением Италии сократить торговый дефицит с КНР, достигший к 2018 г. 18 млрд долларов³⁴⁷, а также привлечь китайские инвестиции в портовую инфраструктуру³⁴⁸.

В марте 2019 г. представители КНР и Италии Хэ Лифэн и Луиджи ди Майо оставили обоюдные подписи на документе под названием «Меморандум о взаимопонимании по сотрудничеству в рамках «Экономического пояса Шёлкового пути» и «Морского Шёлкового пути XXI века». Вступление двух стран в долговременные партнерские отношения в пространстве Средиземноморья спровоцировало негативную реакцию со стороны западных государств, прежде всего США.³⁴⁹ Многолетние союзники Италии открыто заявляли о прямых и косвенных угрозах, с которыми может столкнуться республика в результате плотного взаимодействия с КНР. Китай Запад обвинял в шпионаже, «хитрой игре» с Италией. А власти республики предупреждали о возможности попадания под зависимость от китайского капитала.

³⁴⁶ Memorandum d'intesa tra il Governo della Repubblica Italiana e il governo della Repubblica Popolare Cinese sulla collaborazione nell'ambito della «Via della seta economica» e dell'«iniziativa per una via della seta marittima del 21 secolo». Governo Italiano. 2019. URL: https://www.governo.it/sites/governo.it/files/Memorandum_Italia-Cina_IT.pdf (accessed: 09.10.2021).

³⁴⁷ Italia – Cina, I contenuti del Memorandum e I 29 accordi per (almeno) sette miliardi di euro // Il Sole 24 Ore. 2019. URL: <https://www.ilsole24ore.com/art/italia-cina-contenuti-memorandum-e-trenta-accordi-almeno-sette-miliardi-euro-ABPvc3gB> (accessed: 09.10.2021).

³⁴⁸ Italia – Cina: Di Maio firma tre Memorandum d'intesa su Belt and Road Initiative, E-Commerce e Startup // Ministero dello Sviluppo economico. 2019. URL: <https://www.mise.gov.it/index.php/it/per-i-media/notizie/2039474-italia-cina-di-maio-firma-tre-memorandum-d-intesa-su-belt-and-road-initiative-e-commerce-e-startup> (accessed: 09.10.2021).

³⁴⁹ Проди, Дж., Фарделла, Э. Чем опасен «один путь» Италии и Китая для США и ЕС? // Валдай. 28.03.2019. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/odin-put-italiii-kitaya/> (дата обращения: 24.05.2023).

Подписанный меморандум был составлен на китайском, итальянском и английском языках. При этом документ прямо предусматривает, что в случае разночтений приоритетной является его английская версия. В предисловии документа говорится о том, что обе стороны готовы «бросить силы на обеспечение инклюзивного роста и развития, которое будет соответствовать Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. и Парижскому соглашению об изменении климата»³⁵⁰. Также текст Меморандума отражает уважительное уважение к принципам, провозглашенным Уставом ООН.

Решение Итальянской Республики о присоединении к проекту, созданному КНР, в пространстве Средиземноморья, можно объяснить экономическим интересом, желанием страны оптимизировать торговый баланс с Китаем. По состоянию на 2018 г. его дефицит достиг отметки в 18 млрд. долл. Министерство экономического развития республики неоднократно в своих публичных выступлениях подчеркивало, что основными целями подписания этого меморандума, стали: повышение конкурентоспособности Италии, укрепление экспорта на огромный рынок КНР, приближение объёмов экспорта к показателям других европейских стран. Примерами для Италии в контексте экспортной политики стали Франция Германия, Великобритания. Также вступление в тесное сотрудничество с КНР было обусловлено желанием Италии активизировать процесс реализации инфраструктурных проектов вдоль Шёлкового пути; наконец, включить итальянские порты в международные торговые маршруты³⁵¹.

Таким образом, проведенный анализ позволяет заключить, что решение Италии было продиктовано стремлением к демонстрации суверенитета и реализации стратегии укрепления собственной субъектности, стратегии «самости» в международных делах. Соглашаясь на партнерство с Пекином, Италия

³⁵⁰ Memorandum d'intesa tra il Governo della Repubblica Italiana e il governo della Repubblica Popolare Cinese sulla collaborazione nell'ambito della «Via della seta economica» e dell'«iniziativa per una via della seta marittima del 21 secolo». Governo Italiano. 2019. URL: https://www.governo.it/sites/governo.it/files/Memorandum_Italia-Cina_IT.pdf (accessed: 09.10.2021).

³⁵¹ Фактор Китая в Средиземноморье: моногр. / под ред. А.В. Авилова, Е.С. Алексеенкова, Бочаров И.А. Москва: Изд-во Институт Европы РАН, 2022. 200 С.

рассчитывала на усиление своей мощи на международной арене, скорейшее достижение экономических выгод.

Для Китая же Италия предстает в качестве государства (территории, пространства), через которое будет выйти на рынок Европы. Особый акцент поставлен на продвижение автомобильной промышленности, которая пребывает на сегодняшний день в состоянии стагнации.

В 2019 г. выяснилось, что Италия теряет влияние в регионе. В этот период времени Итальянская Республика столкнулась с внутренним экономическим кризисом, результатом которого стал упадок ВВП. Показатель снизился не менее чем на 5,3% по состоянию на 2009 г. В 2019 г. его удалось нарастить лишь на 0,2%. Параллельно этим событиям, другие страны испытывали рост конкурентоспособности в Средиземноморье, особенно активно развивались портовая инфраструктура, транспорт.

Так, к примеру, греческий Пирей в 2019 г., который являлся ключевым портом ОПОП, продемонстрировал оборот свыше 5,7 млн TEU (прим. двадцатифутовый эквивалент (twenty-foot equivalent unit, TEU или teu) – условная единица измерения вместимости грузовых транспортных средств). А средний оборот портов Генуя и Джойя Тауро варьировался в скромных пределах - с 2,6 и 2,5 млн TEU соответственно.

По прошествии лет, статистика показывает³⁵², что экспорт в Китай не увеличился в объемах. А проект регулярного коммерческого поезда Мортара (провинция Павиа, Ломбардия) – Чэнду (провинция Сычуань), инициированный в 2017 г., вообще закрыли в связи с незагруженностью. Ожидания Рима не оправдались и в том, что доля Италии на китайском рынке осталась на уровне 1%, а инвестиции КНР концентрировались в сегменте слияний и поглощений (M&A)³⁵³.

³⁵² Tajani: 'No ad un'Europa a trazione di due o tre Paesi' / ANSA, 02.09.2023. URL: https://www.ansa.it/sito/notizie/economia/2023/09/02/tajani-no-ad-uneuropa-a-trazione-di-due-o-tre-paesi_167fd364-932c-4e3a-8894-5ce772ce770c.html (accessed 24.01.2024).

³⁵³ China signs MOUs with 37 African countries, AU on B&R development // Xinhuanet. 2018. URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-09/07/c_137452482.htm (accessed: 09.10.2021).

Страны Запада открыто осуждали действия и поведение Рима в отношении КНР.³⁵⁴ Европейские лидеры критиковали Рим за подрыв единой позиции по сдерживанию китайского влияния, особенно в вопросах контроля над стратегическими секторами³⁵⁵ и не отступали от желания ее отговорить от тесного взаимодействия с Пекином.

Американцы советовали быть максимально настороженным итальянским властям, вести тщательный мониторинг китайских инвестиций, принять решение о скорейшем прекращении сотрудничества с компанией Huawei,³⁵⁶ с которой итальянские компании стали заниматься совместной разработкой высокоскоростной сети 5G. В своих письмах итальянским властям они резюмировали, что национальный суверенитет Италии фактически передан на откуп «системному конкуренту» ЕС.

Кризис доверия со стороны ЕС и США, воспринявших меморандум как вызов трансатлантической солидарности, усугубил дипломатическую изоляцию Италии.³⁵⁷

Итальянские политические деятели с такой позицией не соглашались. А свое сотрудничество и партнерские отношения с КНР в аспекте Средиземноморья называли шагом для выхода из затяжного экономического тупика, желанием обеспечить расширение экспорта, обеспечить себе преимущества на основе центрального положения в Средиземноморье. Представители республики старались всячески переубедить партнёров по ЕС, сменить их позицию в отношении такого сотрудничества. Более того, во всех выступлениях акцентировалось внимание на том, что реализация проектов и Меморандум с

³⁵⁴ Алексеенкова, Е.С. Дискурсивная сила КНР против нормативной силы ЕС: казус Италии // *Мировая экономика и международные отношения* – 2020. – Том 64. -- Выпуск №5 С. 62-72. URL: <http://ras.jes.su/meimo/s013122270010243-8-1> (дата обращения: 24.10.2025). DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-62-72.

³⁵⁵ La Cina: sviluppi interni, proiezione esterna [Электронный ресурс] // Osservatorio di Politica Internazionale. 2020. URL: <https://www.parlamento.it/application/xmanager/projects/parlamento/file/repository/affariinternazionali/osservatorio/approfondimenti/PI0163.pdf> (accessed: 09.10.2021).

³⁵⁶ Washington Asks Allies to Drop Huawei // *The Wall Street Journal*. --- 2018. --- 23 November. --- URL: <https://www.wsj.com/articles/washington-asks-allies-to-drop-huawei-1542965105?tesla=y> (дата обращения: 24.10.2025).

³⁵⁷ Come si esce dalla Via della Seta? // *Le Formiche*. 2021. URL: <https://formiche.net/2021/06/draghi-g7-via-della-seta-cina/> (accessed: 09.10.2021).

Китаем не нарушают инвестиционное законодательство ЕС, национальные механизмы скрининга инвестиций.³⁵⁸

Существует мнение, что подписание меморандума со стороны Италии и Китая – это политический шаг. Таким образом, республика хотела привлечь к своим проблемам внимание европейских и заокеанских партнёров. Итальянские власти желали, чтобы национальные цели и устремления Италии также учитывались в международной повестке дня.

Время подписания меморандума между КНР и Италией, параллельно пришлось на процесс создания Евросоюзом собственной концепции «связности». Подписание странами меморандума, для ЕС стало неким упреком за неготовность европейским союзникам предложить альтернативу, помочь республике оказать достижению реализации имеющихся амбиций на средиземноморском направлении.

Давление Вашингтона, включая требования ограничить сотрудничество с Huawei в сфере 5G³⁵⁹, вынудило Италию ввести механизм «Golden Power»³⁶⁰. Китайские инвестиции в Риме подвергаются обязательной процедуре скрининга, порой, они блокируются с помощью «golden power rule». Планам крупных компаний КНР помочь Италии в модернизации портов Триеста и Генуи, видимо, не суждено сбыться. В страну пришли немецкие инвесторы, механизмы ЕС, которые активно реализуют эти задачи. Турция проводит мероприятия, направленные на скорейшее развитие южных портов республики. Италия рассчитывает на содействие Турции в реализации проекта ключевого транспортного коридора между Европой и Африкой.³⁶¹

Вместе с тем, Пекин не отступает от своих устремлений относительно дальнейшего партнерства и сотрудничества с Италией в контексте Средиземноморья. Власти КНР прикладывают все возможные усилия для того,

³⁵⁸ Фактор Китая в Средиземноморье: моногр. / под ред. А.В. Авилова, Е.С. Алексеенкова, Бочаров И.А. Москва: Изд-во Институт Европы РАН, 2022. 200 с.

³⁵⁹ Denisov, I., Maslova E. One belt, multiple roads: Moscow and Rome in China's geo-economic calculations [Электронный ресурс] // China – EU Relations in a New Era of Global Transformation. Ed. By Xing L. Routledge, 2021. P. 113-130.

³⁶⁰ Croci, O. The «Americanization» of Italian foreign policy? // Journal of Modern Italian Studies. 2005. Vol. 10, №1. URL: <https://doi.org/10.1080/1354571042000333342> (accessed: 09.10.2021).

³⁶¹ Фактор Китая в Средиземноморье: моногр. / под ред. А.В. Авилова, Е.С. Алексеенкова, Бочаров И.А. Москва: Изд-во Институт Европы РАН, 2022. 200 с.

чтобы удержать Италию от отказа от дальнейшего сотрудничества, предупредить принятие такого решения. Китай убежден в том, что участие Италии в проекте ОПОП будет максимально продуктивно влиять на развитие их всесторонних отношений. С этой целью, глава Италии Дж. Мелони, находясь на саммите «двадцатки» на Бали, получила приглашение к посещению Китая от Си Цзиньпина.

Однако в 2023 г. ситуация кардинально изменилась: Италия приняла решение о выходе из инициативы ОПОП. На это есть целый ряд объективных причин. Нельзя умалять роль критики сотрудничества, выражаемой со стороны давнего союзника Италии США. Вашингтон и Пекин в последние годы ведут ожесточенную торговую войну. Также у итальянского правительства возник ряд опасений, связанных с интересом Китая к инвестициям в стратегические сектора экономики.

Первые ограничительные меры, связанные с сотрудничеством с КНР, датируются 2021 г. Смена правительства в 2021 г. привела к пересмотру стратегии: Марио Драги заявил о возвращении к атлантизму и европеизму, обозначив приоритеты в программной речи перед парламентом³⁶². Это отразилось в заявлениях о возможном отказе от продления меморандума, хотя бизнес-круги Севера продолжали лоббировать китайские инвестиции³⁶³. Новое руководство Италии заблокировало попытки китайских компаний нарастить двустороннее сотрудничество в области производстве полупроводников, робототехники. Был установлен запрет на продажу Китаю итальянского предприятия, специализирующегося на разработке и выпуске военных дронов. США, фактически, не оставили выбора Италии, вынудили ее сократить сотрудничество с компаниями Huawei и Zte. Также сотрудничество в области освоения космоса заморожено на неопределенный срок.

Этот шаг отражает сложную динамику итало-китайских отношений и меняющуюся геополитическую обстановку. Решение Италии выйти из ОПОП можно рассматривать как результат нескольких факторов:

³⁶² Discorso del Presidente del Consiglio Mario Draghi al Senato della Repubblica [Электронный ресурс] // Governo Italiano. 2021. URL: <https://www.governo.it/it/media/discorso-del-presidente-del-consiglio-mario-draghi-al-senato-della-repubblica> (дата обращения: 09.10.2021).

³⁶³ Italy-China Business Forum Proceedings [Электронный ресурс] // Camera di Commercio Italo-Cinese. 2023. URL: <https://www.italychina.org> (дата обращения: 09.10.2021).

- Геополитическое давление. Усиление напряженности между Западом и Китаем, а также давление со стороны США и ЕС, вероятно, сыграли значительную роль в этом решении.
- Переоценка экономических выгод. Ожидания значительного увеличения итальянского экспорта в Китай не оправдались в полной мере, что привело к переосмыслению экономической целесообразности участия в инициативе.
- Вопросы национальной безопасности. Растущие опасения относительно китайских инвестиций в стратегические сектора экономики, включая телекоммуникации и портовую инфраструктуру, повлияли на изменение курса.
- Внутривластные изменения. Смена правительства в Италии привела к пересмотру внешнеполитических приоритетов страны.

США и ЕС не перестают оказывать давления на Италию. В 2024 г. руководство страны приняло решение, все-таки, отказаться от некоторых ранее заключенных соглашений с Китаем, прописанных в меморандуме. Так, официальный отказ Италии уже принят в отношении сотрудничества с Китаем в области развития телекоммуникационных сетей 5G, обмена данными, совместной модернизации стратегической инфраструктуры. Еще в 2019 г. госсекретарь США Майк Помпео выступил с однозначным заявлением против такого решения: «если какое-либо государство будет применять продукцию Huawei в стратегических сферах, то США отказываются от дальнейшего сотрудничества и союзничества с таким государством, не может идти и речи об обмене какими-либо данными³⁶⁴».

Решение Италии отказаться от ОПОП не является изолированным событием, а представляет собой часть более широкой трансформации европейской политики в отношении Китая. На протяжении многих лет ЕС рассматривал Китай как «стратегического партнера и конкурента», однако в последние годы эта классификация уступила место более радикальной формулировке «жесткий соперник и системный конкурент».³⁶⁵ Этот сдвиг в риторике отражает глубокие

³⁶⁴ Помпео утверждает, что деятельность Huawei противоречит западным ценностям. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6504076/amp> (дата обращения: 28.08.2024).

³⁶⁵ Федорцев В. «Жесткий соперник и системный конкурент»: Зачем Евросоюз собрался разворачивать свой курс против Китая // Российская газета. – 2022. – 18 октября. – URL: <https://rg.ru/2022/10/18/partnera-naznachili-sopernikom.html> (дата обращения: 19.10.2022).

изменения в отношениях, продиктованные как экономическими, так и геополитическими причинами. 25-й саммит ЕС-Китай, состоявшийся в июле 2025 г. в Пекине, наглядно продемонстрировал этот новый парадигмальный сдвиг. Вместо конструктивного диалога, который был характерен для прошлых встреч, саммит был ознаменован острыми разногласиями по ключевым вопросам, что привело к отсутствию каких-либо значимых совместных заявлений.³⁶⁶

Основными точками конфликта на саммите стали экономические дисбалансы и геополитические различия. ЕС вновь поднял вопрос о значительном торговом дефиците. Европейские лидеры обвинили Китай в системных искажениях, субсидировании промышленности, приводящем к избыточному производству (особенно в секторе электромобилей), и несправедливом доступе к рынку, где европейские компании сталкиваются с барьерами. В ответ на это ЕС инициировал антидемпинговые расследования против китайских электромобилей и намеревался ввести тарифы, что стало прямым вызовом китайским экономическим интересам.

Вторым, и, возможно, главным препятствием для прогресса стал вопрос Украины. ЕС прямо осудил поддержку Китаем России. Китай, в свою очередь, не скрывал своей поддержки России в рамках «неограниченного партнерства» и не принял предложения ЕС по использованию своего влияния для прекращения конфликта. Встреча превратилась в формальную процедуру для выражения взаимных претензий. И в этом новом контексте позиция Италии полностью согласуется с курсом, который ЕС избрал для себя. Для Италии китайская активность в Средиземноморье представляет собой комплексную проблему, требующую реализации общеевропейской китайской стратегии «снижения рисков без разрыва связей» (de-risking without decoupling).

Однако, несмотря на выход из ОПОП, экономическое сотрудничество между Италией и Китаем продолжается, хотя и в измененном формате. Обе страны по-прежнему заинтересованы в поддержании торговых и инвестиционных связей, но

³⁶⁶ EU-China summit, 24 July 2025 // European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2025/07/24/> (accessed: 19.09.2025).

теперь это взаимодействие происходит в рамках более осторожного и избирательного подхода со стороны Италии.

Визит премьер-министра Италии Джорджи Мелони в Китай в конце июля 2024 г. стал переломным моментом в двусторонних отношениях, ознаменовав собой глубокую переоценку стратегических приоритетов и инструментов взаимодействия после периода значительного отчуждения. Официальный визит, длившийся с 27 по 31 июля 2024 г., был первым за пять лет на высшем уровне и состоялся на фоне ряда критических изменений во внешней политике Италии³⁶⁷.

Новым форматом сотрудничества, заменившим меморандум о взаимопонимании, стал трехлетний «План действий по укреплению всеобъемлющего стратегического партнерства между Китайской народной республикой и Итальянской республикой на период 2024–2027 гг.», подписанный в ходе визита. Перечень сфер взаимодействия в новом формате также не отличается скудностью. Сюда вошли инвестиции, торговля, научно-технические исследования, защита интеллектуальной собственности, продовольственная безопасность, сельское хозяйство, защита окружающей среды, борьба с организованной преступностью, культура и туризм.

Как отмечает Авилова А.В., «главным итогом визита Мелони стал, таким образом, перевод отношений с Китаем на новую основу: проект ОПОП сменился трехлетним «Планом действий», что позволило сторонам подтвердить свое «глобальное стратегическое партнерство» на фоне возросших трудностей во взаимоотношениях Китая с США и ЕС. Для Италии, экспортирующей 40% своего валового продукта, китайский рынок существенно важен. Для Китая ценно сохранение своего присутствия в Италии, как точке пересечения его интересов со сферой влияния США в Европе, а также как возможность выхода на европейские рынки через кооперацию с итальянским бизнесом. Обе стороны имеют достаточный потенциал для налаживания технологического сотрудничества.

³⁶⁷ Премьер Италии Мелони приехала в Китай после выхода из инициативы «Пояс и путь». – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/07/30/1052739-premer-italii-meloni-priehala-v-kitai> (дата обращения: 28.08.2024).

Однако реализация «Плана действий» поставлена в рамки жестких ограничений, налагаемых на его участников развитием геополитической обстановки»³⁶⁸.

На переговорах Си Цзиньпина и Дж.Мелони было уделено, помимо всего прочего, внимание международной обстановке, ситуации, связанной с СВО, проводимой на территории Украины. При этом результаты переговоров, публикуемые каждой из сторон, не совпадают. Послы Италии пишут о том, что лидеры стран говорили о Ближнем Востоке, ситуации на Украине, Индо-Тихоокеанском регионе. А Мелони пыталась переубедить президента страны в его желании стоять на стороне России, именуя ее открытым провокатором. В китайской версии суть переговоров полностью не раскрывается, но было указано, что Италия не желает обсуждать технологическое противостояние Китая и США³⁶⁹.

Таким образом, страны по-прежнему не отказываются от стратегического партнерства, несмотря на существующие препятствия на этом пути³⁷⁰. Для Италии китайский рынок имеет стратегическое значение. А интерес Китая объясняется особым геополитическим и территориальным расположением Италии.

Как видим, партнёрство Италии и Китая и его дальнейшие успехи сегодня находятся в прямой зависимости от внутривосточной ситуации в Италии, давления, оказываемого Брюсселем и Вашингтоном на Италию, принимаемые ею решения.

С одной стороны, сотрудничество с Китаем открывает перспективы экономического роста, привлечения инвестиций и усиления роли Италии как «моста» между Европой и Азией. С другой стороны, это ставит перед итальянской дипломатией сложную задачу балансирования между развитием отношений с Китаем и сохранением традиционных союзнических связей с США и партнерами по Европейскому Союзу.

³⁶⁸ Авилова, А. В. Италия перестраивает отношения с Китаем / А. В. Авилова // Актуальные комментарии 15.08.2024 [Электронный ресурс]. – ИМЭМО РАН. – URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/italy-restructures-relations-with-china> (дата обращения: 15.08.2024).

³⁶⁹ Премьер Италии Мелони приехала в Китай после выхода из инициативы «Пояс и путь». – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/07/30/1052739-premer-italii-meloni-priehala-v-kitai> (дата обращения: 28.08.2024).

³⁷⁰ Дун, Я., Жабчик, С.В. Развитие экономического и торгового сотрудничества Китайской Народной Республики и Евросоюза в рамках инициативы «Один пояс, один путь» / Я. Дун, С.В.Жабчик // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 4. С. 207-210.

Кроме того, существует конкуренция «мягкой силы» между Италией и Китаем в Средиземноморском регионе, особенно в Северной Африке, которая представляет собой интересный аспект геополитической динамики, отражающий более широкое соперничество между европейскими странами и растущим влиянием Китая в регионе. Эта конкуренция разворачивается на фоне исторических связей, экономических интересов и культурного влияния обеих стран.

Таким образом, для внешней политики Италии выстраивание партнерских отношений с КНР в контексте Средиземноморья - реальная дилемма. Подписание меморандума с Китаем не позволило достичь желаемых целей. Более того, это пагубно сказалось на ее отношениях со странами Запада. Итальянцы предпринимают скромные попытки вести себя автономно, но всегда «оборачиваются» на мнение западных союзников, будто боясь им перечить.

В заключение следует отметить, что характер и интенсивность китайского присутствия в Средиземноморье будут играть определяющую роль в формировании региональной динамики в обозримом будущем. Для Италии это означает необходимость постоянного мониторинга ситуации, критического анализа рисков и возможностей, а также активного участия в формировании региональной политики, как на национальном уровне, так и в рамках европейских и трансатлантических структур.

Полученные результаты демонстрируют следующее. Внешняя политика Италии в Средиземноморском регионе в 2020-х г. формируется под мощным влиянием трёх внерегиональных акторов — США, России и Китая, каждый из которых оказывает воздействие через собственные инструменты: военно-политическое доминирование, энергетико-дипломатическое присутствие и геоэкономическую экспансию соответственно.

Соединённые Штаты остаются структурообразующим фактором итальянской внешней политики. Как ключевой союзник по НАТО, Вашингтон определяет рамки допустимого поведения Рима в регионе: от санкционной политики в отношении России до ограничений на сотрудничество с Китаем. При

этом Италия сохраняет элементы автономии, используя тактику «стратегического балансирования» — например, в сирийском кризисе, где Рим выступал посредником между Москвой и Вашингтоном, или в ливийском урегулировании, где пытался играть роль независимого арбитра. Однако структурная зависимость от США — через военные базы (Сигонелла, Авиано), участие в НАТО и экономическую взаимозависимость (10% итальянского экспорта приходится на США) — существенно сужает пространство для суверенной политики. Особенно показательна эволюция отношений с Китаем: присоединение к ОПОП в 2019 г. как жест «самости» сменилось выходом из инициативы в 2023 г. под давлением Вашингтона и Брюсселя, что свидетельствует о приоритете трансатлантической лояльности над краткосрочными экономическими выгодами.

Российская Федерация, несмотря на исторические связи и энергетическое партнёрство (в частности, через ENI и «Газпром»), утрачивает своё военно-морское присутствие в Средиземноморье к 2025 г. вследствие утраты базы в Тартусе, блокады Босфора и логистической изоляции. Это знаменует переход от военно-стратегического к преимущественно дипломатическому и экономико-энергетическому формату взаимодействия. Тем не менее, Россия сохраняет символический потенциал как «альтернатива Западу» в глазах ряда средиземноморских государств, особенно в Северной Африке. Для Италии же российский вектор оказался жертвой системного кризиса: санкции, высылка дипломатов, заморозка двусторонних механизмов и поддержка Киева привели к фактической маргинализации отношений. При этом в сферах, где интересы частично совпадают — например, в активизации интереса к Африке — сохраняются ниши для точечного взаимодействия, хотя и в условиях возможной конкуренции.

Китайская Народная Республика реализует в Средиземноморье масштабную геоэкономическую стратегию через инициативу «Один пояс, один путь», стремясь контролировать ключевые логистические узлы (Пирей, Вадо Лигуре) и формировать лояльные политические дискурсы. Италия изначально рассматривала участие в ОПОП как инструмент усиления своей субъектности и выхода из

экономического тупика, однако неоправдавшиеся ожидания (экспорт в Китай вырос незначительно, инвестиции оказались скромными) и давление со стороны США и ЕС заставили Рим пересмотреть курс. Выход из ОПОП и переход к трёхлетнему «Плану действий» (2024–2027) знаменуют переход к «секьюритизированному» и избирательному сотрудничеству, в котором экономические интересы подчинены стратегическим соображениям безопасности и трансатлантической солидарности.

Таким образом, итальянская внешняя политика в Средиземноморье представляет собой сложный компромисс между амбициями «средней державы», стремящейся к автономии, и реальностью структурной зависимости от западных институтов. Рим вынужден маневрировать в условиях полицентричного миропорядка, где пространство для независимого действия постоянно сужается под давлением великих держав.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поставленная цель исследования – выявление особенностей внешней политики Итальянской Республики в Средиземноморском регионе – была достигнута в результате решения комплекса взаимосвязанных задач. Проведенное исследование позволило углубить понимание современных стратегий региональных держав в условиях трансформации глобального порядка.

1. Доказано, что Средиземноморье представляет собой уникальный геополитический регион, обладающий стратегической значимостью для Италии как связующее пространство между тремя континентами. Его границы являются предметом научных дискуссий, начиная от классического определения по прибрежным государствам и заканчивая концептом «Большого Средиземноморья», включающего Черноморский бассейн и Ближний Восток. Этот регион характеризуется внутренней фрагментацией на субрегионы (Западное, Восточное и Южное Средиземноморье), каждый из которых обладает уникальной динамикой. Теоретический анализ показал, что Средиземноморье не вписывается в классическую модель «региона-системы», представляя собой сочетание перекрывающихся пространств, где военно-морское присутствие, экономические коридоры и культурные связи формируют сложную сеть взаимодействий. Сравнительный анализ экономических показателей выявил глубокие дисбалансы между Севером и Югом по причине отсутствия общей интеграционной модели. При этом Средиземноморье сохраняет статус критического узла мировой политики благодаря способности адаптироваться к глобальным трансформациям и сохранять связность трансконтинентальных потоков, несмотря на попытки маргинализации в современных академических дискуссиях.

2. Эволюция концептуальных основ внешней политики Италии была исследована через призму диалектического развития стратегических подходов. Анализ показал преемственность и трансформацию: от фашистских концепций «Mare Nostrum» и «Евроафрики», разработанных в журнале «Geopolitica» к послевоенной стратегии интеграции в западные структуры ЕС и НАТО, а затем к

возрождению термина «расширенное Средиземноморье», выходящего за рамки прибрежных стран, и современной идее «глобального Средиземноморья». Переход к «глобальному Средиземноморью» отмечается в дискурсе Дж. Мелони, где акцент сместился с географической детерминации на Средиземноморье как глобальный логистический хаб, синтезирующий европейские, африканские и ближневосточные интересы. Этот концептуальный сдвиг, апеллирующий к идеям Ф. Броделя о том, что «Средиземноморье — это то, что люди из него делают», позволяет Италии позиционировать себя не как региональную державу, а как страну с глобальной ролью, используя свое уникальное географическое положение.

Этот эволюционный путь отражает способность итальянской дипломатии адаптироваться к меняющимся геополитическим реалиям, сохраняя при этом ключевые элементы национальной идентичности. Было установлено, что современная стратегия Италии не является случайным набором инициатив, а представляет собой осмысленную адаптацию исторически сложившихся подходов к новым вызовам, где приоритетное внимание уделяется энергетической безопасности, управлению миграционными потоками и развитию торгово-экономических отношений.

3. Определено, что современная внешняя политика Италии структурирована вокруг трех фундаментальных «столпов»: европеизма, атлантизма и средиземноморской идентичности, закрепленных конституционными нормами (отказ от войны как инструмента политики, приоритет международного права) и институциональной вовлеченностью в ЕС и НАТО. В ходе анализа было выявлено, что эти векторы не конкурируют между собой, а выполняют взаимокompенсирующую функцию, создавая особый механизм легитимизации итальянской внешней политики. Анализ стратегических документов показал, что Италия рассматривает Средиземноморье как зону жизненных интересов, где необходимо сбалансировать военно-морское присутствие, свободу судоходства и торговли, защиту энергетических коридоров и противодействие нелегальной миграции.

4. В ходе исследования была сформирована авторская концептуализация средиземноморской политики Италии как системы, функционирующей в условиях структурных трансформаций мирового порядка. Показано, что для Италии Средиземноморье не представляет собой периферию европейской политики, а является динамичным пространством глобальных связей, где географическая близость сочетается с асимметрией развития и сложившейся исторической спецификой. Структурно-функциональные особенности политических контактов Италии в Средиземноморье формируются как многоуровневая система, интегрирующая национальные идеи, наднациональные форматы и международные механизмы. Эта система демонстрирует внутреннюю фрагментацию: разветвленность институциональной структуры сочетается с дублированием функций и недостаточной координацией между политическими ведомствами, бизнес-структурами и гражданским обществом. Италия последовательно конструирует свою идентичность как связующего звена между Европой, Африкой и Ближним Востоком и стремится компенсировать ресурсные ограничения через многосторонние форматы сотрудничества и роль медиатора.

5. Анализ приоритетов внешней политики Италии в Средиземноморье показал доминирование логики секьюритизации угроз в ущерб долгосрочной региональной устойчивости. Установлено, что подход Италии к обеспечению безопасности в Средиземноморье характеризуется фундаментальной дилеммой между эффективностью жестких мер сдерживания (политика «экстернализации» миграционного контроля) и этическими обязательствами перед правами человека. Три формата сотрудничества с третьими странами (Ливия, Тунис, Албания) демонстрируют различные степени попустительства системных нарушений прав мигрантов при временном успехе в снижении потоков: за 2023–2024 гг. число прибывающих в Италию через Центральное Средиземноморье значительно сократилось, однако этот спад оказался результатом тактического ужесточения контроля со стороны Туниса при поддержке ЕС и Италии, а не устранения глубинных причин миграции. Политика «экстернализации» миграционного

контроля снижает краткосрочные нагрузки, но институционально усиливает зависимость Италии от других стран.

6. Выявлено, что экономическая стратегия Италии в Средиземноморье базируется на преодолении структурной асимметрии: при высоком уровне экспортного потенциала и развитой портовой инфраструктуре страна демонстрирует крайнюю зависимость от рынков ЕС и недостаточную диверсификацию в Африку. Анализ товарооборота показал, что на одну Германию приходится почти столько же экспорта, сколько на все ключевые страны Ближнего Востока и Северной Африки вместе взятые. Такое распределение демонстрирует отсутствие стратегического видения в области экономического взаимодействия с африканскими партнерами, что делает декларируемые амбиции Рима в части развития «глобального Средиземноморья» недостаточно подкрепленными соответствующими материальными и институциональными ресурсами.

В связи с этим, был рассмотрен «план Маттеи», объявленный правительством Дж. Мелони в 2023 г., который позиционируется Италией как новая парадигма отношений с Африкой, основанная на принципах равноправного партнерства и со-разработки проектов. Анализ его реализации в 2024–2025 гг. выявил значительный разрыв между декларируемыми целями и операционной реальностью: из 64 объявленных проектов лишь 29 находятся на стадии реализации, в то время как 35 остаются на уровне инициации или оценки осуществимости. Финансирование плана фактически представляет собой перераспределение уже существующих средств, что ставит под сомнение его реальную новизну и масштабность.

Примечательно, что ключевые страны реализации пилотных проектов «плана Маттеи» (на 2025 г.: Алжир, Ангола, Гана, Египет, Кения, Кот-д'Ивуар, Мавритания, Марокко, Мозамбик, Республика Конго, Сенегал, Танзания, Тунис, Эфиопия) уже десятилетиями находятся в зоне итальянских экономических интересов. Отсутствию Ливии в списке стран реализации, при том, что план фокусируется на традиционной для Италии зоне влияния, поддается рациональному объяснению. С одной стороны, хроническая нестабильность в Ливии может помешать демонстрации быстрых и успешных результатов, создавая

значительные репутационные угрозы. С другой стороны, ключевые для Италии вопросы, прежде всего миграционный контроль, уже решаются через отдельные, целевые соглашения, что делает расширение на Ливию экономически и политически нецелесообразным.

«План Маттеи», позиционируемый как альтернатива китайским и российским моделям, на практике оказывается инструментом решения внутренних итальянских проблем (энергозависимость, миграция) и воспроизводит традиционную асимметрию в отношениях «Север-Юг» при сохранении доминирования энергетических корпораций, в частности, ENI и недостаточном финансировании несырьевых отраслей.

Итальянская модель взаимодействия наиболее наглядно представлена взаимодействием с Алжиром: абсолютный приоритет энергобезопасности оправдывает геополитические и ценностные компромиссы, военно-промышленный комплекс выступает инструментом влияния, а инструментализация исторического нарратива маскирует прагматизм сделок. Несмотря на противоречия, прагматический подход позволяет сохранять партнерство даже в условиях региональных конфликтов.

7. Влияние трех ключевых внерегиональных акторов на итальянскую внешнюю политику формирует асимметричную модель зависимости. США как стратегический союзник по НАТО задают рамки допустимого поведения Италии — от санкционной политики в отношении России до ограничений на сотрудничество с Китаем. Визит премьер-министра Дж. Мелони в Вашингтон в апреле 2025 г. и подписанное совместное заявление подтвердили углубление интеграции в рамках безопасности, технологий и энергетики, что минимизирует пространство для автономной политики.

8. Россия, сокращающая военно-морское присутствие в регионе к 2025 г. (после ухода флота из Средиземного моря в связи с утратой пункта материально-технического обеспечения в Тартусе), сохраняет символический потенциал «альтернативы Западу», но для Италии ее вектор де-факто маргинализирован из-за европейской солидарности.

9. Китай, реализуя масштабную геоэкономическую стратегию через инициативу «Один пояс, один путь», представляет для Рима одновременно вызов и возможность, как показывает опыт присоединения к инициативе в 2019 г. с последующим выходом из нее в 2023 г. под давлением Вашингтона и Брюсселя. Согласно совместному плану действий Италия–Китай (2024–2027), новый формат сотрудничества фокусируется на инвестициях, торговле, научно-технических исследованиях и защите интеллектуальной собственности, но ограничения в технологической и оборонной сферах сохраняются.

Перспективы итальянской стратегии в Средиземноморье зависят от способности преодолеть внутренние противоречия. Главными вызовами остаются: разрыв между амбициями регионального лидерства и ресурсными ограничениями; зависимость от решений ЕС/НАТО; этический кризис, порождаемый политикой экстернализации миграционного контроля. Будущая эффективность курса будет определяться переходом от репрессивных мер к долгосрочным инвестициям в устойчивое развитие стран происхождения мигрантов, а также последовательным утверждением роли связующего звена между Европой, Африкой и Ближним Востоком на основе реального экономического и дипломатического вклада, а не только риторических заявлений.

Таким образом, внешняя политика Италии в Средиземноморье представляет собой динамичную модель адаптации в условиях поликризисной реальности и демонстрирует парадокс: страна позиционирует себя как незаменимое звено, но ее суверенитет де-факто ограничен. Интеграция в ЕС и НАТО сужает пространство для самостоятельных действий, а заявленные амбиции — будь то «план Маттеи» или концепция «глобального Средиземноморья» — не подкреплены ресурсами. Согласно теории региональных комплексов безопасности, Италия действует как «пороговый актор»: она способна влиять на отдельные вопросы (миграция, энергетика), но не может переформатировать региональный порядок. Ключевой результат ее политики — не масштабное влияние, а способность адаптировать национальные интересы к стратегиям более мощных союзников и успешное балансирование.

Диссертационное исследование подтвердило существование специфической модели внешнеполитического позиционирования Италии, которая характеризуется следующими ключевыми особенностями. Во-первых, это структурная устойчивость концептуальных рамок при оперативной адаптивности конкретных инструментов реализации. Во-вторых, преобладание прагматических национальных интересов над декларируемыми идеологическими установками, что проявляется в разрыве между заявленными целями «плана Маттеи» и реальными мотивами его реализации. В-третьих, стратегическая зависимость от внешних факторов при сохранении внешней автономии, которая выражается в умении Италии формировать свой уникальный нарратив в условиях жестких ограничений со стороны ключевых акторов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Официальные документы на русском языке

1. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020.
2. Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2019 г. № 216.
3. Конвенция Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности : принята в г. Нью-Йорке 15.11.2000 Резолюцией 55/25 на 62-ом пленарном заседании 55-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН. — URL: <https://www.unodc.org/documents/treaties/UNTOC/Publications/TOC%20Convention/TOCebook-r.pdf> (дата обращения: 20.10.2023).
4. Концепция внешней политики Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229.
5. Морская доктрина Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 июля 2022 г. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1688734/ (дата обращения: 01.08.2022).
6. Основы государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 года : утв. Указом Президента Российской Федерации от 20 июля 2017 г. № 327.
7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации : утв. Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400.
8. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 9 июня 2020 г. № 1523-р.

Официальные документы на иностранных языках

9. A Strategic Compass for Security and Defence. European External Actions Service (EEAS). Available at: https://www.eeas.europa.eu/eeas/strategic-compass-security-and-defence-0_en (accessed: 29.04.2022).
10. Barcelona Declaration adopted at the Euro-Mediterranean Conference (27–28 November 1995). European Council. European External Action Service (EEAS), 2005. Available at: <https://ufmsecretariat.org/wp-content/uploads/2015/10/Declaracion-de-Barcelona-1995.pdf> (accessed: 17.06.2022).
11. Barcelona Process: Union for the Mediterranean. Communication from the European Commission to the European Parliament and the Council. European Commission. Brussels, 20.05.2008. Available at: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=legissum:rx0001> (accessed: 29.04.2022).
12. Declaration on Security and Co-operation in the Mediterranean, adopted by the Ministerial Council at the Twenty-Fifth Meeting (Second day), Milan, 7 December 2018. Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE). MC (25) Journal No. 2, Agenda item 7. Available at: <https://www.osce.org/files/mcdoc0004%20decl%20mediterranean%20dimension%20en.pdf> (accessed: 29.04.2022).
13. Decreto-legge 15 novembre 2023, n. 161. Disposizioni urgenti per il «Piano Mattei» per lo sviluppo in Stati del Continente africano. Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana, no. 267, 2023.
14. Direttiva per la Politica Militare Nazionale. Ministero della Difesa. 2022. Available at: https://www.difesa.it/Il_Ministro/Documents/Direttiva%20PMN%202022.pdf (accessed: 17.02.2023).
15. Documento Programmatico Pluriennale della Difesa per il Triennio 2024-2026. Ministero della Difesa della Repubblica Italiana. 2024. Available at: https://www.difesa.it/assets/allegati/30714/dpp_2024-2026_final_firmato.pdf (accessed: 10.07.2024).
16. La Relazione Annuale sulla Politica dell'Informazione per la Sicurezza 2025. Sicurezza Nazionale. 2025. Available at:

<https://www.sicurezzanazionale.gov.it/contenuti/relazione-al-parlamento-2025>
(accessed: 10.04.2025).

17. La Strategia Italiana nel Mediterraneo: Stabilizzare le Crisi e Costruire un'Agenda Positiva per la Regione. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. Farnesina, 2017. 52 p. Available at: <https://www.esteri.it/mae/resource/doc/2017/12/med-maeci-ita.pdf> (accessed: 15.10.2023).

18. Libro Bianco. Per la sicurezza internazionale e la difesa. Ministero della Difesa. Roma, 2015. Available at: <https://www.iai.it/sites/default/files/iai1509.pdf> (accessed: 10.07.2024).

19. Memorandum d'intesa tra il Governo della Repubblica Italiana e il governo della Repubblica Popolare Cinese sulla collaborazione nell'ambito della «Via della seta economica» e dell'«iniziativa per una via della seta marittima del 21 secolo». Governo Italiano. 2019. Available at: https://www.governo.it/sites/governo.it/files/Memorandum_Italia-Cina_IT.pdf (accessed: 09.10.2021).

20. NATO Partnerships. North Atlantic Treaty Organization (NATO). Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_52927.htm (accessed: 06.05.2022).

21. Partenariato con l'Africa. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale (MAECI). 2020. Available at: https://www.esteri.it/mae/resource/doc/2020/12/2020_12_10_partenariato_con_lafrica_-_versione_italiana.pdf (accessed: 30.03.2023).

22. Piano Nazionale di ripresa e resilienza. Governo Italiano. 2021. Available at: <https://www.governo.it/sites/governo.it/files/PNRR.pdf> (accessed: 11.02.2024).

23. Relazione sullo stato di attuazione del Piano Mattei - aggiornata al 10 ottobre 2024 - Doc. CCXXXIII, n. 1. Camera dei Deputati, Senato della Repubblica. 2024. 7 p. Available at: <https://documenti.camera.it/Leg19/Dossier/Pdf/ES0242.Pdf> (accessed: 23.09.2025).

24. Relazione sullo stato di attuazione del Piano Mattei - aggiornata al 30 giugno 2025 - Doc. CCXXXIII, n. 2. Governo Italiano. Submitted by the Government to the Chambers on July 9, 2025. 11 p. Available at: <https://temi.camera.it/leg19/dossier/OCD18-20828/relazione-sullo-stato-attuazione-del-piano-mattei-aggiornata-al-10-ottobre-2024-doc-ccxxxiii-n-1.html> (accessed: 23.09.2025).

25. Statement by NATO Foreign Ministers. Issued at the Meeting of the North Atlantic Council at the level of Foreign Ministers held in Brussels, 27-28 November 2024. North Atlantic Treaty Organization (NATO). Available at: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_227678.htm (accessed: 06.05.2022).

26. Strategia di sicurezza e difesa per il Mediterraneo. Ministero della Difesa. 2022. Available at: <https://ciram.unimc.it/it/focus/diritto-geopolitica-mare/italia-sicurezza-spazi-marittimi/litalia-e-la-sicurezza-degli-spazi-marittimi/StrategiaMediterraneo2022.pdf> (accessed: 29.03.2023).

27. Tajani-Crosetto: primo tavolo Esteri-Difesa della XIX Legislatura. Ministero della Difesa. Available at: <https://www.difesa.it/primopiano/tajani-crosetto-primo-tavolo-esteri-difesa-della-xix-legislatura/38319.html> (accessed: 03.02.2023).

28. UNGA, incontro bilaterale con il Presidente della Repubblica Araba Siriana. Governo Italiano. 2025, 23 settembre. Available at: <https://www.governo.it/it/articolo/unga-incontro-bilaterale-con-il-presidente-della-repubblica-araba-siriana/29829> (accessed: 23.09.2025).

29. United States – Italy Joint Leaders' Statement. The White House. 2025. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/2025/04/united-states-italy-joint-leaders-statement/> (accessed: 19.04.2025).

Монографии и коллективные труды на русском языке

30. «Мягкая сила» в Черноморско-Средиземноморском регионе = «Soft power» in the Black Sea – Mediterranean region : [монография] / Е.Г. Энтина, Н. Танасич [и др.]. – М.: Ин-т Европы РАН, 2023. – 194 с. – (Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 398). – Парал. тит. л.

англ. – ISBN 978-5-98163-199-3. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report12023_398. – EDN: –TWJUCL.

31. Аватков, В. А., Агазаде, М. М., Аникеев, В. В. [и др.] Большое Средиземноморье как формирующаяся подсистема международных отношений : монография / под ред. Д. А. Дегтерева, М. М. Агазаде. — Москва : Аспект Пресс, 2023. — 664 с. — ISBN 978-5-7567-1264-3.

32. Авилова, А. В. Испания и Китай в системе транспортных коммуникаций Средиземноморья // Фактор Китая в Средиземноморье : [монография] / [А.В. Авилова и др.]; Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы РАН. — М., 2022. — (Доклады Института Европы ; № 387). — С. 27-28.

33. Алексеенкова, Е. С. Политический процесс в современной Италии: антиполитика и популизм эпохи Второй республики: [монография]. — М.: Ин-т Европы РАН, 2023. — 218 с. — EDN: DXUUDI. — DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/9785981632136>. — ISBN 978-5-98163-213-6.

34. Африка и контуры формирующегося мира: монография / Карпович О. Г., Сидорова Г. М., Шангараев Р. Н., Шахалова А. А. — Дипломатическая академия МИД России. — Москва: ООО «Сам полиграфист», 2024. — 252 с.

35. Африканский вектор внешней политики Франции: трудное расставание с «Франсафрик»/ Институт Европы РАН. Москва: Институт Европы РАН, Издательство «Весь Мир», 2024. – 40 с.

36. Бродель, Ф. Очерки истории / Пер. с фр. Э. Орловой. — М.: Академический проект; Альма Матер, 2015. — 223 с. — (Исторические технологии). — ISBN 978-5-8291-1638-5.

37. Будущее Большой Европы. Перспективы развития макрорегиона: монография / [К. А. Годованюк и др.]; под ред. М. В. Ведерникова, А. К. Ивановой. — М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2020. — 316 с. — DOI: 10.15211/978-5-98163-166-5.

38. Европа в глобальной пересборке : монография / отв. ред. Ал. А. Громыко ; Институт Европы РАН. - Москва : Издательство «Весь Мир», 2023. - 508 с. - (Старый Свет - новые времена). - ISBN 978-5-7777-0926-4.

39. Европа в глобальной пересборке [монография] / Институт Европы РАН; отв. ред. Ал.А. Громыко. – М.: Издательство «Весь Мир», Институт Европы РАН, 2023. – 508 с. – (Старый Свет — новые времена). — ISBN 978-5-98163-209-9.

40. Европейская аналитика 2024 = European analytics 2024 / Федеральное гос. Бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук / под общ. ред. К. Н. Гусева. – М.: ИЕ РАН, 2024. – 168 с. – Парал. тит. л. англ. – DOI 10.15211/978-5-98163-226-6. – EDN – JJMGRT – ISBN 978-5-98163-226-6.

41. Европейский союз на рубеже веков / [Ю. В. Шишков, Д. А. Данилов, Ю. А. Гусаров и др.; Редкол.: Т. Г. Пархалина (гл. ред.) и др.]; Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. - Москва : ИНИОН РАН, 2000. - 294 с. : табл.; 20 см.; ISBN 5-248-01343-7

42. Западные и незападные акторы в обеспечении безопасности в Африке : доклад No 89 / 2023 / [А.Р. Андропова, Т.С. Богдасарова, С.А. Бокерия и др.; под ред. Е.О. Карпинской, Т.С. Богдасаровой, С.М. Гавриловой]; Российский совет по международным делам (РСМД). — М.: НП РСМД, 2023. — 72 с.

43. Зверева, Т. В. Международные отношения в европейском регионе. Политические проблемы современных международных отношений : учебное пособие / отв. ред. Т. В. Каширина, К. А. Феофанов. — Москва : Проспект, 2019. — 272 с. — С. 70-99. — ISBN 978-5-392-30571-1.

44. Зонова, Т. В. История внешней политики Италии. — М.: Международные отношения, 2016. — 352 с.

45. Итальянская республика в меняющемся мире / Институт Европы Российской академии наук. – Санкт-Петербург : Издательство Нестор-История, 2014. – 142 с. – (Доклады Института Европы). – ISBN 978-5-98163-040-8. – EDN SYVSAX.

46. Карпович, О. Г. Новая геометрия полицентричного мира : сборник статей. — Москва : Дипломатическая академия МИД России, 2025. — 600 с. — ISBN 978-5-605-26652-5. — EDN FJCWIA.
47. Мальгин, А. В. Европа и Средиземноморье: проблема единого пространства, безопасности и межрегионального взаимодействия // Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. — М.: РОССПЭН, 2002.
48. Маслова, Е. А. Европейские экономические модели. Итальянская модель // Мировая экономика и международные экономические отношения. Полный курс: учебник. Под ред. А.С. Булатова. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: КНОРУС, 2021.
49. На перекрестке Средиземноморья: "Итальянский сапог" перед вызовами XXI века / Т. В. Зонова, Н. П. Шмелев, В. П. Любин [и др.] ; Институт Европы РАН. — Москва : Весь Мир, 2011. — 456 с. — (Старый свет - новые времена). — ISBN 978-5-7777-0519-8. — EDN PJDQGF.
50. Пархалина, Т. Г. Средиземноморье: новые измерения безопасности // Европейский альманах. — 1997.
51. Российский «пояс соседства» в условиях санкционной войны: Научный доклад / Под ред. Л.Б. Вардомского (отв. ред.), И.А. Коргун, Н.В. Куликовой, А.Г. Пылина. — М.: Институт экономики РАН, 2022. — 118 с.
52. Трофимова, О.Е. Эволюция средиземноморской политики Евросоюза: путь от сотрудничества к интеграции. М., ИМЭМО РАН, 2011, 122 с.
53. Фактор Китая в Средиземноморье: [монография] / [А.В. Авилова и др.]. — М. : Ин-т Европы РАН , 2022. — 200 с. — (Доклады Института Европы/ Федеральное гос. бюджетное учреждение науки Ин-т Европы Российской акад. наук ; № 387). — Парал. тит. л. англ. — Авт. указаны на об. тит. л. — DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report12022_387 ; ISBN 978-5-98163-182-5.
54. Цыкало, А. В. Россия - Италия: вчера и сегодня / А. В. Цыкало ; Дипломатическая акад. МИД России. - Москва : Восток-Запад, 2009. - 205 с.; 20 см.; ISBN 978-5-478-01234-2

Монографии и коллективные труды на иностранных языках

55. Balsamo, A., Mattarella, A. and Tartaglia, R. *La Convenzione di Palermo: il futuro della lotta alla criminalità organizzata transnazionale*. Giappichelli, 2020. ISBN 9788892134140.

56. Bull, A.C. Italy's 'soft' power. In: *Modern Italy: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 2016. Pp. 57-69. DOI: 10.1093/actrade/9780198726517.003.0007. Available at: <https://academic.oup.com/book/900/chapter-abstract/135486447?redirectedFrom=fulltext> (accessed: 23.09.2025).

57. *China-EU Relations in a New Era of Global Transformation* / Li. Xing, A. Caffarena, G. Gabusi [et al.]. – London : Routledge, 2021. – 310 p. – ISBN 978-1-003-09694-8. – EDN IZWSKG.

58. FitzGerald, D.S. *Refuge beyond Reach: How Rich Democracies Repel Asylum Seekers*. Oxford University Press, 2019. 328 p. ISBN 9780190874172.

59. Franza, L., et al. *Geopolitics and Italian Foreign Policy in the Age of Renewable Energy*. Istituto Affari Internazionali (IAI), 2020. Available at: <http://www.jstor.org/stable/resrep25350> (accessed: 08.05.2022).

60. Honghua, M. and Pengfei, J.. *The China-Italy Comprehensive Strategic Partnership: Overview and Pathways to Progress*. *China Quarterly of International Strategic Studies*, 2021, vol. 06, pp. 1-23. DOI: 10.1142/S2377740020500153.

61. *Mediterranean Transitions from the Gulf to the Sahel. The Role of Italy and the EU*. Ed. by Daga, G. and Raimondi, P.P. Rome: Nuova Cultura, 2024. 139 p. (IAI Research Studies; iss. 11). ISBN 978-88-3365-701-1. DOI: 10.4458/7011.

62. *The Belt and Road Initiative: Past, Present, Future*. Ed. by Gao, X., Gouliamos, K., Liu, Z. and Kassimeris, C. Springer, 2025. 317 p. ISBN 978-981-96-1128-7. DOI: 10.1007/978-981-96-1128-7. Available at: <https://link.springer.com/book/10.1007/978-981-96-1128-7> (accessed: 15.08.2025).

Научные статьи на русском языке

63. Аватков, В. А. Популизм во внешней политике Турецкой Республики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные

отношения. — 2021. — Т. 21, № 3. — С. 543-554. — DOI 10.22363/2313-0660-2021-21-3-543-554. — EDN OILCHF.

64. Авилова, А. В. Социально-экономические реформы правительства Марио Драги // Общественные науки и современность. — 2022. — № 1. — С. 59-74. — DOI 10.31857/S0869049922010014.

65. Агазаде, М. М. Оглы Большой Средиземноморский региональный комплекс безопасности: миф или реальность? // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. — 2021. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bolshoy-sredizemnomorskiy-regionalnyy-kompleks-bezopasnosti-mif-ili-realnost> (дата обращения: 31.07.2022).

66. Аквилянов, Ю., Сизов, В. Итальянцы по стандартам НАТО // Военные комиссариаты России : информ.-аналит. и метод. журн. Минобороны России. — 2022. — 10 нояб. — URL: <https://limited-voenkom.ric.mil.ru/Stati/item/441941/> (дата обращения: 20.05.2024).

67. Алексеенкова, Е. С. Ближний Восток и Северная Африка во внешней политике Италии: подходы к проблемам безопасности // Актуальные проблемы Европы. — 2025. — № 4. — С. 250-276. — DOI 10.31249/ape/2025.04.14 (дата обращения: 23.10.2025).

68. Алексеенкова, Е. С. Дискурсивная сила КНР против нормативной силы ЕС: казус Италии // Мировая экономика и международные отношения. — 2020. — Т. 64, № 5. — С. 62-72. — URL: <http://ras.jes.su/meimo/s013122270010243-8-1> (дата обращения: 24.10.2025). — DOI 10.20542/0131-2227-2020-64-5-62-72.

69. Алексеенкова, Е. С. Дискурсивные стратегии Италии в «Большом Средиземноморье» и Африке: новизна и преемственность // Современная Европа. — 2024. — № 6. — С. 32-44. — DOI 10.31857/S0201708324060032.

70. Алексеенкова, Е. С. Италия в Средиземноморье: дилеммы "средней державы" // Мировая экономика и международные отношения. — 2022. — Т. 66, № 1. — С. 80-90. — DOI 10.20542/0131-2227-2022-66-1-80-90. — EDN KHAVNJ.

71. Алексеенкова, Е.С. Италия в Восточном Средиземноморье: между экономикой и геополитикой. Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. №5 (17). 2020. С. 68-75. DOI:<http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran520206875>.
72. Алонци Р., Любин, В. П. Италия: зазоры внешней политики правительства Мелони (между атлантизмом, европеизмом и поисками самоопределения) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2024. — Т. 17, № 1. — С. 54-68. — DOI 10.31249/kgt/2024.01.03. — EDN EYJZXP.
73. Арбатова, Н. К. Италия и контроль над вооружениями: дилеммы идентичности // Современная Европа. — 2025. — № 3. — С. 5-17. — DOI 10.31857/S0201708325030015.
74. Белозеров, В. К. Методы анализа стратегических культур // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2022. — Т. 15, № 5. — С. 29-49. — DOI 10.31249/kgt/2022.05.02. — EDN MLKXZE.
75. Бокерия, С. А., Данилов В. В. Особенности культурной дипломатии Италии // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. — 2019. — Т. 19, № 4. — С. 643-653.
76. Бритова, В. Р. Основные подходы к пониманию «средней державы» // Евразийство и мир. — 2022. — Вып. 1. — С. 47—53.
77. Буторина, О. В. Европейский союз и большие циклы экономической интеграции // Международные процессы. — 2025. — DOI 10.46272/IT.2024.22.3.78.1. — EDN MPBOPF.
78. Васильков, В. В. Эволюция внешней политики Италии в регионе Ближнего Востока и Средиземноморья (2001—2007 гг.) // Журнал международного права и международных отношений. — 2007. — № 4. — С. 12-32.
79. Винокуров, В. И. От однополярного к многополярному миру: теоретическое обоснование неизбежности трансформации мирового порядка // Дипломатическая служба. — 2023. — № 1. — С. 43-52. — DOI 10.33920/vne-01-2301-04. — EDN GDANOL.

80. Власова, К. В. Восточно-средиземноморский трубопровод (EASTMED) как элемент диверсификации региональных поставок // Современная Европа. — 2024. — № 1 (122). — С. 117-128. — DOI 10.31857/s0201708324010091.

81. Володин, А. Г. Отношения «гигантов»: Индия и Китай в современном мире // Вестник ученых-международников. — 2023. — № 4(26). — С. 209-218. — EDN KPRVJS.

82. Воробьев, С. В., Ногмова А. Ш. Международное взаимодействие приграничных субъектов России. Деятельность в условиях санкционного давления Запад // Обозреватель. — 2025. — № 1(408). — С. 86-96. — DOI 10.48137/2074-2975_2025_1_86. — EDN QUTUCK.

83. Гаврилова, С. М. Джорджа Мелони - новый премьер-министр Италии: «женщина, христианка, итальянка» // Электронный научно-образовательный журнал "История". — 2023. — Т. 14, № 4(126). — DOI 10.18254/S207987840025946-9. — EDN DUHPZV.

84. Гаврилова, С. М. Европейский вектор внешней политики Италии // Проблемы постсоветского пространства. — 2022. — Т. 9, № 3. — С. 301-318. — DOI 10.24975/2313-8920-2022-9-3-301-318. — EDN RUHNUC.

85. Гаврилова, С. М. Политика Италии в Средиземноморье: основные партнеры // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. — 2021. — № 4 (30). — С. 71-87.

86. Глубокая, О. А. Африка во внешней политике Италии: между популизмом и прагматизмом // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. — 2024. — № 3. — С. 19—30. — DOI 10.15211/vestnikieran320241930.

87. Глубокая, О. А. Внешнеполитическое балансирование Италии // Русская политология. — 2025. — № 2(35). — С. 54-60.

88. Глубокая, О. А. Внешняя политика Италии в странах Южного Средиземноморья: «Цивилизаторская миссия 2.0» vs «диалог цивилизаций» // Русская политология. — 2023. — № 4(29). — С. 67-73. — EDN AOFZRE.

89. Глубокая, О. А. Внешняя политика Италии и ее (не)успехи в реформировании ЕС // Общество: политика, экономика, право. — 2025. — № 7. — С. 42—47. — DOI 10.24158/пер.2025.7.5.

90. Глубокая, О. А. Доктринальные нюансы национальных интересов Итальянской Республики в Средиземноморье // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. — 2024. — Т. 13, № 2(55). — С. 405-411. — DOI 10.35775/PSI.2024.55.2.018. — EDN CDKKUQ.

91. Гоффе, Н. В. Италия в зеркале миграционных проблем // Мировая экономика и международные отношения. — 2017. — № 9. № 9, сс. 77-88. . — DOI <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2017-61-9-77-88>

92. Громыко, А. А. Мир полицентризма: роль ценностей в конкуренции ведущих держав // Полис. Политические исследования. — 2024. — № 6. — С. 7-21. — DOI 10.17976/jpps/2024.06.02. — EDN RGEQWS.

93. Громыко, А. А. Россия, США, малая Европа (ЕС): Конкуренция за лидерство в мире полицентричности / А. А. Громыко // Вестник Российской академии наук. — 2016. — Т. 86, № 2. — С. 108. — DOI 10.7868/S0869587316020043. — EDN VLPYIZ.

94. Дейч, Т. Л. Китай в Африке: «неоколониализм» или «winwin» стратегия? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2018. — Т. 11, № 5. — С. 119—141. — DOI 10.23932/2542-0240-2018-11-5-119-141.

95. Дейч, Т. Л. Место Африки в инициативе Китая "Один пояс, один путь" // Мировая экономика и международные отношения. — 2020. — Т. 64, № 2. — С. 118-127. — URL: <http://ras.jes.su/meimo/s013122270008999-9-1> (дата обращения: 22.10.2024). — DOI 10.20542/0131-2227-2020-64-2-118-127.

96. Дун, Я., Жабчик, С. В. Развитие экономического и торгового сотрудничества Китайской Народной Республики и Евросоюза в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2024. — № 4. — С. 207-210.

97. Еремин, Д. П. Итальянское военное присутствие в Адриатико-Ионическом макрорегионе // Современная Европа. — 2023. — № 7. — DOI 10.31857/S0201708323070173.
98. Ермакова, Е. П. «Солнечные» споры: может ли выход Италии из договора к энергетической хартии привести к его краху? // Государство и право. — 2022. — № 3. — С. 150-163.
99. Животовская, И. Г. Италия: От эмиграции к иммиграции // Актуальные проблемы Европы. Западная Европа перед вызовом иммиграции. — 2005. — № 1. — С. 175-189.
100. Жильцов, С. С. Арктический вектор политики ЕС // Современная Европа. — 2022. — № 3(110). — С. 49-61. — DOI 10.31857/S0201708322030044. — EDN GEZAON.
101. Захаров, А. Н., Игнатян Д. А. Достижения Италии в сфере развития альтернативных источников энергии и применение итальянского опыта в России // Российский внешнеэкономический вестник. — 2022. — № 11. — С. 64-75.
102. Зонова, Т. В. История внешней политики Италии. — М.: Международные отношения, 2016. — 352 с.
103. Зонова, Т. В. От Европы государств к Европе регионов? // ПОЛИС. — 1999. — № 5.
104. Иванов, О. П. Американская официальная концепция расширения НАТО на восток: к истокам вопроса // Современная Европа. — 2017. — № 6(78). — С. 34-46. — EDN YQRCVH.
105. Конопляник, А. А. Великий перелом в мировой энергетике // Эксперт. — 2023. — № 4. — С. 54—55.
106. Косов, Г. В., Нечаев, В. Д., Татарков, Д. Б. Российский проект Большого Средиземноморья: от имперских традиций к новому витку большого противостояния // Вопросы элитологии. — 2021. — Т. 2, № 3. — С. 123-139. — DOI 10.46539/elit.v2i3.75. — EDN JHGYCE.
107. Кутырев, Г. Позиция Италии в сирийском кризисе: между Западом и Россией // Россия и мусульманский мир. — 2017. — № 9 (303). — URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/pozitsiya-italii-v-siriyskom-krizise-mezhdu-zapadom-i-rossiey> (дата обращения: 26.09.2020).

108. Малышева, Д. Б. Россия в Средиземноморье: геополитика и современные интересы // *Международная жизнь*. — 2015. — № 11. — С. 111 — 123.

109. Маслова, Е. А., Иванов, Г. Поведение средних держав в многосторонних институтах: опыт политики Италии в ООН // *Международные процессы*. — 2024. — Т. 22, № 1. — С. 63-79. — DOI 10.46272/IT.2024.22.1.76.7.

110. Маслова, Е. А., Ушакова, Н. В. Средиземноморская политика Италии (окончание) // *Вестник Брянского государственного университета*. — 2018. — № 2 (36). — С. 107-116.

111. Маслова, Е. А., Шебалина, Е. О. «Средиземноморская карта» в европейской политике Италии // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. — 2023. — № 2 (32). — С. 25-33.

112. Маслова, Е. А., Шебалина, Е. О. США как фактор итальянской политики // *Современная Европа*. — 2022. — № 1 (108). — С. 35—48. — DOI 10.31857/S020170832201003X.

113. Михайленко, В. И., Перевалова А. А. Итальянский национальный интерес в обновлённой военно-политической стратегии // *Современная Европа*. — 2017. — № 2 (74). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/italyanskiy-natsionalnyy-interes-v-obnovlyonnoy-voenno-politicheskoy-strategii> (дата обращения: 28.04.2025).

114. Михлин, А. А., Молочный В. В., Охремчук С. Н. [и др.] Новые вызовы и угрозы национальным интересам России в Средиземноморском регионе // *Военная мысль*. — 2020. — № 6. — С. 24-42. — EDN VYUMWL.

115. Муромцева, О. В. Италия: формирование концепции средиземноморской безопасности // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2004. — № 8.

116. Мchedлова, М. М. Секьюритизация миграции: социокультурная онтология современности // *Международная аналитика*. — 2023. — Т. 14, № 3. — С. 127-141. — DOI 10.46272/2587-8476-2023-14-3-127-141. — EDN HJBDJJ.

117. Неймарк, М. А. Прошлое и будущее геополитики: отрицание отрицания // Современная Европа. — 2023. — № 3(117). — С. 178-187. — DOI 10.31857/S0201708323030154. — EDN BUNDBZ.
118. Нестерова, Т. П. Борьба Италии за сохранение колониальной империи в 1943—1949 гг. // Научный диалог. — 2013. — № 1(13) : История. Социология. Экономика. — С. 66—91.
119. Овакимян, М. С. Возобновляемые источники энергии в Италии // Мировое и национальное хозяйство. — 2022. — № 2 (59). — С. 52-61.
120. Овакимян, М. С. Проблемы рынка труда Италии и пути их решения // Горизонты экономики. — 2017. — № 5(38). — С. 107-114. — EDN ZRAFTX.
121. Окунев, И. Ю., Захарова Е. А. Большое Средиземноморье как макрорегион: опыт пространственного анализа // Полис. Политические исследования. — 2022. — № 3. — С. 24-37. — DOI 10.17976/jpps/2022.03.03.
122. Питухина, М. А. Возрастание роли Италии в экономическом и политическом измерениях ЕС // Северное измерение (социально-политический альманах). — Петрозаводск, 2007.
123. Попов, Г. Г. Юго-западное Средиземноморье как фактор в военной экономике и внешнеэкономической политике нацистской Германии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. — 2014. — № 5. — С. 33-39. — EDN TIGZKL.
124. Прохоренко, И. Л. Федерика Могерини: новое лицо европейской дипломатии // Россия и мир. Вестник дипломатической академии МИД России. — 2015. — № 1(3). — С. 79 — 86.
125. Савичева, Е. М. Геополитический фактор во взаимодействии государств Средиземноморско-Черноморского ареала: проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. — 2009. — № 3. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskiy-faktor-vo-vzaimodeystvii-gosudarstv-sredizemnomorsko-chernomorskogo-areala-problemy-i-perspektivy> (дата обращения: 20.08.2023).

126. Сазонов, С. Л., Ильинская И. Д. О некоторых аспектах китайской инициативы «Один пояс, один путь» // Восточная Азия: факты и аналитика. — 2022. — № 4. — С. 47-55. — DOI: 10.24412/2686-7702-2022-4-47-55.

127. Сидорова, Г. М. Африка: вторая независимость или провальные попытки запада реставрировать колониализм (на примере бывших колониальных владений Франции) // Электронный научно-образовательный журнал "История". — 2024. — Т. 15, № 10(144). — DOI 10.18254/S207987840032608-7. — EDN RQNHGQ.

128. Спартак, А. Н., Французов В. В. Влияние антироссийских санкций на европейскую экономику // Российский внешнеэкономический вестник. — 2022. — № 12. — С. 7-17.

129. Сурков, Н. Ю. Региональные приоритеты и партнёры России в Восточном Средиземноморье // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. — 2021. — № 4. — С. 84-89.

130. Табаринцева-Романова, К. М. Италия и страны АСЕАН: культурно-гуманитарное сотрудничество // Азиатско-Тихоокеанский регион: вчера и сегодня : Сборник статей. — Москва : Институт востоковедения РАН, 2023. — С. 288-318. — EDN GYHDNL.

131. Тимакова, О. А. Отношения Китая со странами Средиземноморья: военные и политические аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. — 2021. — Т. 21, № 4. — С. 700-711. — DOI 10.22363/2313-0660-2021-21-4-700-711. — EDN ORQLRP.

132. Фененко, А. В. Иллюзорная дисциплина: и снова о количественных методах в международных отношениях // Международные процессы. — 2021. — Т. 19, № 4(67). — С. 163-191. — DOI 10.17994/IT.2021.19.4.67.9. — EDN MKPWJD.

133. Феррарис, Л. Энергосистема Италии: новые энергоресурсы и рыночные технологии // Электроэнергия. Передача и распределение. — 2019. — № 3 (54). — С. 136-141.

134. Шакурова, Н. Е. Взаимоотношения России и Европейского Союза в современных условиях // Вопросы политологии. — 2023. — Т. 13, № 5 (93). — С. 2058-2063.

135. Шангараев, Р. Н. Когнитивное превосходство в контексте современных угроз // Социально-политические науки. — 2025. — Т. 15, № 2. — С. 84-88. — DOI 10.33693/2223-0092-2025-15-2-84-88. — EDN NJLPWS.

136. Шепелев, М. А. Журнал «Geopolitica» и становление итальянской геополитической школы // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. — 2017. — № 2. — С. 325-338.

137. Шибкова, М. О., Гулюки, А. С. Концептуальные основы внешней политики Италии в регионе большого Средиземноморья // Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). — 2023. — № 4 (111). — С. 94-112.

138. Шибкова, М. О., Малинина, О. В. Новая энергетическая стратегия Италии как следствие антироссийских санкций ЕС // Власть. — 2023. — Т. 31, № 5. — С. 251-257. — DOI <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i5.9826>.

139. Штоль, В. В. Проблемы лидерства в системе многополярности // Трансформация международной безопасности в XXI веке: Россия, Запад и Глобальный Юг : Сборник материалов международной научно-практической онлайн-конференции, Москва, 01 декабря 2023 года. — Москва: Дипломатическая академия МИД России, 2024. — С. 31-42. — EDN ELRGYG.

140. Щёкин, А. С. Вооружённые силы в политике Италии в Большом Средиземноморье // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. — 2023. — № 3. — С. 45-55. — DOI 10.15211/vestnikieran320234555.

141. Энтин, М. Л., Энтина, Е. Г., Бабкина С. Продовольственный и энергетический кризисы 2020-х годов как инструмент антироссийской политики стран Запада // Международные процессы. — 2024. — № 1. — С. 1-22.

Научные статьи на иностранных языках

142. Abbondanza, G. NATO-Europe-US Cooperation in the Indo-Pacific: Challenging Times Ahead. IAI Commentaries, 2025, no. 25|15. Available at: <https://www.iai.it/en/node/19742> (accessed: 04.08.2025).

143. Africa in the News: African leaders attend China's Belt and Road Summit. The Brookings. Africa in Focus, 19.05.2017. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/africa-in-focus/2017/05/19/africa-in-the-news-african-leaders-attendchina-one-belt-one-road-summit-violence-escalates-in-central-african-republic-and-cote-divoire-mutiny-ends/> (accessed: 27.02.2023).

144. Bilotta, N. The Weaponisation of Finance and the Risk of Global Economic Fragmentation. Istituto Affari Internazionali (IAI), 2022, 29 aprile. Available at: <https://www.iai.it/it/pubblicazioni/weaponisation-finance-and-risk-global-economic-fragmentation> (accessed: 02.05.2022).

145. Caballero-Vélez, D. and Simonelli, F. Business or Multilateralism? Italy and Spain's Competing Models of Engagement with Africa. IAI Papers, 2025, no. 25|21. Available at: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c03/business-or-multilateralism-italy-and-spains-competing-models-engagement-africa> (accessed: 01.09.2025).

146. Croci, O. The «Americanization» of Italian foreign policy? Journal of Modern Italian Studies, 2005, vol. 10, no. 1. Available at: <https://doi.org/10.1080/1354571042000333342> (accessed: 09.10.2021).

147. Deandreis, M., Panaro, A. and Ferrara, O. Maritime Scenario in the Mediterranean: Analysis of the Competitiveness and Investments of the Major Logistics Players. Istituto Affari Internazionali (IAI), 2022, 03 maggio. Available at: <https://www.iai.it/it/pubblicazioni/maritime-scenario-mediterranean> (accessed: 03.05.2022).

148. Goldstein, L.J. and Zhukov, Y.M. A Tale of Two Fleets – A Russian Perspective on the 1973 Naval Standoff in the Mediterranean. Naval War College Review, 2004, vol. 57, no. 2, art. 4, p. 4. Available at: <https://digital-commons.usnwc.edu/nwc-review/vol57/iss2/4> (accessed: 15.10.2023).

149. Ilardo, M. The Rivalry between France and Italy over Libya and its Southwest Theatre. AIES Focus, 2018, no. 5. Available at: https://www.aies.at/download/2018/AIES-Fokus_2018-05.pdf (accessed: 23.10.2022).
150. Insisa, A. Timing Is Everything: Italy Withdraws from the Belt and Road Initiative. IAI, 19.12.2023. Available at: https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c05/timing-everything-italy-withdraws-belt-and-road-initiative_ftn3 (accessed: 24.01.2024).
151. Kumaraswamy, P.R. India's Nuke Dance Over Iran. Strategic Insights, 2007, vol. 6, no. 5. Available at: <http://hdl.handle.net/10945/11253> (accessed: 04.08.2025).
152. Madalena Barata da Rocha, Nicolas Boivin and Niclas Poitiers. The Economic Impact of Trump's Tariffs on Europe: An Initial Assessment. Bruegel Analysis, 17 April 2025. Available at: <https://www.bruegel.org/node/10843> (accessed: 15.10.2023).
153. Magugliani, Lodovico. Il Mediterraneo centro geopolitico del blocco continentale Euro-Asio-Africano. Geopolitica, 1942, vol. IV, no. 11, pp. 495-504.
154. Massi, E. Democrazie, colonie e materie prime. Geopolitica, 1939, vol. I, no. 1, pp. 17-35.
155. Mazzocco, I. and Palazzi, A.L. Italy Withdraws from China's Belt and Road Initiative. CSIS, 14.12.2023. Available at: <https://www.csis.org/analysis/italy-withdraws-chinas-belt-and-road-initiative> (accessed: 24.01.2024).
156. Nantulya, P. Implications for Africa from China's One Belt One Road Strategy. Africa Center for Strategic Studies, 22 March 2019. Available at: <https://africacenter.org/spotlight/implications-for-africa-chinaone-belt-one-road-strategy/> (accessed: 13.02.2023).
157. Nelis, J. Constructing fascist identity: Benito Mussolini and the myth of romanità. Classical World, 2007, vol. 100, no. 41, pp. 391-415.
158. Perrone, Andrea. Mare nostrum e «Geopolitica». Il mito imperiale dei geografi italiani. Diacronie, 2016, no. 25, documento 4. Available at: <http://journals.openedition.org/diacronie/3936> (accessed: 27.05.2025). DOI: <https://doi.org/10.4000/diacronie.3936>.

159. Pivovarenko, A.A. The return of the concept of the Adriatic and Ionian region in Italian foreign policy. *Serbian Review of European Studies*, 2023, vol. 2, no. 1, pp. 72-104. Available at: <https://doi.org/10.18485/sres.2023.2.1.3> (accessed: 15.10.2023).
160. Prentice, M., Bosna, U. and Yul, K. *Mediterranean Security: Italian, United States, NATO, and North African National Interests from a Geopolitical Perspective*. 2024. Available at: <https://www.liberty.edu/government/faculty/mary-prentice/> (accessed: 21.05.2024).
161. Roa, C. Visti dagli USA: l'Italia come ponte tra Atlantico e Indo-Mediterraneo. *Limes - Rivista Italiana di Geopolitica*, 2025, mensile, n. 2/2025, p. 248 (accessed: 27.02.2025).
162. Sauvignon, F. and Benaglia, S. Why IMEC Needs to Change Course in the Euromed: to Invest in the True Drivers of Peace and Economic Security. *European Institute of the Mediterranean*, 2024, no. 71. Available at: https://www.euromesco.net/wp-content/uploads/2024/09/EuroMeSCo-Paper-71_Final.pdf (accessed: 01.06.2025).
163. Sholkamy, M.E.A. Le iniziative italiane per la promozione della lingua e della cultura italiana all'estero. *ELLE*, 2019, vol. 7, no. 3, pp. 495-508.
164. Simonelli, F. The Mattei Plan One Year On. *IAI Commentaries*, 2025, no. 25|06. Available at: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c05/mattei-plan-one-year> (accessed: 01.06.2025).
165. Stivachtis, Yannis A. A MEDITERRANEAN REGION? REGIONAL SECURITY COMPLEX THEORY REVISITED. *RUDN Journal of International Relations*, 2021, no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/a-mediterranean-region-regional-security-complex-theory-revisited> (accessed: 03.05.2025).
166. Tshuma, D. and Fantappiè, M.L. The Nexus between Security and Development in the Sahel: West African Perspectives on EU Interventions. *ETTg Policy Briefs*, 2025, no. 3/2025. 14 p. Available at: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c05/mattei-plan-one-year> (accessed: 01.06.2025).

167. Verso un nuovo Concetto strategico della Nato. Prospettive e interessi dell'Italia. Geopolitica.info, 2021, dicembre. Available at: <https://www.parlamento.it/application/xmanager/projects/parlamento/file/repository/affariinternazionali/osservatorio/approfondimenti/PI0185.pdf> (accessed: 07.05.2022).

Диссертации и авторефераты

168. Атлангириев, И.И. Динамика развития внешней политики Италии в конце XX - начале XXI вв.: дис \... канд. полит. наук. М., 2008. 196 с.

169. Муромцева, О. В. Италия и проблемы средиземноморской безопасности в 1990-е гг. : автореферат дис. \... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. - Москва, 2006. - 27 с.

170. Онищенко, Р. В. История реализации политики безопасности Итальянской Республики в Средиземноморье : 1995 - 2006 гг. : автореферат дис. \... кандидата исторических наук : 07.00.03 / Онищенко Роман Валерьевич; \[Место защиты: Российский государственный гуманитарный университет\]. - Москва, 2021. - 32 с.

171. Сысоев, Б.В. Политические проблемы европейской безопасности: дис \... канд. полит. наук. - М, 1999.

Аналитические отчеты, доклады и комментарии на русском языке

172. Авилова А. В. Италия перестраивает отношения с Китаем // Актуальные комментарии ИМЭМО РАН. — 2024. — 15 авг. — URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/italy-restructures-relations-with-china> (дата обращения: 15.08.2024).

173. Авилова А. В. Италия расширяет сотрудничество с Глобальным Югом // Актуальные комментарии ИМЭМО РАН. — 2025. — 20 марта. — URL: <https://www.imemo.ru/publications/policy-briefs/text/italiya-rasshiryayet-sotrudnichestvo-s-globalynim-yugom> (дата обращения: 20.09.2025).

174. Арбатова Н. К. «Большая семерка» в руках Италии. В приоритете у Рима Африка и искусственный интеллект // НГ-Дипкурьер. — 2024. — 11 февр. — URL: https://www.ng.ru/courier/2024-02-11/9_8945_italy.html (дата обращения: 13.03.2025).

175. Глубокая О. А. Итальянский фронт европейской гибридной войны против России // Блог Лаборатории аналитики ИАМПИ РСМД. — URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/laiamp/italyanskiy-front-evropeyskoy-gibridnoy-voyny-protiv-rossii/> (дата обращения: 24.05.2024).

176. Зонова Т. В. Италия: вызовы иммиграции // Российский совет по международным делам (РСМД). — 2024. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/italiya-vyzovy-immigratsii/> (дата обращения: 13.02.2024).

177. Зонова Т. В. Итальянский язык — soft power или dolce potere // Российский совет по международным делам (РСМД). — 2012. — URL: http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/italyanskiy-yazyk-soft-power-ili-dolcepotere/?sphrase_id=1820142 (дата обращения: 11.07.2023).

178. Киреева А. А. Морской шелковый путь XXI века как новое измерение стратегического курса КНР // Россия и Восточная Азия через 70 лет после окончания Второй мировой войны : доклады, представленные на III международной конференции молодых востоковедов в Институте Дальнего Востока РАН (Москва, 11—12 ноября 2015 г.) / Совет молодых ученых ИДВ РАН. — М. : ИДВ РАН, 2016. — С. 14-19.

179. Костеж В. Россия — Италия: без надежды на перспективу? // Российский совет по международным делам (РСМД). — 2023. — 24 янв. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/europeanpolicy/rossiya-italiya-bez-nadezhdy-na-perspektivu/> (дата обращения: 03.05.2025).

180. Медведев Д. А. Человечество должно окончательно избавиться от наследия колониальной системы. Время метрополий истекло // Министерство иностранных дел Российской Федерации. — 2024. — 14 июня. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/istoricheskie_materialy/1956884/ (дата обращения: 17.08.2024).

181. Организация Объединенных Наций. Совет Безопасности. Доклад S/2021/752 [Электронный ресурс]. — 2021. — URL: <https://undocs.org/S/2021/752> (дата обращения: 01.10.2023).

182. Проди Дж., Фарделла Э. Чем опасен «один путь» Италии и Китая для США и ЕС? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». — 2019. — 28 марта. — URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/odin-put-italiii-kitaya/> (дата обращения: 24.05.2023).

183. Противоречия между Францией и Италией не позволяют урегулировать конфликт в Ливии [Электронный ресурс] // Институт исследований международных проблем (ИИМЭМО). — 2018. — URL: <http://www.iimes.ru/?p=47566> (дата обращения: 18.05.2025).

184. Табаринцева-Романова К. М. «Italsimpatia» как элемент культурной дипломатии // Доклады Института Европы. — 2014. — № 306. — С. 68. — URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/30008/1/T-R_2014.pdf (дата обращения: 11.07.2023).

185. Федорцев В. «Жесткий соперник и системный конкурент»: Зачем Евросоюз собрался разворачивать свой курс против Китая // Российская газета. — 2022. — 18 окт. — URL: <https://rg.ru/2022/10/18/partnera-naznachili-sopernikom.html> (дата обращения: 19.10.2022).

Аналитические отчеты, доклады и комментарии на иностранных языках

186. "No one will look for you": Forcibly returned from sea to abusive detention in Libya. Amnesty International. London: Amnesty International, 2021, 15 July. Available at: https://www.amnesty-international.be/sites/default/files/bijlagen/15072021_report_libya_forcibly_returned_from_sea_to_abusive_detention.pdf (accessed: 01.10.2023).

187. Alcaro, R. and Goretti, L. Meloni's US Dilemma: Balancing Ideology and Strategic Interest. Istituto Affari Internazionali (IAI), 2025. Available at: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c05/melonis-us-dilemma-balancing-ideology-and-strategic-interest> (accessed: 10.05.2025).

188. Annual Report 2023. Agenzia Italiana per la Cooperazione allo Sviluppo (AICS). Roma, 2024. Available at: https://www.aics.gov.it/wp-content/uploads/2025/01/AICS_AR_2023_Web-1.pdf (accessed: 12.04.2025).

189. Caballero-Vélez, D. and Simonelli, F. Good Intentions in Need of Good Governance: The Unclear State of the Mattei Plan. Istituto Affari Internazionali (IAI), 2025, 25 July. Available at: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c05/good-intentions-need-good-governance-unclear-state-mattei-plan> (accessed: 20.08.2025).
190. Carbone, G. and Ragazzi, L. Rebooting Italy's Africa Policy: Making the Mattei Plan Work. ISPI, 2025. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/rebooting-italys-africa-policy-making-themattei-plan-work-190978> (accessed: 25.02.2025).
191. Carbone, G. and Ragazzi, L. Rebooting Italy's Africa Policy: Making the Mattei Plan Work. ISPI, 2025. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/rebooting-italys-africa-policy-making-themattei-plan-work-190978> (accessed: 25.02.2025).
192. China's Eastern Mediterranean ambitions: a challenge to Europe's strategic autonomy. Bruegel. Available at: <https://www.bruegel.org/newsletter/chinas-eastern-mediterranean-ambitions-challenge-europes-strategic-autonomy> (accessed: 15.08.2024).
193. Corm, G. Economic Evolution in the Mediterranean Countries in a Changing World. IEMed Mediterranean Yearbook, 2011. Available at: <https://www.iemed.org/publication/economic-evolution-in-the-mediterranean-countries-in-a-changing-world/> (accessed: 03.05.2024).
194. Cosa dice il secondo stato di avanzamento del Piano Mattei. Info Cooperazione, 2025, 9 luglio. Available at: <https://www.info-cooperazione.it/2025/07/cosa-dice-il-secondo-stato-di-avanzamento-del-piano-mattei/> (accessed: 20.08.2025).
195. de Teffé, M. L'Italia Che Serve A Trump. START InSight, 2025. Available at: <https://www.startinsight.eu/litalia-che-serve-a-trump/> (accessed: 11.06.2025).
196. Deiana, F. Iraq: perno della politica estera e di difesa italiana in Medio Oriente. Fondazione Med-OR, 2023, 5 maggio. Available at: <https://www.med-or.org/news/iraq-e-kurdistan-perno-della-politica-estera-e-di-difesa-italiana-in-medio-oriente> (accessed: 20.05.2024).

197. Eastern Mediterranean pipeline project. Available at: <https://www.nsenergybusiness.com/projects/eastern-mediterranean-pipeline-project/> (accessed: 11.03.2025).
198. EU-China summit, 24 July 2025. European Council. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/meetings/international-summit/2025/07/24/> (accessed: 19.09.2025).
199. Europe-Africa: A Special Partnership. Institut Montaigne, 2019. Available at: <https://www.institutmontaigne.org/en/publications/europe-africa-special-partnership> (accessed: 05.07.2024).
200. Fantappiè, M.L. Conclusions: Italy in a Shifting Global Order. In: Mediterranean Transitions from the Gulf to the Sahel: The Role of Italy and the EU. Ed. by Dessì, A. and Huber, D. Rome: Istituto Affari Internazionali (IAI), 2024. Pp. 134-139. Available at: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c02/mediterranean-transitions-gulf-sahel> (accessed: 15.10.2024).
201. Goretti, L. and Simonelli, F. Italy's Foreign Policy in 2023: Challenges and Perspectives. Documenti IAI, 2024, no. 24|01. Available at: <https://www.iai.it/en/node/18059> (accessed: 01.06.2025).
202. How to improve the Italian science diplomacy. Scienza in Rete, 2024. Available at: <https://www.scienzainrete.it/node/9636> (accessed: 10.02.2024).
203. Il governo Meloni alla prova. Rapporto sulla politica estera italiana. Edizione 2023. IAI, 2023. Available at: <https://www.iai.it/sites/default/files/9788893683128.pdf> (accessed: 01.05.2025).
204. Irregular Migration in the Mediterranean: Down, but for How Long? ISPI Online, 2023. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/irregular-migration-in-the-mediterranean-down-but-for-how-long-184880> (accessed: 02.05.2025).
205. Italia – Cina, I contenuti del Memorandum e I 29 accordi per (almeno) sette miliardi di euro. Il Sole 24 Ore, 2019. Available at: <https://www.ilsole24ore.com/art/italia-cina-contenuti-memorandum-e-trenta-accordi-almeno-sette-miliardi-euro-ABPvc3gB> (accessed: 09.10.2021).

206. Italia Culture Mediterraneo. Istituto Italiano di Cultura di Rabat. Available at: https://iicrabat.esteri.it/it/gli_eventi/calendario/italia-culture-mediterraneo/ (accessed: 05.07.2024).
207. Italy-China Business Forum Proceedings. Camera di Commercio Italo-Cinese, 2023. Available at: <https://www.italychina.org> (accessed: 09.10.2021).
208. Kaboub, F. Africa: Is Italy's \$6bn Plan for Africa Just PR-Friendly Neocolonialism? African Arguments, 2024, 2 February. Available at: <https://allafrica.com/stories/202402020408.html> (accessed: 17.08.2024).
209. La Cina: sviluppi interni, proiezione esterna. Osservatorio di Politica Internazionale, 2020. Available at: <https://www.parlamento.it/application/xmanager/projects/parlamento/file/repository/affariinternazionali/osservatorio/approfondimenti/PI0163.pdf> (accessed: 09.10.2021).
210. La promozione all'estero della scienza e della tecnologia italiane. Ministero degli Affari Esteri. Available at: <https://www.esteri.it/it/diplomazia-culturale-e-diplomazia-scientifica/cooperscientificatecnologica/reteaddettiscientifitecnologici/> (accessed: 10.01.2024).
211. Laroche, F. An Overview of Maritime and Terrestrial Infrastructures in the Mediterranean Basin. In: IEMed Mediterranean Yearbook 2010. Barcelona: European Institute of the Mediterranean (IEMed), 2010. Available at: <https://www.iemed.org/publication/an-overview-of-maritime-and-terrestrial-infrastructures-in-the-mediterranean-basin/?lang=es> (accessed: 04.08.2025).
212. Libya and the Franco-Italian rivalry. GIS Reports Online, 2021. Available at: <https://www.gisreportsonline.com/r/italy-france/> (accessed: 18.05.2025).
213. L'Italia dal governo Draghi al governo Meloni. Rapporto sulla politica estera italiana. Edizione 2022. IAI, 2022. Available at: <https://www.iai.it/sites/default/files/9788893682800.pdf> (accessed: 01.05.2025).
214. L'Italia dinanzi alle sfide del 'Mediterraneo allargato'. La politica estera del governo Draghi. Istituto Affari Internazionali (IAI), 2022, 26 aprile. Available at: <https://www.iai.it/it/eventi/litalia-dinanzi-alle-sfide-del-mediterraneo-allargato-la-politica-estera-del-governo-draghi> (accessed: 01.05.2022).

215. L'Italia nell'anno delle grandi elezioni. Rapporto sulla politica estera italiana. Edizione 2024. IAI, 2024. Available at: <https://www.iai.it/sites/default/files/9788893683500.pdf> (accessed: 04.08.2025).

216. Nuova strategia USA verso l'Iran: quali rischi per l'Italia? Istituto per gli studi di politica internazionale (ISPI), 2018, 24 maggio. Available at: <https://www.ispionline.it/it/pubblicazione/nuova-strategia-usa-verso-liran-quali-rischilitalia-20598> (accessed: 30.08.2025).

217. President Meloni's speech at Rome MED Dialogues 2024. Governo Italiano, 2024, 27.11. Available at: <https://www.governo.it/en/articolo/president-melonis-speech-rome-med-dialogues-2024/27243> (accessed: 23.01.2025).

218. President Meloni's speech at Rome MED Dialogues 2024. Governo Italiano, 2024, 27.11. Available at: <https://www.governo.it/en/articolo/president-melonis-speech-rome-med-dialogues-2024/27243> (accessed: 23.01.2025).

219. Priorities and Objectives of Defence in the 2024-2026 Programmatic Document. AffariInternazionali. Available at: <https://www.affarinternazionali.it/priorita-e-obiettivi-della-difesa-nel-documento-programmatico-2024-2026/> (accessed: 10.07.2024).

220. Remarks by President Meloni with the President of the United States of America, Donald J. Trump. Italian Government. Available at: <https://www.governo.it/en/node/28248> (accessed: 15.10.2023).

221. Rethinking Italy's 'Enlarged Mediterranean'. ISPI, 2024, 11 June. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/rethinking-italys-enlarged-mediterranean-176932> (accessed: 03.05.2024).

222. Roggero, C. Algeria and Italy: A New Era, Scattered with Challenges. ISPI, 2024, 4 Sep. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/algeria-and-italy-a-new-era-scattered-with-challenges-183086> (accessed: 04.08.2025).

223. Schiavi, F.S. In Iraq, Italy and France are looking for a primary role to play. Istituto per gli studi di politica internazionale (ISPI), 2021, 12.10. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/iraq-italy-and-france-are-looking-primary-roleplay-31955> (accessed: 30.08.2025).

224. Schiavi, F.S. In Iraq, Italy and France are looking for a primary role to play. Istituto per gli studi di politica internazionale (ISPI), 2021, 12.10. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/iraq-italy-and-france-are-looking-primary-roleplay-31955> (accessed: 22.02.2023).

225. Sfide UE: Federica Mogherini. Istituto per gli Studi di Politica Internazionale (ISPI). Available at: <https://www.ispionline.it/it/informarsi-per-il-mondo/sfide-ue-mogherini> (accessed: 12.03.2025).

226. Talbot, V. Italy's Renewed Activism in the "Wider Mediterranean": A Bet for the Future. ISPI, 2023, 4 Oct. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/italys-renewed-activism-in-the-wider-mediterranean-a-bet-for-the-future-146369> (accessed: 04.08.2025).

227. Talbot, V. Italy's Renewed Activism in the "Wider Mediterranean": A Bet for the Future. ISPI, 2023, 4 Oct. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/italys-renewed-activism-in-the-wider-mediterranean-a-bet-for-the-future-146369> (accessed: 04.08.2025).

228. The Italian economy and its European outlook. Robert Schuman Foundation. Available at: <https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/781-the-italian-economy-and-its-european-outlook> (accessed: 26.02.2025).

229. The Mattei Plan for Africa: A Turning Point in Italy's Development Cooperation Policy? Istituto Affari Internazionali (IAI). Available at: <https://www.iai.it/en/pubblicazioni/c05/mattei-plan-africa-turning-point-italysdevelopment-cooperation-policy> (accessed: 10.07.2024).

230. The Mediterranean: A Timeless Strategic and Logistics Hub? ISPI Online, 2024, 5 Dec. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/the-mediterranean-a-timeless-strategic-and-logistics-hub-191215> (accessed: 02.12.2024).

231. The Mediterranean: A Timeless Strategic and Logistics Hub? ISPI Online, 2024, 5 Dec. Available at: <https://www.ispionline.it/en/publication/the-mediterranean-atimeless-strategic-and-logistics-hub-191215> (accessed: 02.12.2024).

232. United States – Italy Joint Leaders' Statement. The White House, 2025. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/2025/04/united-states-italy-joint-leaders-statement/> (accessed: 19.04.2025).

233. Vita, L. Cos'è il Mediterraneo allargato. Insidercover, 2018, 31 luglio. Available at: <https://it.insideover.com/schede/politica/mediterraneo-allargato.html> (accessed: 01.05.2022).

234. What role should southern Europe play after the pandemic and the war in Ukraine? Towards a shared agenda for EU reform. CIDOB, IFRI, IAI, ELIAMEP, Real Instituto Elcano, IPRI – NOVA, April 2022. Available at: <https://doi.org/10.24241/NotesInt.2022/271/en> (accessed: 03.05.2022).

235. Zibaoui, A. The Mediterranean between uncertainty and hope. Friedrich Naumann Foundation for Freedom, 2024, 17 Jan. Available at: <https://www.freiheit.org/spain-italy-portugal-and-mediterranean-dialogue/mediterranean-between-uncertainty-and-hope> (accessed: 20.05.2024).

Материалы СМИ на русском языке

236. Инициатива "Один пояс, один путь": Китай готов к компромиссам. Коммерсантъ, 2023. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/6282836> (accessed: 08.07.2024).

237. Итальянский премьер считает, что украинский кризис укрепил связи Италии и США // ТАСС. — 2022. — 10 мая. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14591331> (дата обращения: 10.05.2022).

238. Китайская инициатива «Пояс и путь»: подробный анализ. PRC Today, 2023. Available at: <https://prc.today/kitajskaya-inicziativa-poyas-i-put-podrobnyj-analiz/> (accessed: 08.07.2024).

239. Помпео утверждает, что деятельность Huawei противоречит западным ценностям // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6504076/> (дата обращения: 28.08.2024).

240. Премьер Италии Мелони приехала в Китай после выхода из инициативы «Пояс и путь». Available at:

<https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/07/30/1052739-premer-italii-meloni-priehala-v-kitai> (accessed: 28.08.2024).

241. Российским дипломатам вновь не дали визы США для участия в мероприятиях по линии ООН // Коммерсантъ. — 2023. — 6 марта. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5862837> (дата обращения: 14.04.2025).

242. Чем богата Ливия // Коммерсантъ. — 2011. — 22 окт. — URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1801654> (дата обращения: 01.01.2024).

243. Щербакова В. Без права на сомнение: насколько украинский кризис отделил Италию от России // ТАСС. — 2022. — 12 апреля. — URL: <https://tass.ru/opinions/14354757> (дата обращения: 10.05.2022).

Материалы СМИ на иностранных языках

244. Batacchi, P. Guerra in Ucraina, il ruolo dell'Italia. Rivista italiana difesa, 2022, 24 febbraio. Available at: <https://www.rid.it/shownews/4767> (accessed: 06.05.2022).

245. Bath, A. Eased tensions and only so many ships: Navy reduces patrol presence in Mediterranean. Stars and Stripes, 2025, 6 January. Available at: <https://www.stripes.com/branches/navy/2025-01-06/mediterranean-europe-russia-iran-16389467.html> (accessed: 09.01.2025).

246. Chang, L. Morsi's China visit to forge closer ties with Beijing. Xinhua News, 2012, 27 August. Available at: http://news.xinhuanet.com/english/indepth/2012-08/27/c_131810473.htm (accessed: 04.08.2025).

247. China signs MOUs with 37 African countries, AU on B&R development. Xinhuanet, 2018. Available at: http://www.xinhuanet.com/english/2018-09/07/c_137452482.htm (accessed: 09.10.2021).

248. Come si esce dalla Via della Seta? Le Formiche, 2021. Available at: <https://formiche.net/2021/06/draghi-g7-via-della-seta-cina/> (accessed: 09.10.2021).

249. Di Battista, A. Alessandro Di Battista: "L'Italia deve dire no al Mes. Senza di noi la Ue si scioglie" – L'intervento sul Fatto Quotidiano. il Fatto Quotidiano, 2020, 19 Apr. Available at: <https://www.ilfattoquotidiano.it/in->

edicola/articoli/2020/04/19/litalia-deve-dire-no-al-mes-senza-di-noi-la-ue-si-scioglie/5774896/ (accessed: 04.08.2025).

250. Di Maio, L. Le priorità della politica estera italiana. AffarInternazionali, 2022, 23 marzo. Available at: <https://www.affarinternazionali.it/le-priorita-della-politica-estera-italiana/> (accessed: 01.05.2022).

251. Discorso del Presidente del Consiglio Mario Draghi al Senato della Repubblica. Governo Italiano. 2021. Available at: <https://www.governo.it/it/media/discorso-del-presidente-del-consiglio-mario-draghi-al-senato-della-repubblica> (accessed: 09.10.2021).

252. Forgnone, V. Vertice tra Draghi e Biden: il programma, le richieste tra Italia e Usa e le aspettative dei partiti. La Repubblica, 2022, 10 maggio. Available at: https://www.repubblica.it/politica/2022/05/10/news/vertice_draghi_biden_il_programma_e_le_richieste_tra_italia_e_usa-348878371/ (accessed: 10.05.2022).

253. Govt Halves 2025 Growth Forecast to 0.6%. Ansa, 2025, 9 April. Available at: https://www.ansa.it/english/news/2025/04/09/govt-halves-2025-growth-forecast-to-0.6_f1a32a85-ef8a-4720-90af-19c58a577787.html (accessed: 09.04.2025).

254. Guerra in Ucraina, Urso (Copasir): molte spie russe in Italia. SkyTg24, 2022, 10 maggio. Available at: <https://tg24.sky.it/cronaca/2022/05/10/guerra-ucraina-urso-spie-russe-italia> (accessed: 10.05.2022).

255. Guerra Ucraina-Russia, le possibili conseguenze per l'Italia. SkyTg24, 2022, 24 febbraio. Available at: <https://tg24.sky.it/cronaca/2022/02/24/guerra-ucraina-russia-conseguenze-italia> (accessed: 01.05.2022).

256. Italia – Cina: Di Maio firma tre Memorandum d'intesa su Belt and Road Initiative, E-Commerce e Startup. Ministero dello Sviluppo economico. 2019. Available at: <https://www.mise.gov.it/index.php/it/per-i-media/notizie/2039474-italia-cina-di-maio-firma-tre-memorandum-d-intesa-su-belt-and-road-initiative-e-commerce-e-startup> (accessed: 09.10.2021).

257. Italy Backs EU's Tariffs on Chinese Electric Cars. Reuters, 2024, 16 September. Available at: <https://www.reuters.com/business/autos-transportation/italy-backs-eus-chinese-tariffs-foreign-minister-says-2024-09-16> (accessed: 16.09.2024).

258. Italy Bolsters Mediating Role in Libya, Focuses on Migration Management. libya update, 2024, 14.03. Available at: <https://libyaupdate.com/italy-bolsters-mediating-role-in-libya-focuses-on-migration-management/> (accessed: 14.03.2024).

259. Italy Supports EU in Tariff Negotiations Says Tajani. Ansa, 2025, 7 April. Available at: https://www.ansa.it/english/news/politics/2025/04/07/italy-supports-eu-in-tariff-negotiations-says-tajani_fc54179d-27b9-4dc0-894e-0c44f499dcfd.html (accessed: 07.04.2025).

260. Italy's DPP 2024-2026: Strengthening of Italian Navy and Maritime-Related Programmes. Naval News. Available at: <https://www.navalnews.com/naval-news/2024/10/italys-dpp-2024-2026-strengthening-of-italian-navy-and-maritime-related-programmes/> (accessed: 10.07.2024).

261. La nuova Direzione Generale per la diplomazia pubblica e culturale. Ministero degli Affari Esteri e della Cooperazione Internazionale. 2022. Available at: https://www.esteri.it/en/sala_stampa/archivionotizie/approfondimenti/2022/01/la-nuova-direzione-generale-per-la-diplomazia-pubblica-e-culturale-della-farnesina-la-parola-allambasciatore-terracciano/ (accessed: 05.07.2024).

262. Lombardo, I. Contatti tra Turchia e Italia: "Subito una conferenza pace". La Stampa, 2022, 22 aprile. Available at: https://www.lastampa.it/politica/2022/04/22/news/contatti_tra_turchia_e_italia_subito_una_conferenza_pace_-3149605/ (accessed: 08.05.2022).

263. Meloni Meets US Vice President Vance in Rome. Ansa, 2025, 18 April. Available at: https://www.ansa.it/english/news/politics/2025/04/18/meloni-meets-us-vice-president-vance-in-rome_a7631331-2263-4db9-bc9e-f5b2b844f153.html (accessed: 18.04.2025).

264. Meloni Says Trump's Tariffs on EU Goods Are 'Wrong'. Ansa, 2025, 3 April. Available at: https://www.ansa.it/english/news/politics/2025/04/03/meloni-says-trumps-tariffs-on-eu-goods-are-wrong_c16ae22f-2225-470e-b5ef-e8f063bad3aa.html (accessed: 03.04.2025).

265. Meloni, Israele si difenda ma rispetti il diritto umanitario. ANSA, 2024, 07.10. Available at: <https://www.ansa.it/sito/notizie/politica/2024/10/07/meloni-israele->

si-difenda-ma-rispetti-il-diritto-umanitario_8711067b-da6c-4f42-97f4-5171478efb69.html (accessed: 11.05.2025).

266. Minniti, M. Un filo rosso lega l'Ucraina al Mediterraneo. HuffPost, 2022, 25 aprile. Available at: https://www.huffingtonpost.it/esteri/2022/04/25/news/marco_minniti_un_filo_rosso_lega_l_ukraina_al_mediterraneo_-9258369/ (accessed: 09.05.2022).

267. Only Tariffs in Place Were Imposed by Brussels - Salvini. Ansa, 2025, 15 March. Available at: https://www.ansa.it/english/news/general_news/2025/03/15/only-tariffs-in-place-were-imposed-by-brussels-salvini_0f3aea36-8ec9-40c6-ad52-041e932aa8f1.html (accessed: 15.03.2025).

268. Press release following Council of Ministers no. 57. Italian Government. 2023. Available at: <https://www.governo.it/en/node/24170> (accessed: 04.08.2025).

269. Rawnsley, J. and Gozzi, L. Trump and Meloni Talk Up Chances of US Trade Deal with Europe. BBC News, 2025, 17 April. Available at: <https://www.bbc.com/news/articles/cdjlr3mnlero> (accessed: 17.04.2025).

270. Renzi: bene la nuova Via della Seta, ma penso anche ai porti italiani. ANSA.it, 2016. Available at: https://www.ansa.it/mare/notizie/portielogistica/news/2016/09/04/renzi-bene-la-nuova-via-seta-ma-penso-anche-ai-porti-italiani_c8381ce6-dfaf-4489-bed4-46dd8d2923ce.html (accessed: 08.07.2024).

271. Sarzanini, F. Bollette, gas, grano: le conseguenze della guerra in Ucraina per l'Italia. Corriere della Sera, 2022, 25 febbraio. Available at: https://www.corriere.it/economia/consumi/22_febbraio_25/bollette-gas-conseguenze-italia-guerra-ucraina-russia-7a63759a-95b6-11ec-ae45-371c99bdba95.shtml (accessed: 02.05.2022).

272. Syrian Crisis: Italy allocates almost 19 million euros for humanitarian operations. ReliefWeb, 19.07.2016. Available at: <https://reliefweb.int/report/syrian-arab-republic/syrian-crisis-italy-allocates-almost-19-million-euros-humanitarian> (accessed: 20.02.2021).

273. Tajani calls Quintet meeting to focus on Syria and Iran. Agenzia Nova, 2025, 06.01. Available at: <https://web.archive.org/web/20250108162803/https://www.agenzianova.com/en/news/Tajani-calls-quintet-meeting-to-focus-on-Syriaand-Iran/> (accessed: 11.10.2025).

274. Tajani: 'No ad un'Europa a trazione di due o tre Paesi'. ANSA, 02.09.2023. Available at: https://www.ansa.it/sito/notizie/economia/2023/09/02/tajani-no-ad-uneuropa-a-trazione-di-due-o-tre-paesi_167fd364-932c-4e3a-8894-5ce772ce770c.html (accessed: 24.01.2024).

275. Washington Asks Allies to Drop Huawei. The Wall Street Journal, 2018, 23 November. Available at: <https://www.wsj.com/articles/washington-asks-allies-to-drop-huawei-1542965105?tesla=y> (accessed: 24.10.2025).

Иные электронные ресурсы на русском языке

276. «Газпром» и итальянская ENI подписали Соглашение о стратегическом партнерстве // Газпром. — 2006. — 14 нояб. — URL: <https://www.gazprom.ru/press/news/2006/november/article55943/> (дата обращения: 11.12.2021).

277. Santi, T. Il ruolo della Russia nel Mediterraneo. Europamediterraneo, 2017, 4 December. Available at: <https://www.europamediterraneo.com/quale-ruolo-della-russia-nel-mediterraneo/> (accessed: 11.12.2022).

278. Взаимодействие Италии и НАТО // НАТО.рф : информационно-аналитический портал. — URL: <https://нато.рф/ru/italy.html> (дата обращения: 11.02.2021).

279. Интервью директора Департамента международных организаций МИД России К. М. Логвинова информационному агентству ТАСС, 23 сентября 2025 года [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. — 2025. — 23 сент. — URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/un/2048233/ (дата обращения: 23.09.2025).

Иные электронные ресурсы на иностранных языках

280. Boxer, B. and Salah, M. Mediterranean Sea. Encyclopedia Britannica, 2025, 23 April. Available at: <https://www.britannica.com/place/Mediterranean-Sea> (accessed: 23.04.2025).

281. Fasanotti, F. The Russian strategy in the Mediterranean. GIS Reports Online, 2024, 25 June. Available at: <https://www.gisreportsonline.com/r/russia-mediterranean/> (accessed: 25.06.2024).

282. GDP by Country. Available at: <https://www.worldometers.info/gdp/gdp-by-country/> (accessed: 27.04.2025).

283. Giordano, L. Il conflitto russo-ucraino. Quali possibili conseguenze per l'Italia? AMIStaDeS, 2022, 29 marzo. Available at: <https://www.amistades.info/post/conflitto-russo-ucraino-possibili-conseguenze-italia> (accessed: 01.05.2022).

284. Gulf Cooperation Council: Economic Prospects and Policy Challenges for the GCC Countries. Country Report No. 2023/413. International Monetary Fund (IMF). Washington, D.C., 2023. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/CR/Issues/2023/12/14/Gulf-Cooperation-Council-Economic-Prospects-and-Policy-Challenges-for-the-GCC-Countries-542513> (accessed: 03.05.2024).

285. Il ruolo della diplomazia italiana nel processo di integrazione europea: Pietro Quaroni e la Comunità di Difesa. Storia e Futuro. Available at: <https://storiaefuturo.eu/l-ruolo-della-diplomazia-italiana-nel-processo-di-integrazione-europea-pietro-quaroni-e-la-comunita-di-difesa/> (accessed: 02.05.2025).

286. Italy Exports By Country. Trading Economics. Available at: <https://tradingeconomics.com/italy/exports-by-country> (accessed: 15.10.2025).

287. Nedopil Wang, C. China Belt and Road Initiative (BRI) Investment Report 2024. Shanghai: Green Finance & Development Center, 2025. 35 p. Available at: <https://greenfdc.org/china-belt-and-road-initiative-bri-investment-report-2024/> (accessed: 15.08.2025).

288. Regional Economic Prospects: Mediterranean Region. European Bank for Reconstruction and Development (EBRD). London, 2023. Available at: <https://www.ebrd.com/home/news-and-events/news/2023/ebrd-expects-modest-2023-growth-in-southern-and-eastern-mediterranean.html> (accessed: 20.05.2024).

289. Renewable Energy Statistics 2022. International Renewable Energy Agency (IRENA). Abu Dhabi, 2022. Available at: <https://www.irena.org/publications/2022/Jul/Renewable-Energy-Statistics-2022> (accessed: 19.05.2023).

290. Review of Maritime Transport 2023. UNCTAD. Geneva, 2023. Available at: <https://unctad.org/publication/review-maritime-transport-2023> (accessed: 20.06.2024).

291. Statistiche relative all'import/export di merci italiane. Osservatorio economico. Italian Ministry of Foreign Affairs. Updated on 18 April 2025. Available at: <https://www.infomercatiesteri.it/osservatorio-economico-intercambio-commerciale-italiano-mondo.php> (accessed: 18.04.2025).

292. Transport in the European Union: Current Trends and Issues. European Union (EU). Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2024. ISBN 978-92-68-17676-4. DOI 10.2832/131741. (accessed: 15.04.2025).

293. World Employment and Social Outlook: Trends 2023. International Labour Organization (ILO). Geneva, 2023. Available at: <https://www.ilo.org/publications/world-employment-and-social-outlook-trends-2023> (accessed: 20.05.2024).

ПРИЛОЖЕНИЕ А

(справочное)

Проекты «плана Маттеи» по странам (по состоянию на июнь 2025 года)

Страна	Сектор	Название проекта / Направление	Ключевой исполнитель / Партнер	Статус и ключевые детали
Алжир	Сельское хозяйство	Восстановление полузасушливых земель	Bonifiche Ferraresi International	Реализация. Обработано ~7000 га, первая посевная (окт. 2024). Ожидаемая производительность 40-45 тыс. т/год.
	Образование	Центр профессиональной подготовки (с/х)	Минсельхоз Италии, MUR, MAECI	Реализация. Запущен. Цель – стать региональным хабом.
	Энергетика	Участие в Южном водородном коридоре (SouthH2)	Правительства Италии, Германии, Австрии	Стадия соглашения. Подписана Декларация о намерениях (янв. 2025).
Ангола	Инфраструктуры	Коридор Лобито (железнодорожный)	Консорциум с ЕС, США, АфБР	Реализация. Италия выделила 250 млн евро (2025).
Египет	Образование	Школа гостеприимства в Хургаде	Сеть отелей Pickalbatros, Минтуризма Италии	Реализация. Открыта в окт. 2024. Курсы с 2025 г.
		Итало-египетский центр занятости	MAECI Италии	Запуск. Меморандум подписан в апр. 2025.

	Энергетика	Крупная СЭС (1000 МВт) и хранение	Финансирование через Plafond Africa (CDP)	Планирование. Финансирование 110 млн евро.
Кот-д'Ивуар	Здравоохранение	Расширение больницы Абобо (неонатология)	OSC CUAMM	Начальная стадия. Начато исследование.
	Образование	Поддержка начального образования	AICS (Итальянское агентство сотрудничества)	Реализация. Финансирование 15 млн евро (грант).
	Сельское хозяйство	Агропродовольственный центр (5000 га)	Не указан	Планирование. Идентифицирована территория.
	Финансы	Кредитная линия для агробизнеса	SACE (Министерству финансов Кот-д'Ивуара)	Реализация. Сумма 200 млн евро.
	Цифровизация	Программа "Digital Flagship"	МАЕСІ, ПРООН	Планирование. Укрепление цифровой инфраструктуры госуслуг.
Кения	Энергетика	Производство растительного масла для биотоплива	ENI	Реализация. Участие >100 000 фермеров, 80 000 га.
		Соглашение о сотрудничестве в энергетике	MASE Италии	Согласование. Подписан MoU (март 2025).

	Сельское хозяйство	Снижение афлатоксинов	Не указан	Запуск. Финансирование 50 млн евро. Запланирован на 2025 г.
Марокко	Образование/Энергетика	Панафриканский центр по ВИЭ	Fondazione RES4Africa, ENEL, Университет Мохаммеда VI	Реализация. Первый курс запущен в окт. 2024.
	Здравоохранение	Развитие телемедицины	Компания Dedalus, госпиталь Гаслини	Реализация. Запущен в мае 2024.
Мозамбик	Сельское хозяйство	Агропродовольственный кластер (пров. Маника)	Правительство Мозамбика	Планирование. Запланирован на 2025 г.
	Энергетика	Проект ASCENT (доступ к энергии)	Финансирование из Климатического фонда	Согласование. Запрос на софинансирование.
Республика Конго	Водные ресурсы	Водоснабжение Бразавиля (SAEP DJOUE)	Национальная водная компания Конго	Стадия изучения. Определяются технические аспекты.
	Сельское хозяйство	Центры производства и обучения (10 000 га)	Не указан	Планирование. Идентифицирована территория.
Тунис	Сельское хозяйство/Вода	Проект TANIT (вода, ирригация)	Не указан	Реализация. Создается центр в Мограме.

	Энергетика	Innovation Zone Tunisia	TERNA	Реализация. Запущен в янв. 2025.
		Пилотное производство зеленого водорода	ENEL, ENI, ACEA	Обсуждение.
	Культура	Реставрация археологических сайтов	Центральный институт реставрации (Италия)	Планирование. Запланирован на 2025 г.
Эфиопия	Здравоохранение	Укрепление системы здравоохранения в Тыграе	Не указан	Разработка стратегии. Бюджет ~15 млн евро.
	Экология	Реабилитация озера Бойе и г. Джимма	Правительство Эфиопии	Реализация. Финансирование 25 млн евро.
	Образование	Поддержка реформы Университета Аддис-Абебы	MUR Италии	Планирование. Запуск в янв. 2025.
Гана	Сельское хозяйство	Центры производства и обучения (регион Вольта)	Не указан	Планирование.
	Цифровизация	Программа "Digital Flagship"	МАЕСИ, ПРООН	Планирование.
Мавритания	Энергетика	Программы сельской электрификации	Не указан	Обсуждение.

Сенегал	Сельское хозяйство	Развитие агропродовольственного сектора (Казаманс)	IFAD	Запуск. Софинансирование 90 млн долл.
	Цифровизация	Программа "Digital Flagship"	МАЕСИ, ПРООН	Планирование.
Танзания	Сельское хозяйство	Push Strategy (поддержка агрогруппы)	SACE	Реализация. Финансирование 20 млн евро.
	Инфраструктуры	Возможное расширение кабеля Blue Raman	Sparkle, ЕС	Обсуждение.
Регио-/Транснациональные	Энергетика	Картирование взаимосвязей энергосетей (Африка-ЕС)	Всемирный банк, ЕС	Реализация. Исследование запущено в мае 2024.
	Цифровизация	AI Hub for Sustainable Development	MIMIT, ПРООН, Microsoft	Реализация. Запущен в июне 2025.
	Образование	Транснациональные образовательные инициативы (AFAM)	MUR Италии	Реализация. Финансирование 46 млн евро для 38 стран.

Источник: составлено автором